ВАЛЕНТИН ВАРЕННИКОВ

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВ

ГЕННАДИЙ ЯНАЕВ

КРЮЧКОВ

КГБ НАКАНУНЕ ПУТЧА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Александрович Крючков – один из высших государственных деятелей Советского Союза, в 1988–1991 годах занимавший пост председателя КГБ СССР, В.С. Крючков был известен тем, что, борясь за спасение Советского Союза, входил в Государственный Комитет по чрезвычайному положению и пытался использовать КГБ для борьбы с Б. Ельциным и «Демократической Россией».

Авторы книги, представленной вашему вниманию, хорошо знали В.А. Крючкова. Генерал армии В.И. Варенников в августе 1991 года участвовал в попытке отстранения от власти президента СССР Михаила Горбачева; В.С. Павлов был премьер-министром СССР в 1991 году, активным участником ГКЧП; Г.И. Янаев, вице-президент СССР, во время августовского путча являлся председателем ГКЧП.

В их воспоминаниях приводятся уникальные подробности о деятельности КГБ накануне и в ходе путча, о действиях самого В.А. Крючкова, а также выводы о том, почему Комитет госбезопасности оказался не способен помочь ГКЧП.

- Валентин Варенников, Валентин Павлов, Геннадий Янаев
  - Г.И. Янаев. Почему ГКЧП не победил
    - «Операция ГКЧП»
    - Август 91-го
    - Провал
  - В.С. Павлов. Правда о «Путче»
    - Накануне
    - Встреча на объекте «АБЦ» КГБ СССР
    - Августовские события
  - В.И. Варенников. ГКЧП – факты и уроки
    - После августа 1991-го
    - «Куда смотрел КГБ?»
    - Суд над ГКЧП
    - Иск о развале СССР
    - «А был ли заговор?»
    - Горбачев перед судом
    - Уроки и выводы
    - Послесловие. Источники катастрофы СССР

Валентин Варенников, Валентин Павлов, Геннадий Янаев Крючков. КГБ накануне путча

Г.И. Янаев. Почему ГКЧП не победил (Из книги Г.И. Янаева «ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР»)

«Операция ГКЧП»

Зачем мы создали ГКЧП? Ответ очевиден для всех, кто пытался и пытается добросовестно разобраться в том, что происходило в СССР в последние годы его существования. Мы видели: Советский Союз разваливается, гибнет.

Советские правоохранительные органы, включающие, естественно, службу государственной безопасности, могли бы предотвратить гибель СССР, если бы не подверглись при Горбачеве разрушительным деформациям. Служащие КГБ оказались в необычайно сложном положении. С одной стороны, на них, как только могли, воздействовали генсек и его приближенные с их якобы демократически-либеральной доктриной. С другой, комитетчики должны были во что бы то ни стало воспрепятствовать развитию внутриполитической обстановки по самому опасному для государства сценарию, чреватому большим кровопролитием. Осуществление такого сценария было вполне возможным не только в «горячих» республиках СССР, но и в Российской Федерации.

Последний настоящий председатель Комитета госбезопасности В.А. Крючков, лишившийся своего поста за активное участие в ГКЧП, что бы ни говорили о Владимире Александровиче его недруги, был глубоко порядочным человеком. Его «не испортила» даже совместная работа в Будапеште с Ю.В. Андроповым, которого у нас считают первым и главным инициатором, подлинным идеологом «либеральной» перестройки в СССР.

Тут, наверное, не мешало бы попытаться несколько подробнее охарактеризовать личность чекиста, ставшего после смерти Брежнева главой КПСС и Советского Союза. Но едва ли такая попытка увенчается особым успехом. Андропов оставил после себя изрядное количество загадок, связанных с его деятельностью, а также планами и намерениями. Разгадки же Юрий Владимирович, по-видимому, унес с собой в могилу.

С какой стати он в конце 1970-х благоволил Горбачеву, добившись для своего протеже места в ЦК? Каким образом это соотносилось с идеологическими установками и стратегическими целями самого Андропова? Как можно было сочетать в себе потенциального политического реформатора и жесткого консерватора, боровшегося против любых либерально-демократических течений, включая музыкальные (рок-н-ролл, например)?

А может, никаких политических реформ Андропов и не

планировал вовсе, намереваясь ограничиться сугубо экономическими? В том-то и дело, что об истинных устремлениях этого человека, судя по всему, не ведали даже его приближенные. Во всяком случае, Владимир Крючков, насколько мне известно, имел на сей счет весьма смутные представления. Или же считал своим долгом «эксклюзивную информацию» о своем давнем знакомце хранить в секрете…

Как бы там ни было, пришедший на смену Крючкову Бакатин пробыл в должности председателя КГБ всего около двух месяцев. Но за этот срок умудрился запустить в эту «святая святых» такое количество ЦРУшников-«консультантов», что они какое-то время решали в нашем государстве вопросы, непосредственно связанные с его безопасностью. Сейчас это воспринимается как несмешной анекдот, а ведь такое было на самом деле.

Во время непродолжительного пребывания на посту министра внутренних дел В. Бакатина органы внутренних дел из инструмента поддержания порядка превратились в вооруженную базу сепаратизма, вооруженных националистических формирований, фактического слияния с организованной преступностью. Именно Бакатин в 1989–1990 гг. заключил от имени МВД СССР соглашения с союзными республиками о передаче им всех функций и сил, оставив за Центром обучение, международные связи, координацию и законотворчество, представительство в союзных органах власти. Все кадры и материально-техническая база – все ушло республикам, краям и областям. Министерство в Москве по этим соглашениям превращалось в беспомощный «дискуссионный клуб»…

Лучшие кадры из КГБ, МВД, армии были изгнаны, патриоты лишились должностей и званий. Наступило безвременье, вернее – время Грачевых, Мурашевых, Ериных, Степанковых. Ельцинская власть щедро расплатилась с ними за развал Советского Союза…

Бывший директор ЦРУ США Роберт Гейтс, прилетев в Москву как победитель, гордо прогуливаясь по Красной площади, вещал: «Мы понимаем, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно разрушить только взрывом изнутри»…

Напоминать о том, каким недружелюбным пропагандистским атакам подвергалась правоохранительная система СССР в последние годы ее существования, вряд ли стоит. В памяти многих сограждан воспоминания об этом еще наверняка не стерлись.

Что же касается темы «доброхотов-консультантов», присланных из «вашингтонского обкома», то она после развала СССР получила свое закономерное и показательное развитие. Уже

в первые месяцы 1992 года едва ли не во всех министерствах и ведомствах Российской Федерации появились т. н. «советники» из-за границы. Именно они предметно консультировали гайдаров, чубайсов и других поборников «шоковой терапии», залоговых аукционов, ваучеризации и т. п. И за свои консультации получали такие гонорары, какие им на родине и не снились. Из какой казны выплачивались эти вознаграждения? Уж точно не из американской. А если указать еще точнее – из тех денег, которые ельцинское правительство занимало у западных фондов, вешая на плечи российских налогоплательщиков дополнительные тяготы внешнего долга.

Таким образом, наших сограждан не только многократно ограбили посредством «либеральных реформ», но еще и принудили заплатить за них из собственных карманов дополнительно.

* * *

Вернемся к событиям 1991 года. Крайне тревожная и в то же время запутанная ситуация в стране меня как вице-президента ставила перед очень нелегким идейным и нравственным выбором. С одной стороны, я понимал, что перемены в государстве необходимы, с другой – было очевидно, что Горбачев ведет «не туда». Ведь его первый лозунг «Даешь ускорение!» предполагал быстрое развитие науки и техники, промышленности и сельского хозяйства, образования и социальной сферы. Кто же из нас мог бы этому противиться! Но к чему это все привело? Ни к чему. Или вернее, ни к чему хорошему.

Как ни тошно и стыдно в этом признаваться – из членов Политбюро и Совета безопасности СССР я был последним искренне верившим в то, что президент необъятной державы просто по определению не может быть пустым, ничтожным человеком, что рано или поздно он дарованную ему власть использует во благо страны. Эти иллюзии были настолько сильны, что на заседаниях Политбюро, открыто заявляя об ущербности «государственного курса», я тем не менее пытался защищать генсека от резких выпадов со стороны его политических оппонентов.

Более того, первоначально «операцию ГКЧП» ее инициаторы (прежде всего В.А. Крючков и О.С. Шенин) планировали провести в апреле 1991-го, когда Горбачев находился с визитом в Японии. Но мне удалось отговорить их от радикальных действий, представлявшихся тогда неоправданными, чересчур

авантюрными. У меня тогда еще теплилась надежда на то, что президент – не «совсем пропащий человек», что его еще можно как-то образумить… Надо ли объяснять, какова была степень моего разочарования после всего того, что произошло в 1991 году?

Уже находясь в «Матросской тишине», я прочитал «фундаментальную» книгу Горбачева с характерным названием «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира». И нашел в этом «труде» столько логических нестыковок, демагогических «вольностей» и глупостей, что не смог пересилить в себе желания разукрасить поля этой книжки всевозможными бранными эпитетами и комментариями. Особенно же раздражали беспрецедентно фальшивые горбачевские сентенции, вроде следующих:

«Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстоит глубокое разочарование… Все, что укрепляет социализм, – ко всему этому мы будем прислушиваться, со всем этим мы будем считаться. А с чуждыми социализму тенденциями будем бороться, но, повторяю, в рамках демократического процесса… Роль центра ослаблять не хотим, иначе лишимся преимущества плановой экономики… При этом руководствовались ленинскими требованиями о единстве законности на территории всей страны, о необходимости не допускать ни тени отступления от наших законов».

Стоит ли тут что-то комментировать? По-моему, нет. Ну разве что стоит мимоходом упомянуть об изумительных признаниях последнего советского генсека, сделанных после Августа-91. Оказывается, «в душе» этот «борец с чуждыми социализму тенденциями» никогда и не был, по его собственным словам, коммунистом, а был самым что ни на есть убежденным социал-демократом. Надо понимать, что и общество в стране он стремился выстраивать социал-демократическое. Ну такое, например, как в Швеции или Финляндии. Или, на худой конец, как в его горячо любимой объединенной Германии, где он когда-то получил титул «лучшего немца».

* * *

В тюрьме у меня, само собой, хватало времени на размышления и на то, чтобы делать закономерные выводы, обобщения.

Я понял мотивы поведения первого и последнего Президента

СССР – то, как он, лихорадочно цепляясь за власть после бесчисленных провалов в экономике, предпринимал еще более неадекватные, еще более чудовищные меры, приведшие в конечном итоге страну к полному краху.

Вспоминал, скорее невольно, пресловутую антиалкогольную кампанию с ярко выраженными признаками государственного маразма – все эти «безалкогольные» комсомольские свадьбы, сцены убийственных давок в очередях за спиртным, официальные сводки роста самогоноварения, наркомании и токсикомании, вырубленные драгоценные виноградники и прочие безрадостные картины простого общенародного бытия.

Всплывали в памяти и другие мрачные эпизоды позднесоветской действительности. Например, одновременное закрытие – якобы на ремонт – трех крупнейших табачных фабрик страны, вследствие чего ее «незадачливое» руководство вынуждено было ползать на коленях перед болгарами, прося самолетами отправить в Советский Союз самые обычные сигареты.

В СССР ширилось, «цвело и пахло» кооперативное движение. Оно что, помогло избавиться от осточертевшего всем продовольственного и промтоварного дефицита? Никак нет. Кооператоры очень быстро стали ассоциироваться у народа с легальными ворами и спекулянтами. Как-то меня пригласили в телепрограмму «Взгляд» для дискуссии с одним из «лидеров» кооперативного движения (а также одним из первых советских миллионеров) господином Тарасовым. Для чего позвали? Чтобы выставить неисправимым ретроградом и пригвоздить к «позорному столбу» (в этом качестве почему-то использовали конструкцию в виде креста). Эту высокую честь я заслужил своими высказываниями против создания кооперативов. Далеко не всех, конечно. А тех, что паразитировали на государственных предприятиях, использовали для своей наживы материальную, инфраструктурную базу крупных заводов и фабрик, а если и приносили государству и обществу какую-то пользу, то очень сомнительную, эфемерную, едва ли большую, нежели причиненный вред.

Вовсю развернулись силы, действовавшие под девизом «Чем хуже – тем лучше!», экономические, неприкрыто бандитские диверсии, как бы «специфично» это ни звучало, стали в наших городах заурядными явлениями. Доходило до того, что останавливали грузы с самой разной продукцией, двигавшиеся в столицу, и либо уничтожали их, либо заворачивали назад, к месту отправки.

Всем был очевиден злой умысел как причина всех этих

негодяйств. И, конечно же, правомерен вопрос: кто стоял за всеми подобными экономическими диверсиями в СССР? Детально прояснить ситуацию, пожалуй, могут лишь те, кто в эту широкомасштабную преступную деятельность был вовлечен. А эти деятели откровенничать на сей счет не станут. Ясно одно: у Горбачева были все необходимые полномочия для того, чтобы подобные диверсии в стране пресечь. Не пресек. Не смог или не захотел? Если не смог, то почему? Если не захотел, то по какой причине? Понятно, что гигантский механизм разрушения экономики, основ государственности, права, социальной жизни был управляемым. А откуда он управлялся – из Кремля или «Бильдербергского клуба» – наверное, все-таки не суть важно…

В одном из интервью мне задали вопрос: «В.А. Крючков рассказывал вам нечто такое, что до сих пор не известно российской общественности?» Я сказал: «Закон запрещает публично отвечать на подобные вопросы, а я человек, несмотря ни на что, законопослушный.

Это во-первых. Во-вторых, прекрасно осознавая, что далеко не все бывшие или нынешние представители государственного руководства соблюдают правила о неразглашении засекреченной информации, я, тем не менее, себе такого позволить не могу. Может, и хочется поделиться с согражданами кое-какими интересными для них сведениями, но, увы, не каждому это в нашем «демократическом» государстве позволено.

Одно скажу. В 1991 году в Москве вдруг возникли небывалые (пожалуй, с военных лет) трудности со снабжением. Но вот ведь парадокс: уже через день после первых объявлений по радио и телевидению о создании ГКЧП в столичных магазинах откуда ни возьмись появились всевозможные «дефицитные» товары…».

* * *

Анализируя основные предпосылки гибели СССР, нельзя не учесть и фактор взаимоотношений Горбачева с Ельциным, которые я бы определил как эдакую обоюдную «зоологическую» ненависть. И это при том, что они выполняли, по сути, одну задачу – расшатывали, разрушали Советский Союз. Но, как говорили в то время, двум медведям в одной берлоге было слишком тесно.

Считаю, что Лигачев в свое время совершил колоссальную ошибку, пригласив Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии, в Москву – сначала на должность заведующего отделом строительства, а потом и секретаря ЦК.

Когда Ельцина избрали первым секретарем Московского горкома партии, он повел себя в полном соответствии с духом того времени и первым делом стал завоевывать «любовь масс». Об этих ельцинских фокусах (поездках в общественном транспорте и прочих «явлениях народу») писали много, и подробно рассказывать о них здесь вряд ли есть смысл. Гораздо важнее другое – тема соперничества Ельцина с Горбачевым. Ведь это соперничество, вылившееся в непримиримую борьбу за власть, в конечном счете было оплачено уничтожением Советской державы.

Горбачев не мог противопоставить сопернику свою внутреннюю силу, мощную энергетику, подобных достоинств у генсека-президента отродясь не водилось. Ельцин же способен был, как танк или бульдозер, переть напролом. И это качество, как видно, в значительной мере компенсировало все его недостатки как руководителя и как человека. То есть о какой-то объективной, полезной для всего государства компенсации, конечно, речи идти не может, но на многих тогдашних партийных функционеров ельцинский напор-натиск действовал чуть ли не магически. Даже будучи изгнанным (в 1987 году) с поста первого секретаря МГК КПСС, Ельцин не ушел в политическое небытие, а стал ни много ни мало первым заместителем председателя Госстроя СССР.

Ничем особо выдающимся на должности провинциального секретаря, кроме, пожалуй, уничтожения Ипатьевского дома в Свердловске – приюта последнего российского императора, Ельцин не отличился. Типичный партийный функционер с умеренным интеллектом. В целях искоренения наследия В. Гришина в партийной организации Москвы, Горбачев рекомендовал первым секретарем МГК КПСС Ельцина. На партийном учете в Москве состояли партийные организации всех центральных органов власти. За два года «ельцинского правления» московская партийная организация была почти разрушена. Во главе большинства московских райкомов и крупных парторганизаций остались люди Ельцина. Предав своего покровителя Лигачева, Ельцин развернул в Москве кампанию по его дискредитации. Естественно, с благословения Горбачева как главного заказчика. Пленум ЦК КПСС, обвинив Ельцина в раскольнической деятельности, рекомендовал освободить его от должности московского партийного «воеводы». М. Горбачев обеспечил Ельцину министерский пост в Госстрое СССР. Все привилегии и блага, против которых активно и громко боролся будущий Президент России, погрязший в роскоши, у него тогда сохранились. При минимальной загрузке на служебной работе, он

активно использовал время для организационно-политической деятельности в своих интересах. М. Горбачев, считая, что контролирует через А. Яковлева формирование либеральной оппозиции, недооценил потенциальной опасности Б. Ельцина.

Борьба за власть в эти годы сконцентрировалась вокруг проблем, связанных с реформированием экономики. М. Горбачев и Б. Ельцин никогда не были крупными специалистами в экономике. Не понимали они и рыночных отношений, трудностей и проблем, связанных с переходом к ним. Они не понимали, что переход к рынку непосредственно затронет всех граждан, что рынок – вещь жесткая, а на первом этапе – и жестокая. Чтобы «смягчить» эту жестокость, было необходимо «встроить» в эти отношения социальные амортизаторы, которые смикшировали бы негативные последствия переходного периода. Противоречия М. Горбачева и Б. Ельцина по этому вопросу были не разногласиями в подходах и принципах, а лишь следствием столкновений интересов в процессе их борьбы за единоличную власть. Экономика страны стала заложницей политической борьбы за власть, что выражалось в требованиях «демократических реформ против разрушения командно-административной системы», где каждый называл себя демократом-рыночником, а противника – консерватором, партократом, бюрократом…

Однако в то, что Горбачев с Ельциным искусно, мастерски играли роли непримиримых взаимных врагов, сам не верю и верить никому не советую. Повторяю, их самая настоящая, обоюдная, лютая неприязнь была хорошо известна всем, кто их хоть немного знал. Для подтверждения этого приведу пример из собственной «биографии». Как-то раз под началом Горбачева мы проводили заседание Совета безопасности. Оно было рассчитано примерно на 40 минут (генсек собирался на какую-то встречу) и носило скорее формальный характер, то есть вполне можно было и без него обойтись. Так вот, перед этим дежурным мероприятием я предложил В.А. Крючкову эдакое шутейное пари, заявив: спорим, дескать, я сорву это заседание. Владимир Александрович согласился поставить бутылку коньяка на то, что у меня ничего не получится. Как только начали заседать, я обратился к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, прежде чем перейти к повестке дня, хотел бы вот что спросить: до каких пор будем терпеть безобразия Ельцина? Неужели его никак приструнить невозможно!». И тут, как говорится, Горбачева понесло. Он все 40 минут посвятил рассказу о том, кто такой Ельцин, и даже чуть было на свою запланированную встречу не опоздал. Крючков с тех пор мне остался должен коньяк… Ну да ничего, «там» встретимся – сочтемся.

* * *

В марте 1991 года прошел всесоюзный референдум. Власть спрашивала у многонационального народа, желает ли он и дальше жить в единой-неделимой Советской стране. И хотя пресловутые «центробежные тенденции» уже заявили о себе во весь голос, ни один здравомыслящий политик в СССР вслух не задавался вопросом: «Нужен нам этот Союз или не нужен?». Даже в тех республиках, в которых власти исподволь (а порой и вполне открыто) поощряли националистические настроения, политически активные люди выступали в основном за конституционные реформы, но – в рамках единого союзного государства.

Зачем вообще потребовался означенный референдум, имелись для его проведения какие-то основания, помимо надуманных? Нет, не было для этого никаких серьезных оснований. Но даже если допустить, что имелись, то результаты всенародного опроса должны были поставить в этой истории вместо нелепого знака вопроса жирную точку: более трех четвертей граждан Советского Союза высказались за сохранение государства. Что должен был сделать глава этого Союза сразу после референдума? Организовать полноценный законотворческий процесс – для внесения в Конституцию СССР необходимых корректив, изменения устаревших законодательных принципов во взаимоотношениях республик и Центра. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять разумность, целесообразность и полезность именно такого шага.

Но Горбачев подобными критериями не руководствовался. Он втайне от остальных членов союзного правительства и в сговоре с поборниками всевозможных «суверенитетов» приступил к подготовке новых «договорных отношений» между республиками. Роль союзного Центра в соответствии с разработанными проектами этих «договоренностей» сводилась к ничтожному минимуму. Таким образом, СССР как единое государство обрекался на сугубо номинальное существование, по сути – на распад.

Создавая ГКЧП, мы стремились предотвратить запланированное «суверенитетчиками» подписание так называемого Союзного договора, призванного фактически упразднить на территории СССР прямое действие союзной Конституции и утвердить верховенство конституций республиканских. (К заключительной работе над «договором» Горбачев и руководители 9 союзных республик приступили уже в апреле 1991-го – на печально-скандально известной встрече в

Ново-Огареве, из-за чего этот вероломный антисоветский, антигосударственный процесс и получил название «Новоогаревского».)

Самый чувствительный удар по единству союзного государства нанесли российские (ельцинские) власти. Они приняли законодательные и подзаконные акты, недвусмысленно направленные против Основного закона СССР. Согласно этим сепаратистским решениям, наши граждане в случаях коллизий (противоречий) между союзной и республиканской конституциями обязаны были руководствоваться положениями второй. В противном случае людям грозили административные и даже уголовные наказания.

По тем же нормативно-правовым актам практически вся крупная собственность, находившаяся на территории республики (государственные предприятия и учреждения практически всех сфер народного хозяйства – тяжелой и легкой промышленности, агрокомплекса, науки, культуры, образования и т. д. и т. п.), оказывалась в подчинении у республиканского руководства. В ведении союзного государства не оставалось практически ничего.

Рушилась сложившаяся за многие десятилетия двухканальная налоговая система. Союзные республики переставали платить обязательные налоги в общую казну – на содержание единых вооруженных сил, правоохранительных органов, на фундаментальные научные исследования, наукоемкие производства и прочие высокозатратные «великодержавные» нужды.

В том, что на таком положении вещей настаивал Ельцин, ничего странного, разумеется, нет. Но почему на все это соглашался глава союзного государства Горбачев? Можно ли придумать какое-то разумное оправдание его соучастию в том заведомо губительном, геростратовском процессе? Лично я при всем желании не смог бы найти подобного оправдания.

Помнится, мне в то время пришлось поучаствовать в телевизионном диспуте с Русланом Хасбулатовым, незадолго до этого избранным председателем Верховного Совета РСФСР. Я прямо заявил своему визави: вы ведете дело к развалу Советского Союза. И Хасбулатов по сути ничего не возразил. (Он, естественно, напустил туману и пытался отрицать очевидное, но это по большому счету – пустое…) Да и что тут возразишь. Разве возможно в современном мире существование такого государства, которому не требуются свое имущество, своя Конституция (ОСНОВНОЙ ЗАКОН ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ), своя крепкая налоговая база! Подобное государство – и не государство вовсе, а некий фантом, мираж, «облако в штанах», как говорил

Маяковский.

В противовес итогам референдума Совет министров РСФСР срочно принял 24 и 27 июня свои постановления, однозначно рассматривающие Россию как самостоятельное государство вне Советского Союза. Ельцинское руководство приняло решение о приоритете республиканских законов перед союзными…

Примеру Российской Федерации, успевшей принять «Декларацию о независимости» (читай от Советского Союза и других союзных республик), видя неспособность центральной власти остановить эти сепаратистские тенденции, последовали и другие союзные республики. Горбачев, продолжая за спиной Верховного Совета СССР и советского правительства «работу» над Союзным договором, сдавал сепаратистам и националистам одну позицию за другой.

18 июня 1991 г. Горбачев представил в Верховный Совет СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Это был проект ликвидации СССР как единого федеративного государства, ликвидации социалистического строя и Советов народных депутатов как основы демократического народовластия. Нарушения Конституции СССР и законов СССР приняли со стороны президента страны – гаранта ее Конституции – характер государственной измены, влекущей за собой особо серьезное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом.

Представленный Горбачевым проект Договора о Союзе Суверенных Государств был настолько откровенно антиконституционным, противоречащим решению Съезда народных депутатов СССР и итогам всенародного референдума, антигосударственным и антинародным, что даже последующий Верховный Совет СССР восстал против этого «документа», слепленного Горбачевым и его подельниками за спиной народа.

После длительных дискуссий Верховный Совет принял постановление «О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств», в котором высказался за его коренную доработку, создал союзную делегацию, обязав ее провести согласование с республиками и подписание переработанного Договора на Съезде народных депутатов СССР. Союзную делегацию Горбачев даже ни разу не собрал. Вместо этого в августе 1991 г., находясь в Форосе, он рассылает новый проект собственного сочинения и беспринципных уступок под грифом «совершенно секретно»… Он начинает придумывать сценарий подписания «Договора».

20 августа 1991 г. это подписание должно было начаться, но союзная делегация должна была его подписать в середине сентября…

Мне было абсолютно ясно, что после 20 августа 1991 г.

Советский Союз перестанет существовать. Это была одна из причин моего участия в создании ГКЧП…

* * *

Почему наше многонациональное общество почти никак не препятствовало «центробежным тенденциям»? По-видимому, оно очень плохо представляло себе, во что эти «процессы» могут вылиться. Российские «демократы» и их «товарищи» в других национальных республиках весьма умело использовали пафосную риторику, призывая бороться за независимость, «свободу, равенство, братство», гражданские права и тому подобное.

А что им противопоставили мы, их противники? В основном непривлекательные, вовсе «не зажигательные» (хотя и абсолютно справедливые) обвинения в антиконституционных действиях. Слово «антиконституционный» наводит на простых, далеких от юриспруденции граждан скуку. Сторонникам сохранения союзного государства надо было вооружиться яркой, по-настоящему «митинговой» лексикой, использовать в адрес сепаратистов более понятные народу (где-то, может быть, даже и «крепкие русские») выражения. Но, увы, как говорят немцы, «самые хорошие мысли приходят всегда с опозданием»…

Бумеранг обвинений в антиконституционных действиях ударил по нас в недолгие дни существования ГКЧП. Трудно спорить с утверждением о том, что наш Комитет не был предусмотрен союзной Конституцией. И тем не менее его создание было последним и, пожалуй, единственным способом для спасения и самой Конституции, и государства, в котором она была принята.

Сейчас уже мало кто знает, что говорилось в Постановлении ГКЧП № 1. Полагаю, будет не лишним полностью привести этот документ.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случаях отказа – изымать их в принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима. Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения. Решительно

пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территория СССР, выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий. Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра. Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики. Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение. Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка. Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и

инвалидов. В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышении заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан. В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т. д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991–1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету Министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем. В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования».

* * *

Да, создавая ГКЧП, мы, наверное, как-то помешали подписать пресловутый Союзный договор. Но только 20 августа 1991 года. И хотя, повторюсь, уже само это подписание ставило крест на

союзном государстве, допустим на минуточку, что Союзный договор, по большому счету, был полезен народам нашей страны. Кто мешал его подписать в сентябре или октябре? Да почему бы и не в конце августа! Мы, «путчисты», находились в тюремных камерах, самое время им, подписантам, было отпраздновать победу демократии и после веселых победных застолий приступить к формированию Союза Суверенных Государств. Но никому это было не нужно. Все республиканские руководители доживавшего последние дни СССР прекрасно знали, что мыльный пузырь ССГ лопнет едва ли не в тот же день, когда его надуют. Ельцинский советник Бурбулис признавался, что еще в начале 1991 года они (то есть Ельцин и представители властей других союзных республик) планировали создавать именно то, что впоследствии получило название «СНГ». А это, с точки зрения государственного строительства, не просто ни то ни се, но абсолютное ничто…

Август 91-го

Вспомним, как развивались события накануне создания ГКЧП. В середине июня 1991 года на заседаниях Верховного Совета СССР с докладами о положении в государстве и обществе выступили председатель правительства В. Павлов, министр обороны Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков и министр внутренних дел Б. Пуго. Павлов докладывал на открытом заседании, доступном для прессы, руководители силовых структур – на закрытом. Несмотря на сухость формулировок, содержавшихся в этих выступлениях, депутатам было совершенно понятно: ключевые персоны союзного правительства били в набат.

Т. н. «демократическая пресса» подняла гвалт, пытаясь представить доклад В. Павлова о кризисном положении в стране и требующихся мерах по его преодолению как попытку возврата к тоталитаризму, как репетицию переворота. Правда, при этом никто не озаботился вместо инсинуаций, догадок опубликовать этот доклад, чтобы каждый мог понять, чего хочет правительство. А хотело оно приступить к осуществлению неотложных мер – в том случае, если бы парламент предоставил кабинету министров соответствующие полномочия: право законодательной инициативы, право принимать решения нормативного характер при реализации экономических программ, законную возможность для организации централизованной, независимой налоговой службы по всей стране, возможность восстановить единство банковской системы, право создания единой общесоюзной службы по борьбе с организованной преступностью… Павлову в удовлетворении его справедливых просьб Верховный Совет отказал…

В докладах Язова, Крючкова и Пуго шла речь о фактах подрыва извне экономической, политической, оборонной безопасности с помощью коллаборационистов, прямых агентов и пособников внутри страны. Вот что говорил, например, В. Крючков на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года:

«Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся

остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза ССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране…

В некоторых регионах гибнут сотни ни в чем не повинных людей, в том числе женщины, старики, дети. Тщетно взывают к проявлению политического разума, к справедливости сотни тысяч беженцев.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это – нормальное явление, а процессы развала государства – это благо, это созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, нарушены складывавшиеся десятилетиями хозяйственные связи, тяжелейший ущерб нанесли народному хозяйству забастовки…

Все более угрожающие масштабы приобрела преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим последствиям социальный взрыв. О стремительном скатывании общества к этой опасной черте свидетельствует настроение простых тружеников. Они первыми испытывают на себе последствия кризиса и в политике, и в экономике. Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политиканам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву…

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные

внешние силы….»

* * *

К сожалению, у В. Крючкова были все основания для подобного заявления. Еще 28 марта 1991 года спровоцированные «демократами» толпы устремились к Красной площади на несанкционированный митинг – «в поддержку Ельцина». Словно на него, борца за счастье народное, проклятые коммунисты обрушили жесточайшие репрессии. В самом, наверное, бедном, славном своими пролетарскими традициями районе Москвы – на Новом Арбате, аккурат перед таким же пролетарским роддомом смелые манифестанты разместили огромнейший плакат «Бабы, не рожайте коммунистов!». С тех пор, надо полагать, коммунистов там не рожают…

Как бы там ни было, ситуация в столице грозила окончательно выйти из-под контроля властей. Накануне митинга три десятка депутатов РСФСР просили Горбачева немедленно ввести войска в Москву. Но разве мог этот безупречный поборник демократических свобод пойти на столь непопулярные меры! Он «отфутболил» обращение парламентариев к Павлову и Язову, дав им понять, что просьбу депутатской группы надо бы уважить.

Уважили. Ввели в столицу подразделения Таманской и Кантемировской дивизий. Те в свою очередь не пустили бесновавшиеся толпы на Красную площадь, локализовав «демонстрантов» на подступах к ней.

Меня же Горбачев попросил встретиться с московскими «демократическими вождями» Поповым (тогда еще председателем Моссовета), Мурашевым и Афанасьевым – для «разъяснительной работы» в моем рабочем кабинете. Пришли двое, без Попова. Сели ждать в приемной, а в это время из кабинета после нашего совещания выходили Крючков и Язов. Я через дверной проем увидел, как мгновенно перекосились от ужаса лица «демократов». Видимо, они в тот момент подумали: «Ну все, не иначе брать будут…».

«Брать», естественно, никто и никого не собирался, однако, пригласив отважных бунтарей в кабинет, я недвусмысленно их предупредил: так, мол, и так, товарищи «демократы», если в Москве произойдут беспорядки, вы за них заплатите очень дорогой ценой.

И к кому же немедля обратились с жалобой эти главные московские «фрондеры»? К Горбачеву, вестимо. Он опять остался «чистеньким». А на нас с Павловым в «демократической» прессе

навешали очередных ярлыков, обвинив и во вводе войск, и в борьбе с инакомыслящими…

На протяжении всех лет «после ГКЧП» мне довольно часто, в разных вариациях, задают вопрос: «Как же так! Клянешь Горбачева на чем свет стоит, а сам все время его поддерживал. Неужто не видел, куда он вел страну?».

Отвечал и отвечаю: поддерживал не во всем и не всегда, это раз. Во-вторых, политика – это, как известно, искусство возможного. А возможности нередко бывают таковы, что из двух зол приходится выбирать меньшее. Ведь какой-то реальной третьей силы в СССР тогда не было, а были Горбачев и Ельцин с их «командами». Следовательно, выбор приходилось делать исключительно между ними. А в-третьих, мне и сейчас порой кажется, что в душе Горбачев вовсе не желал развала Союза. Этому горе-президенту, что бы о нем ни думали, хотелось сохранить за собой «трон», и за власть Горбачев цеплялся из последних сил. Другое дело, коготок у него увяз, вследствие чего ему приходилось изворачиваться, «лавировать». Вот и «долавировался» – и власть потерял, и страну погубил, и несмываемым позором себя покрыл на веки вечные…

Ввязываясь в эту историю с созданием ГКЧП, мы все прекрасно понимали, что Горбачева надо было сохранить при власти. Хотя бы потому, что, отстранив его от руководства страной, мы, по сути, обрекли бы ее на экономическую и политическую изоляцию (как это ни постыдно, СССР уже не мог обходиться без финансовой помощи из-за рубежа, а генсек-президент все еще пользовался поддержкой крупнейших мировых держав). Отдавали мы себе отчет и в том, что рисковали буквально всем. В лучшем случае, то есть в случае одобрения наших действий Горбачевым, он бы вернулся в столицу и приступил к управлению государством в условиях чрезвычайного положения. Однако, зная горе-президента, мы предполагали, что, скорее всего, он нас «продаст» и самой завидной участью для членов ГКЧП станет либо выращивание морковки на загородных дачах, либо «почетные миссии» дипломатов в третьеразрядных африканских странах. В худшем случае, допускали мы все, нас просто-напросто уничтожат без суда и следствия, и наши самые «демократические» в мире средства массовой информации такой исход сочтут вполне нормальным…

* * *

Признаюсь честно, я довольно долго колебался, не решаясь

подписывать проект документа о введении чрезвычайного положения в стране. А узнал о нем, видимо, самым последним среди всех его организаторов.

16 августа в Концертном зале имени Чайковского, на торжественном собрании, посвященном Дню авиации, мы сидели в президиуме вместе с О. Баклановым и Д. Язовым. И хотя они, судя по всему, уже были в курсе всех «чрезвычайных» приготовлений, мне ничего о них не сказали. На следующий день в московском гостевом доме политической разведки проводили совещание председатель КГБ В.А. Крючков, премьер-министр В.С. Павлов, министр обороны Д.Т. Язов, руководитель аппарата Президента СССР В.И. Болдин, секретари ЦК КПСС О. С. Шенин и О.Д. Бакланов, заместители министра обороны генералы В.И. Варенников и В.А. Ачалов, заместитель председателя КГБ генерал В.Ф. Грушко. Они решили направить в Форос к Горбачеву делегацию, состоявшую из наиболее близких к нему людей, чтобы проинформировать о крайне сложной обстановке в стране и предложить ему ввести чрезвычайное положение.

Вместе с руководителем президентского аппарата В. Болдиным, секретарем ЦК КПСС О. Шениным, командующим сухопутными войсками СССР В. Варенниковым, руководителем 9-го Управления КГБ Ю. Плехановым в Крым прилетели генерал В. Генералов, с ним шесть человек из личной охраны Горбачева и пять связистов.

Положение дел с охраной Горбачев прекрасно знал и контролировал лично. Более того, у него была абсолютно полная возможность покинуть дачу в любое время и любым путем: по суше, по воде, по воздуху… Вопреки фактам, вопреки истине Горбачев утверждает: «Путчисты наглухо блокировали меня от внешнего мира, причем и с моря, и с суши. По сути психологическое давление»…

Если бы его запугивали, разве предложили бы ему полететь немедленно в Москву и там разбираться в ситуации и принимать меры. Но, сказавшись нездоровым, Горбачев от возвращения в Москву отказался. Была у Горбачева возможность пользоваться радиосвязью, связью по телефону, включая спутниковую связь. Не воспользовался, т. к. выжидал, рассчитывал – чья возьмет, чью сторону поддержать, чтобы остаться на политическом олимпе. То, что связь была, подтвердил в своем интервью один из руководителей коллектива, участвовавшего в создании системы связи в Форосе. В декабре 1991 г. он прямо заявил, что утверждения о полном отключении связи Фороса с внешним миром – выдумка. Этого не может быть даже при ядерном взрыве.

На самом же деле здесь была самая настоящая самоизоляция.

Дело было так. Восемнадцатого, в воскресенье, мне позвонил в Кремль старый, хороший приятель, бывший главный редактор одной из всесоюзных газет, и позвал в гости. Он был после инсульта, нуждался в лекарствах. Я привез ему требуемые снадобья, сели за стол, выпили по рюмке коньяку, повели задушевную беседу. Вдруг пришел из машины начальник охраны и доложил: «Павлов звонит, просит с ним связаться». Я охраннику: спасибо, мол, скажите ему, что свяжусь с ним попозже. У меня в тот момент и мысли не возникло, что этот звонок председателя правительства обусловлен какими-то экстраординарными обстоятельствами, – с Павловым созванивались часто и далеко не всегда по каким-то неотложным делам.

Примерно через час снова появился начальник охраны: «Крючков звонит…». Тут уж стало ясно: происходит что-то необычайное. Подошел к телефону в машине, взял трубку и услышал голос председателя КГБ: «Геннадий Иванович, мы вас ждем в Кремле, в кабинете Валентина Сергеевича Павлова».

Приехал в Кремль, вошел в премьерский кабинет и увидел там внушительную группу, так сказать, высокопоставленных советских руководителей.

В.А. Крючков, не мешкая, ввел в курс дела:

– Группа уполномоченных нами товарищей летала в Крым к Горбачеву. Михаилу Сергеевичу было сказано: наше терпение лопнуло, надо срочно принимать чрезвычайные меры в стране.

Еще Владимир Александрович сообщил, что нормальный разговор у посланников с Горбачевым, в общем-то, не склеился, однако на прощание он им обронил: мол, черт с вами, делайте, что хотите, только созовите Верховный Совет СССР. Меня все эти новости буквально ошарашили, и перво-наперво я спросил:

– А где те, кто к Горбачеву летал?

– В самолете. Возвращаются в Москву. Ждем их прибытия.

Действительно, через некоторое время они появились в кабинете председателя правительства и рассказали о своей встрече с президентом СССР. Этот рассказ меня, мягко говоря, не вдохновил, не обрадовал. И в ответ на обращенный ко мне призыв принять на себя временное исполнение обязанностей главы государства я поначалу решительно отказался: «Нет, уважаемые товарищи, не стану брать на себя такую ответственность. Вы представляете, какова будет реакция в стране и мире, какие вопросы начнут задавать: куда подевали Горбачева, что с ним, на каком основании за руль государства уселись?! Ведь уже следующим утром всполошатся, зарычат и завоют так, что никому мало не покажется! Простите, конечно, но от подобной чести

меня, пожалуйста, избавьте. – Еще не вполне оправившись от смятения (скорее даже шока), я с некоторой надеждой посмотрел и тем самым обратил взгляды собравшихся на председателя Верховного Совета СССР. – Анатолия Ивановича Лукьянова главным назначьте. Он как-никак высшим органом власти у нас в стране руководит…»

И тогда Валерий Иванович Болдин, только что вернувшийся из Фороса, эдак философски-флегматично изрек: «Ну что ж, Геннадий Иванович, придется действовать без вас. Вот только шансы на то, что завтра же окажемся арестованными, очень близки к стопроцентным»…

Дальше меня уговаривать не потребовалось. Шел первый час ночи. Я взял ручку и подписал все документы о создании ГКЧП. Из них наиболее характерный, показательный (по крайней мере с точки зрения истории) – «Обращение к советскому народу».

«ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР
18 августа 1991 г.

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах – лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом

народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решить народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма – регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение – в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и авторитет все

демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным порядком подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос. Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу жизнь и здоровье будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения или сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса. Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные

явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра. Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций. Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан. Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больнее всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность. Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг. Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа. Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе. Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час – значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое

Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственный правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени. Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества».

* * *

Основным автором «Обращения к советскому народу» был замечательный писатель, публицист, трибун А.А. Проханов. Но это совсем не удивляет. Гораздо удивительнее другое. В разработке других документов, планов, операций ГКЧП принимал самое деятельное участие тогдашний командующий ВДВ Грачев, который, как заправский Труффальдино, умудрился послужить в те августовские дни сразу нескольким «господам». Сначала активно «помогал» Язову, а 20 августа открыто переметнулся к Ельцину. Употребляю слово «открыто» потому, что втайне Грачев обслуживал-информировал Ельцина, по всей видимости, еще до объявления о создании ГКЧП. Грачев с Ельциным познакомились, когда Борис в свое время разъезжал по военным частям, и тогда очень хорошо спились или спелись…

Кроме декларации мы, увы, ничего не сделали. Мы договорились о том, что по возвращении Ельцина из Казахстана (19 августа) в Чкаловском его встретят Язов и Бакланов, которые должны объяснить Президенту РСФСР особенности качественно новой ситуации, уяснить его реакцию на происходящее и предупредить о серьезности предпринимаемых шагов по наведению порядка в стране. Однако запланированная поездка в аэропорт не состоялась. И, как потом выяснилось, она могла бы стать совершенно бесполезной: Борис Николаевич прилетел в таком «разобранном виде», что какие бы то ни было консультации с ним были просто-напросто невозможны. Разве что после его длительного пребывания в барвихинском «естественном вытрезвителе» с Ельциным имело смысл вести какой-то диалог.

Однако времени у министра обороны и первого заместителя Совета обороны на это не было – ситуация в Москве все более обострялась, возле здания Верховного Совета РСФСР (т. н. «Белого дома») стремительно разрастался, усиливался «демократический» шабаш. Режим чрезвычайного положения требовал введения комендантского часа на ночное время и запрета некоторых изданий, возбуждавших небывалую истерию и игнорировавших наши призывы к спокойствию и соблюдению законности.

А вот дальше наши действия, увы, подчинились порочной логике демонстративного противостояния с ельцинскими органами власти. Началась бессмысленная борьба указов и постановлений: мы издаем – они отменяют, они издают – мы отменяем. На это «перетягивание одеял и канатов» уходило драгоценное время, которое, как говорится, работало отнюдь не на нас. Почему все так сложилось? Наверное, прежде всего потому, что мы, члены ГКЧП, в столь «нештатных» условиях оказались впервые и были к ним слишком слабо подготовлены. И эта слабость, неуверенность, половинчатость в принятии решений, которых, несомненно, ждало советское общество, не могли не сказаться на его умонастроениях в августовские дни 1991-го.

Белый дом… Если бы мы были такими же политическими циниками, как Ельцин, который на глазах у всего мира расстрелял из танков собственный парламент, мы бы, наверное, взяли штурмом Белый дом. Но у нас были другие задачи. Мы не хотели воевать со своим народом…

Но мы даже по мелочи ничего не сделали. Уж при желании хотя бы свет и канализацию у Ельцина могли отключить. Да если уж на то пошло, приведу такой факт. Мои телефоны, как выяснилось, начали прослушивать уже 16 августа, а у Ельцина только с утра 19-го. Когда Ельцин (в 6 часов 30 минут утра) уже знал обо всех первых решениях ГКЧП, ему позвонил Грачев. Так вот Грачев говорит Ельцину по телефону: «Имейте в виду, ВДВ против вас не пойдут, я направлю к вам генерала Лебедя с танками для охраны Белого дома. Но нам нужны гарантии…». Ельцин тогда пообещал обоим хорошие должности.

В общем, Ельцин абсолютно точно знал, что никакой атаки не будет, чувствовал себя спокойно – при такой-то поддержке. Не надо было нам выводить на улицу танки… Ведь весь этот психоз – «ГКЧП сейчас начнет стрелять» – нагнетался и был выгоден Ельцину. Людей будоражили те, кто был в Белом доме, это делалось вполне сознательно.

Мы начинали со всей очевидностью понимать, что Ельцин и

его присные не побрезгают никакой провокацией. И постараются во что бы то ни стало повязать нас по рукам и ногам кровавыми путами невинных жертв. У Белого дома было много людей, которые искренне пришли защищать себя и свое будущее. Потому что им сказали, дескать, ГКЧП хочет вас уничтожить.

* * *

Действительно, кровь пролилась – в ночь с двадцатого на двадцать первое августа 1991 года погибли три последних «Героя Советского Союза». Не буду касаться их морального облика и поведения в ту трагическую ночь, ибо «мертвые сраму не имут». Замечу лишь, что эти смерти – явно не на нашей совести. Бронемашины с их экипажами, ставшие невольными участниками этой трагедии, двигались, никому не угрожая, по Садовому кольцу. И не к «Белому дому», а к исходным позициям.

Инцидент произошел около полуночи (с 20 на 21 августа). В районе Белого дома начались передвижения войск. Одна из военных колонн бронетехники, присланных в Москву по приказу ГКЧП, следовала от Белого дома. На въезде в тоннель под Новым Арбатом на Садовом кольце в районе улицы Чайковского (ныне Новинский бульвар), перекрытом баррикадами, сооруженными сторонниками правительства и Президента РСФСР Бориса Ельцина, произошли столкновения военных с толпой…

Как заявил журналистам генерал-лейтенант Николай Смирнов (военный комендант Москвы с 1988 по 1999 год), военнослужащие, находившиеся в колонне, не имели приказа штурмовать Дом Советов РСФСР. Колонна перемещалась в соответствии с порядком о комендантском часе, объявленном членами ГКЧП и наступившем с 23 часов, и двигалась на Смоленскую площадь с целью проведения дежурства и патрулирования.

Колонну попытались остановить. Дальнейший проезд по Садовому кольцу был заблокирован сдвинутыми троллейбусами. В момент выезда из тоннеля в БМП полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. Находившиеся на броне военнослужащие получили различные ранения… Первые 6 машин прорвались через баррикаду. 7-ю машину (БМП № 536) толпа блокировала вновь сдвинутыми троллейбусами. На броню вскочили молодые люди, набросили на приборы наблюдения брезент. Трое из них – Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов погибли. Комарь, набрасывая брезент на смотровые щели БМП, зацепился за него и, когда машина сделала резкий маневр, разбил себе

голову. Усов был убит рикошетом от предупредительных выстрелов. А Кричевский – выстрелом в голову…

Когда демонстранты, пытаясь остановить движение БМП в сторону Смоленской площади, облили бензином (огневой смесью) БМП № 536, и машина загорелась, то покинувший ее экипаж стал под градом камней и металлических прутьев перебегать к соседним БМП. Во время посадки в БМП № 521 двое из членов экипажа горевшей машины, прикрывая отход товарищей, делали предупредительные выстрелы в воздух. В этот момент Кричевский ринулся к БМП и получил сквозное смертельное ранение в голову.

Комарь, Кричевский и Усов посмертно получили звания Героев Советского Союза, против военных было возбуждено уголовное дело. После четырех месяцев следствия экипаж БМП № 536 оправдан… Уголовное дело в отношении командиров и членов экипажей бронетехники прекращено постановлением прокуратуры г. Москвы от 20. 12.1991 «За отсутствием состава уголовно наказуемого деяния».

Провал

После гибели в центре Москвы трех молодых людей стало окончательно ясно: спасение государства посредством создания ГКЧП закончилось провалом. Одна из основных его причин – раскол, произошедший в некогда единой и непобедимой Советской армии. В ее руководстве еще оставались те, кто был верен присяге, воинской дисциплине, своей советской Родине. Но уже немало завелось и таких, для кого эти высокие понятия были совершенно пустыми, бессодержательными звуками. Маршал Е. Шапошников, генералы П. Грачев и А. Лебедь, как мне видится, не считали для себя обязательным сохранять верность присяге, блюсти офицерскую честь. С оперативных совещаний, проходивших в дни работы ГКЧП у министра обороны, эти господа (в то время «товарищи») бежали с докладами к Ельцину и Руцкому. Это было самым настоящим предательством, изменой советской социалистической Родине и воинскому долгу.

Танки и бронемашины, брошенные Лебедем и Грачевым на «оборону «Белого дома», их услужливые реверансы перед Ельциным, разумеется, способствовали дальнейшему карьерному росту этих генералов в постсоветской России. Однако можно ли сказать, что соотечественники вспоминают о них с почтением и признательностью? Ну, может, кто-то и вспоминает, вот только год от года число таких благодарных граждан резко уменьшается, неуклонно стремясь к нулю.

По сию пору распространяются глупые домыслы о якобы сорванной «ельцинскими» генералами попытке штурма «Белого дома» в те августовские дни. Ответственно свидетельствую: никаких попыток штурмовать что-либо тогда не предпринималось. С Ельциным же об этой выдуманной «боевой операции» мы говорили по телефону приблизительно в таких выражениях:

– Геннадий Иванович, мне доложили, что вы намерены штурмовать «Белый дом». Не делайте этого, прольется много крови. Взвесьте все еще раз, не допускайте непоправимого…

– Борис Николаевич, ни о каком штурме не может быть и речи. Если вам что-то показалось, привиделось или послышалось, если вас обуял безотчетный страх, приготовьте на всякий случай лишний комплект нижнего белья. Его использование вами может стать самым страшным происшествием для «защитников Белого дома»…

Разумеется, у меня были все необходимые полномочия для ответственных заверений Ельцина в том, что его жизни и

«драгоценному» здоровью абсолютно ничего не грозило (кроме разве что его личных гастрономических и прочих пристрастий). Ведь без решения ГКЧП ни Язов, ни любой другой военачальник не могли отдать приказ о штурме Дома Советов РСФСР. Это потом многие генералы и офицеры били себя кулаками в широкие груди, заявляя: мы, дескать, никогда и ни за что не стали бы выполнять «преступные приказы», от кого бы они ни исходили.

Так и подмывает порой осадить этих «вольнодумцев»: «Да никуда бы вы не делись, пока погоны на плечах носите. Ваше дело – неукоснительно выполнять приказы, а не обсуждать их перед телекамерами и микрофонами!». А то, что Грачев (по «странному стечению обстоятельств» ставший при Ельцине министром обороны РФ) и Лебедь воинскую честь растоптали, испохабили, не может служить достаточным основанием для полного разложения в армии, будь то армия советская или постсоветская.

* * *

С 19 по 21 августа я по два раза в день проводил заседания ГКЧП. Председатель правительства В. Павлов, к сожалению, побывал лишь на одном из них. Затем сказался больным и слег с гипертоническим кризом. Его первый заместитель Догужиев, казалось, принял на себя обязанности главы кабинета министров, но мои распоряжения фактически саботировал. А поручил я ему принять экстренные правительственные меры по снижению цен на детские товары, продовольствие и другую продукцию повышенного спроса, а также по всемерному обеспечению сельскохозяйственных работ (ведь была в разгаре уборочная кампания).

Впоследствии некоторые явно недружелюбно настроенные граждане пытались попрекать меня этими, на их взгляд, чисто популистскими (и, к огромному для меня сожалению, невыполненными) поручениями. Отвечал я этим «оппонентам» примерно так: «Популизм – это когда провозглашают одно, а делают нечто совершенно противоположное. К примеру, «борьба» вашего кумира Ельцина с привилегиями… Действия же властей, направленные на улучшение жизни народа, не только облегчают его трудное существование, но и укрепляют государство. Снижение цен, на взгляд обычных людей, – несомненное благо (лучше всех это понимал Сталин), а повышение – несомненное зло. Вот какую простую истину не мешало бы вам всем уяснить»…

С Догужиевым у меня вроде бы сложились к тому времени весьма неплохие профессиональные и товарищеские отношения. В свое время мы по поручению Горбачева совместно корпели «денно и нощно», в частности, над разработкой схемы кабинета министров и, можно сказать, сдружились. Но друзья, как известно, в беде познаются…

Когда провал операции по спасению Советского Союза стал очевиден для всех, я позвонил этому «другу» и сказал ему: «Спасибо тебе за неоценимую помощь в нашем общем правом деле. Ведь наше дело правое, не так ли? Вот только отчего-то победа не за нами. Наверное, потому, что без иуд-предателей в этом деле явно не обошлось…».

В.С. Павлов. Правда о «Путче» (Из книги Н.И. Рыжкова, Б.И. Олейника, В.С. Павлова «Иуда. Анатомия предательства Горбачева»)

Накануне

Август 1991-го начался 3-го числа расширенным заседанием Кабинета Министров СССР с участием руководителей правительств союзных республик под председательством Президента СССР. Па повестке дня вопросы «О прогнозных оценках производства сельскохозяйственной продукции в 1991 году и обеспечении населения страны продовольствием», «Об обеспечении народного хозяйства топливом», «Об экономическом соглашении между Союзом ССР и суверенными республиками», «Об организации Межреспубликанского комитета по иностранным инвестициям» и «О преобразовании ВДНХ СССР в акционерное общество «Межреспубликанский деловой выставочный центр».

От ведения этого заседания с такой повесткой Горбачев долго уклонялся. Неоднократные переговоры с ним, мои лично и особенно В. Щербакова, определенного докладчиком по антикризисной программе, долго не получали положительного эффекта. Кабинет Министров СССР в разном составе неоднократно рассматривал вышеуказанные вопросы. Всем было ясно, что требуются кардинальные политические решения. Поэтому Горбачев тщательно избегал аудитории, где он не смог бы в очередной раз одному сказать, что пошел сюда, а другому – туда, а сам, в конечном итоге, ушел бы домой, чтобы, встречаясь с политиками, давать поручения подготовить предложения руководителям экономики и наоборот – обещать хозяйственникам собраться и решить политические вопросы с государственным руководством республик.

На заседании, о котором идет речь, не подвергалась сомнению необходимость закупки зерна, прежде всего фуражного, за рубежом, необходимость регулирования платежного баланса для обеспечения процесса производства и потребления в рамках международного разделения труда. Все попытки найти решение порознь, в то время как экономика каждой республики и страны в целом была экономикой единого народнохозяйственного комплекса, были нереальны с точки зрения осуществления и чреваты разрушением. Наиболее активным и последовательным тараном сепаратизма выступало Российское правительство во главе с И. Силаевым. Было даже странно порой видеть и слышать, как, вроде бы, грамотные люди несли заведомую чушь, лишь бы не дать союзному правительству реально управлять экономикой и теми процессами, за которые оно несло ответственность перед страной.

На заседании 3 августа 1991 года согласованное решение о совместной закупке хлеба и фуража, обслуживании внешних обязательств, создании запасов топлива на зиму сорвал в очередной раз И. Силаев. Он упрямо твердил одно: мы сами; сами продадим нефть и газ, лес и алмазы и купим себе хлеб, товары для населения, сырье, оборудование и полуфабрикаты и вообще все, что нужно будет для села, промышленности и транспорта; сами заключим прямые договоры на поставку с другими республиками на взаимовыгодных условиях, сами окажем помощь, если сочтем необходимым, соседям; сами определим, сколько Россия должна дать средств Союзу и на какие цели.

Все доводы разума И. Силаев, как глухарь на току, отвергал с ходу. Он даже не понял тогда угрозы развала самой России, когда ему впрямую задавали вопросы о том, почему он так уверен, что среднеазиатские республики будут поставлять России хлопок, газ, а Казахстан – уголь, металлы и хлеб по действующим ценам за рубли, если РСФСР начнет продавать свою продукцию на экспорт за доллары; не пугает ли его инфляционное обесценение рубля в результате искусственно вводимой долларизации производства. «Нет, мы сами все сделаем и все сможем», – неизменно звучало в ответ. Итог известен – в России начался стремительный развал после августа 1991 года, а И. Силаев с товарищами срочно отбыл на западные хлеба, за счет все той же России.

Но в русле темы этой книги главным итогом заседания было два высказывания Горбачева: первое – о довольствии. «Нужны чрезвычайные меры – значит чрезвычайные. Заставляйте всех! И пусть не капризничают. Речь идет не о том, что мы отменяем реформы, не о том, что мы отменяем экономические отношения. Нет! Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры. У нас сегодня, я прямо скажу, чрезвычайно с продовольствием складывается» И второе – о финансах и рублях. «Поручить товарищу Павлову вместе с председателями правительств с привлечением всех необходимых экспертов, на основе сегодняшнего обсуждения, и внести предложения на рассмотрение Совета Федерации».

Это резюме обсуждения свидетельствует о том, что Горбачев прекрасно отдавал себе отчет в последствиях противостояния и единственно возможном выходе из создавшегося кризиса в стране. Важно и то, что решения, дающие возможность увидеть свет в конце тоннеля, он принимать в этих условиях не собирался. Вновь было предложено договариваться, согласовывать, продолжать, уточнять и т. п. И это не было случайностью.

* * *

Чтобы окончательно ответить на вопрос об ответственности Горбачева по статье закона, остается определиться в том, сознательно или неумышленно действовал Президент СССР. Я уже приводил, но и в данном контексте еще раз повторю, что ответил 14 сентября 1991 года Горбачев на вопрос Генерального прокурора СССР. И. Трубин в ответ на долгий монолог архиосторожно спрашивает: «Верховный Совет оказался отстраненным и почувствовал очень большую обиду?» Горбачев отвечает: «Я не могу с этим согласиться. Как он был отстранен, если в Ново-Огареве во всех заседаниях принимали участие Лукьянов, Нишанов, Лаптев? Это во-первых…»

Я тоже не согласен, больше того, уверен, что они во всех заседаниях не участвовали хотя бы потому, что были в разъездах. Но и при этом, трое еще не делегация. Где же премьер-министр СССР, где председатели комитетов и комиссий? Ни много ни мало – девять отсутствующих против трех, указанных в качестве участников, архитрудно не заметить, даже если очень стараться.

«Во-вторых, Верховный Совет. Обсуждал проект Договора и высказывал свои соображения, которые были переданы в Ново-Огарево. Кстати, они этим не удовлетворились и еще подчеркивали какие-то моменты, то есть все было доведено».

Каково излагает! Логика, слово, мысль чего стоят!..

«Но я должен сказать – это же договор – такой компромисс и нахождение такой общей точки зрения, что во всем его объеме довольных не было. А что, я всем был доволен?»

Вот наконец-то он вымучил из себя ответ. Не выполнял он решение Верховного Совета СССР и не собирался, полностью понимая, что делает.

«Налицо все же процесс – тяжелый, трудный, но процесс консолидации, определенного взаимодействия (чего? сепаратистских сил? – В. П.). И с этой точки зрения (надо понимать развала. – В. П.) я стремился к подписанию договора в середине или в двадцатых числах августа. Возвратившись из-за границы, А. Лукьянов в связи с этим пытался выяснить, чья это инициатива. Как видно, не всех это устраивало».

Значит, не всех. И то спасибо. Все-таки оказывается, участвовавший во всех, как утверждает Горбачев, заседаниях в Ново-Огареве, Председатель Верховного Совета СССР, тем не менее не знал, оказывается, многого, по его, Горбачева же, словам. Во всем участвовал, все знал, а тут почему-то пытается выяснить происходящее.

«С этих позиций – я бы сказал – уехал я в отпуск,

рассчитывая, что с подписанием 20 августа договора (но ведь подписывать должны были на съезде, назначенном на ноябрь-декабрь! – В. П.) мы выходим на новый этап. У меня была уверенность в том, что мы (опять думаю: кто это «мы», от чьего имени вещает? – В. П.) на правильном пути. Это позволяло мне отлучиться, я такой сделал для себя вывод».

Значит, Горбачев сознательно действовал с целью развала СССР как единого федеративного социалистического государства и потому предпринял меры по засекречиванию проекта Договора, устранению союзной делегации от работы над ним и его подписания. Больше того, он прямо признается, что «в результате дискуссий (где и с кем? – В. П.) были определены шесть республик, а Украина, Азербайджан, Туркмения – на второй этап, и согласие появилось».

Иначе говоря, шесть республик Горбачев уже тогда мимоходом отделил от СССР, не спросив ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР, а еще три – оставил на потом, как получится. Что же удивительного в том цинизме, с которым ставится точка на союзной делегации, от которой одни помехи и возражения, да требования выполнить волю народа. И когда Генпрокурор РФ Степанков осмелился спросить: «Лукьянов оговаривал с вами дату его возвращения в Москву накануне подписания договора?», Горбачев разъяснил: «Он должен был приехать и участвовать. Это как бы была наша правительственная делегация. (Вот уж воистину, чтоб не сомневались и не вспоминали про делегацию вместе со всем Верховным Советом. – В. П.). Но дата его приезда не обуславливалась, так как это не было существенным».

Проще и яснее сказать нельзя. Приедет – не приедет, согласен – не согласен, значения для Горбачева не имеет. Я так хочу, мне лично это надо. А цель для таких людей всегда оправдывает средства.

* * *

Но в тот момент, к сожалению, я еще не знал того, что происходило за моей спиной. Лишь через полтора года мне стало известно, что 13 января 1992 года на допросе в качестве свидетеля Ельцин говорил правду: «После подписания последнего варианта Союзного договора, разработанного в Ново-Огареве, планировалось принятие новой Конституции Советского Союза. В соответствии с новой Конституцией не предусматривалось существование съезда народных депутатов, а предлагалось

существование Верховного Совета, состоявшего из двух палат. При реорганизации власти и управления имелось в виду, что в основном будут координационные органы, но будет межреспубликанский экономический комитет и в этом комитете соответствующие отделы – департаменты по различным направлениям, которые будут заниматься вопросами бывшего правительства. В дальнейшем не исключался вариант создания настоящего Кабинета Министров. Министерства предполагалось в основном упразднить».

Это свидетельство прямо уличает Горбачева в том, что он тайно действовал в нарушение Конституции СССР и присяги Президента СССР. Налицо свидетельство о наличии антиконституционного заговора во главе с Горбачевым. Небезынтересно, что Ельцин, полагаю, вообще избегал называть Горбачева в качестве подлинного автора многих своих акций, осуществленных уже в качестве Президента Российской Федерации, – уполномоченные представители, мэры, префекты, диктаторские полномочия, либерализация цен и т. п.

Если говорить о практических шагах, то в рамках подлинного заговора готовились и акции по нейтрализации тех сил и конкретных лиц, которые могли, по оценке заговорщиков, воспрепятствовать или, по крайней мере, затруднить достижение главной цели – ликвидации единого федеративного государства. Тот же Ельцин говорит прямо и откровенно: «29–30 июля 1991 года я встречался в Ново-Огареве с Президентом СССР М.С. Горбачевым и Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. На этой встрече обсуждался вопрос о замене некоторых высших руководителей Союза. В основном речь шла о Председателе Кабинета Министров СССР В.С. Павлове. Предположительно также о Председателе КГБ СССР В. А. Крючкове, но в отношении него утвердительного решения принято не было. Говорилось, что в дальнейшем может возникнуть эта проблема. В таком же совещательном духе речь шла и о министре обороны СССР Д.Т. Язове. Других кандидатур вместо них не обсуждалось. Вместо Павлова предлагалась кандидатура Назарбаева. В проекте договора не было предусмотрено поста вице-президента СССР, как я уже сказал, рассматривался вопрос о замене Павлова, обсуждался вопрос о слиянии Министерства иностранных дел СССР и Комитета внешнеэкономических связей СССР, упразднении по крайней мере 60–70 министерств, тогда все министры освобождались».

Спустя восемь месяцев, 13 августа 1992 года, допрошенный в качестве свидетеля Горбачев, отвечая на вопрос А. Фролова: «Имела ли место в конце июля 1991 года ваша встреча с Б.Н.

Ельциным, Н.А. Назарбаевым и какие вопросы на ней обсуждались?», полностью подтвердил вышеизложенные показания Ельцина, сказав буквально следующее: «Да, такая встреча была в рамках работы над проектом Союзного договора. Речь шла о том, что необходимо сделать в первую очередь после его подписания и, в частности, о реформировании союзных органов. Обсуждался вопрос о премьер-министре в плане предложения этого поста Назарбаеву, шла речь о возможной замене, прежде всего с учетом возраста Крючкова и Язова, а также ряда других высших руководителей».

Хотел бы обратить внимание читателей на одно обстоятельство, имеющее значение для понимания происходившего в дальнейшем и к чему мы вынуждены будем еще не раз возвращаться, объясняя внутреннюю логику событий и их суть. Речь идет не о замене того или иного должностного лица, не справляющегося со своими обязанностями или уступающего в чем-то более достойным кандидатам, путем выдвижения. Нового кандидата для обсуждения и принятия решения в установленном законом порядке. Здесь речь идет о ликвидации конституционных органов – Съезда и Верховного Совета СССР, Кабинета Министров СССР, министерств, ведомств и замены должностных лиц путем подготовки и подписания нового Договора. Причем полномочий на это не было, и сами действия являлись нарушением законов СССР и прямых решений законодательной власти страны. Речь идет о замене не премьер-министра СССР В.С. Павлова, а политического противника разрушения Союза ССР. В связи с возможным поражением в открытой политической борьбе с ним принято решение о противоправном упразднении Кабинета Министров СССР вообще, с возможным в будущем восстановлением при другом составе и порядке формирования.

* * *

Но в тот момент это все еще было впереди. А пока в воскресенье, 4 августа 1991 года, я был приглашен на проводы в Форос семьи Горбачевых. Проводы были на удивление короткими. Без обычного обсуждения разных текущих задач, поручений, сообщений. Правда, я этому не придал никакого значения. Лето, выходной. Все устали. У кого Крым и море на полтора месяца, у кого дача и Москва-река хоть на полдня. Единственное, что сказал Горбачев и что имело какое-то значение, относилось к Г. Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве». В практике нашей страны при временном отсутствии первого лица в государстве или

первого лица высших органов власти и управления письменных документов об исполнении заместителем обязанностей никогда, по крайней мере на моей памяти, не издавалось. Этой фразы было более чем достаточно для всех присутствующих. Тем более что, согласно Конституции СССР, ст. 127-4, «Вице-президент СССР… замещает Президента СССР в случае его отсутствия…» После взлета президентского самолета все разъехались отдыхать.

С понедельника, 5 августа 1991 года я продолжал вести работу по подготовке и проведению уборки урожая, стабилизации топливно-энергетического комплекса, валютного положения и экспортно-импортных операций, организации разработки плана и бюджета на 1992 год, занимался другими делами из повседневной экономической жизни. Параллельно началась проработка вопросов, вытекающих из прошедшего расширенного заседания Кабинета Министров СССР. Дел хватало. В свете ответственности за их решение начались проработки подготовки моего посещения Кузбасса, Караганды и Целины. Это были одни из ключевых пунктов решения задач топлива, хлеба и валюты, и я полагал необходимым побывать там лично и оперативно решить на месте или возвратившись в Москву – те вопросы, которые тормозили дело и мешали нормализации жизни людей. Мне удалось многое увидеть и понять во время визита в Карелию, Якутию, на Камчатку и Сахалин. К сожалению, много меньше удалось успеть сделать из того, что было надо по жизни. Утешение от того, что не я виной тому, слабое. И вот тут-то и появился на сцену проект Договора о Союзе суверенных государств, исполненный Горбачевым со товарищи.

Антиконституционная и антигосударственная суть проекта Договора была настолько очевидна, что уже 10 августа 1991 года за № ПВ -6098 мною был подписан документ следующего содержания: «Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву Постановлением Верховного Совета СССР от 12 июля с.г. «О проекте Договора о Союзе суверенных государств» утверждена Союзная делегация, полномочная для подписания Договора. Полагал бы необходимым до начала подписания Договора собрать Союзную делегацию для обсуждения проекта Договора. В предварительном порядке направляю имеющиеся у Кабинета Министров СССР предложения и замечания по проекту Договора. В. Павлов».

К письму были приложены на четырех страницах «Предложения и замечания Кабинета Министров СССР к проекту Договора о Союзе суверенных государств».

Позволю себе напомнить читателю, что официальная публикация проекта Договора в средствах массовой информации

состоялась только 16 августа 1991 года, то есть в пятницу, а 20 августа Горбачев собирался уже начать подписание. Притом и эта публикация, так сказать на выходные, состоялась вынужденно. Она вообще не планировалась по сценарию. Ей предшествовало начало публикации проекта в газете «Московские новости» 15 августа 1991 года в порядке так называемой «утечки информации». Последовал скандал «в благородном семействе». Горбачев был взбешен, но поезд уже ушел. Пришлось согласиться напечатать, в принципе, но не слишком широко и без анализа, в средствах массовой информации.

Отослав Горбачеву и Лукьянову свои замечания и предложения 10 августа 1991 года, я официально направил членам Президиума Кабинета Министров СССР и большой группе министров, возглавлявших основные, ведущие отрасли экономики и сферы деятельности, полученный от Горбачева проект Договора о Союзе Суверенных Государств и поручил им в ближайшие дни сообщить свои возможные замечания и предложения. Одновременно была создана параллельно действующая группа специалистов из аппарата Управления делами Кабинета Министров СССР, Министерства юстиции СССР и других органов для более тщательной проработки проекта Договора, сбора, изучения и обобщения возможных замечаний и предложений от членов Президиума, министерств и ведомств. Я не считал для себя возможным, в силу самого характера документа, единолично принимать по нему решения. Свое назначение членом Союзной делегации в качестве премьер-министра СССР я рассматривал как доверие возглавляемому мной органу исполнительной власти, с одной стороны, а с другой – не считал возможным одному человеку, какой бы пост он ни занимал и какими бы званиями ни обладал, принимать решения, касающиеся всей страны и каждого ее гражданина в отдельности, без совета и обсуждения, без участия коллективного разума.

В связи с этим уже 13 августа было принято решение о вынесении вопроса об отношении Кабинета Министров СССР к присланному Горбачевым проекту Договора о Союзе Суверенных Государств на рассмотрение Президиума Кабинета. Повестка с указанием темы и даты заседания была уже разослана всем участникам 16-го числа. Сам факт рассылки означает, что заседание и его тема были определены заранее, а не накануне в пожарном порядке. В этом легко убедиться, заглянув в документы Управления делами, спросив людей. Даже без специальных вопросов В. Щербаков в своих свидетельских показаниях говорит, что он лично получил повестку за два дня до заседания, а В. Догужиев, выйдя из отпуска 16 августа 1991 года, уже имел

официальное приглашение на заседание с повесткой дня «О проекте Договора».

* * *

Столь прозаические вещи приходится затрагивать в связи с тем, что следствие, фабрикуя свое обвинение, не затруднило себя даже элементарной проверкой фактов и документов, не говоря уж об их объективной оценке. Более года официальная версия гласила – заговор состоялся 17 августа 1991 года во время встречи на объекте «АБЦ» КГБ СССР. Она перекочевала и в книгу В. Степанкова и С. Лисова, их интервью и статьи. Между тем принятая позже официальная версия гласила, что так называемый заговор состоялся 5 августа 1991 года, а лично я вступил в него 16 августа 1991 года во время визита В. Крючкова с 17 до 18 часов. Эта произвольная дата требует изменить всю последующую версию событий, но нет ни фактов, ни времени. В итоге остается утверждать, что я, якобы будучи одним из организаторов заговора, уже 5 августа получил проект Договора, сознательно задержал его, никому не показывая, до 10-го числа и только тогда написал резолюцию. Прямо экстрасенс, ясновидящий, который уже 5-го знал, что, опять же по версии следствия, 16-го будет вовлечен В. Крючковым в заговор и туг же активно в него включится, дав указание своему помощнику, и тоже, кстати, заранее, с утра, подготовить проект Заявления Кабинета о невозможности подписания проекта Договора. Как будто не было никакой подготовки и других документов. Правда, совсем непонятно, почему же проект Заявления никому не раздали и на Президиуме не обсуждали. И Павлов молчал, ни на кого не давил…

Тем не менее вывод следствия более чем оригинален – Президиум решил единодушно подписать Договор, чем сорвал злые умыслы премьер-министра. Между тем в действительности Президиум Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года, рассмотрев вопрос о Договоре о Союзе Суверенных Государств, принял решение из двух пунктов. Первый гласил: «…одобрить в принципе текст Договора о Союзе Суверенных Государств. Отметить, что в нынешней крайне сложной политической и социально-экономической ситуации подписание Союзного договора и его четкое исполнение будут иметь важное значение для стабилизации обстановки в стране, формирования обновленной Федерации суверенных республик».

Отразив таким образом в первом пункте отношение к

Договору, во втором Кабинет четко изложил свое отношение к содержанию конкретного проекта, подготовленного Горбачевым.

Вместе с тем, как показал состоявшийся на заседании обмен мнениями, ряд предусмотренных Договором положений требует дополнительной проработки и уточнения:

а) особую озабоченность вызывает то обстоятельство, что в нем не нашли должного решения такие жизненно важные проблемы, как продовольственное обеспечение в стране, снабжение народного хозяйства и населения топливом, тепловой и электрической энергией, функционирование единой финансово-банковской системы.

Президиум Кабинета Министров СССР считает, что исключение из сферы ведения Союза полномочий по координации и объединению усилий республик в указанных областях может привести к тому, что республики вынуждены будут в одиночку решать такие сложнейшие проблемы, хотя в нынешних условиях они практически к этому еще не готовы. Более того, такой подход противоречит сути рыночной экономики, выдвинутому самой жизнью требованию о сохранении и дальнейшем развитии единого экономического пространства;

б) не нашли надлежащего отражения в тексте Договора вопросы реализации полномочий, отнесенных к ведению Союза в сфере принятия и исполнения союзных законов, а также формирования федеральной системы правоохранительных органов. Не устранены и существующие ныне условия противопоставления законов Союза и республик;

в) крайне важным представляется создание более надежной, устойчивой финансовой базы для формирования союзного бюджета;

г) требуют уточнения положения Договора о собственности. Президиум Кабинета Министров СССР считает, что объекты, закрепляемые за Союзом образующими его государствами, должны рассматриваться как союзная собственность;

д) особого внимания требует отработка механизма реализации Договора, и прежде всего в переходный период. В этой связи необходимо предусмотреть, что республики берут на себя обязательства не принимать до подписания Договора в союзных органах односторонних решений об изменении системы управления союзным хозяйством;

е) учитывая возможность различного толкования многих положений Договора, важно выработать четкие определения содержащихся в нем терминов и понятий.

Учитывая вышеизложенное, Президиум поручил Юридическому отделу Кабинета Министров СССР, т. Цыганенко,

и Минюсту СССР, т. Вышинскому, в суточный срок подготовить конкретные предложения о внесении поправок и дополнений в текст Союзного договора, а в качестве варианта – проект соответствующего протокола, который должен стать неотъемлемой составной частью указанного Договора, обязательной для исполнения. Заместителям премьер-министра СССР, министрам и руководителям ведомств, принимавшим участие в заседании, поручалось до конца дня сформулировать свои соображения по всем указанным вопросам и представить их в Кабинет Министров СССР.

Забегая вперед, могу сказать, что указанные физические и юридические лица эти поручения выполнили точно и в заданные сроки. Тут же после окончания обсуждения и принятия решения члены Президиума договорились о том, что его, это решение, надо вынести на рассмотрение Кабинета в полном составе. Президиум, учитывая важнейшее значение принятия на съезде проекта Договора для судеб государства и населения, счел свои полномочия недостаточными и необходимым прибегнуть к совету в полном конституционном составе в качестве коллективного органа.

Как видно из самого решения, Президиум Кабинета Министров СССР ни в коей мере не решал Договор по Горбачеву. Он уже не в первый раз высказался за подписание Договора, но не такого, а принципиально другого – федеративного, того, за который народ недвусмысленно проголосовал на референдуме 17 марта 1991 года. Что касается Заявления Кабинета, то оно просто в тот момент не требовалось по логике событий. Ведь Кабинет исходил из того, что Президент СССР и руководители республик не меньше нас уважают законы, решения референдумов, съездов и Верховного Совета СССР и не могут быть инициаторами и организаторами антиконституционных действий. Именно в расчете на это мы договорились, что я найду способ довести до Горбачева подготовленные замечания, предложения и проекты документов еще до подписания Договора и буду аргументированно отстаивать наши позиции как член союзной делегации.

Горбачев, улетая, говорил на аэродроме, что он вернется 18-го вечером или 19-го утром, так как он еще не определился, а мы узнаем о его решении через В. Болдина. Это же он подтвердил при телефонном разговоре со мной, обещал встретиться и обсудить мои замечания заранее. Так что суточный срок на доработку документов диктовался прежде всего ожидавшимся его возвращением. Необходимость же столь принципиальной позиции обуславливалась наличием огромной разрушительной силы

заряда, который был горбачевским проектом здания общесоюзной и российской государственности, национального мира, спокойствия и безопасности граждан, их экономического благополучия.

Такая оценка проекта Договора по Горбачеву не есть результат моего личного мнения или мнения членов Президиума Кабинета Министров и других должностных лиц, которых в псевдодемократической прессе обычно облыжно обвиняют в необъективно по причине приверженности к благам и привилегиям, стоящим, дескать, за их должностями. Хотя в жизни все наоборот, прежде всего как раз обвинители и есть те, кто этими благами, привилегиями и т. п. услугами «со стороны» пользовался и пользуется более всего и всех. Предложенный Горбачевым проект Договора рассматривала группа из 15 экспертов и единодушно высказалась о том, что те серьезные замечания, которые он у них вызвал, ставят под сомнение правовую значимость самого Договора. Они признали документ внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного.

* * *

Внешне для широкого круга читателей может показаться, что речь идет о вопросах второстепенных. Однако, с точки зрения реального государственного строительства, именно они, эти вопросы, имеют решающее значение. Среди них проблема правопреемственности одна из важнейших. Но горбачевский проект не гарантировал все сразу в нескольких сферах.

Эксперты признали, что, во-первых, не обеспечивается правопреемственность финансов. Не оговорена функция Госбанка СССР как единого эмиссионного центра. Не определены права и обязанности национальных банков по отношению к Госбанку СССР, за ним не закреплена монопольная функция резервирования активов и авуаров национальных банков, право быть единственным, кто наделяет полномочиями, открывает и закрывает банки, выступает представителем в сфере мировых финансовых отношений.

Отсутствие правопреемственности в сфере финансов не может устроить мировое сообщество, а это, в свою очередь, означает, что по отношению к каждому из создающих неправопреемный Союз государств будет реализован принцип «финансовой мышеловки». На современном этапе общественной жизни мне уже нет нужды приводить доказательство своей

правоты. Читатель сам знает, как это происходило на практике после августа 1991 года, знает и результат.

Второе, на что указывала экспертиза, это необеспеченность декларативно провозглашаемых в проекте Договора прав личности. Эксперты прямо говорили, что в СССР социальные права защищаются конкретным документом – бюджетом СССР, а утверждающий его Верховный Совет СССР и есть субъект социальной защиты гражданина СССР. Для гарантий защиты социальных прав и исполнения бюджета создается и – наделяется полномочиями единая налоговая служба СССР. Что касается юридических прав, то их гарантируют в СССР единая юстиция и единая федеральная безопасность с соответствующими механизмами – Минюстом, общесоюзными органами, аналогичными ФБР, и т. д. Все это в проекте Горбачева отсутствует, а вне этого права не гарантированы. И, наконец, гражданские права гарантируются единым гражданским законодательством, единым для СССР, со своим механизмом – Гражданским кодексом и Верховным судом СССР, который должен по мировым нормам рассматривать иски типа «республика против СССР», «СССР против республик», «Петров и республика против СССР», «СССР и Петров против республик» и т. п. Этого проект также не имел.

О правоте постановки такого вопроса сегодня можно спросить у безработных, беженцев, пенсионеров, военнослужащих и многих, многих других, на деле столкнувшихся в послеавгустовские дни с проблемой защиты своих прав, – к кому, куда идти, что просить и что он может. Тысячи и тысячи людей и судеб, вопросов и просьб без ответа…

Третье. Экспертное предупреждение состояло в том, что вне признания этого Договора верховной законодательной властью СССР этот документ нелегитимен для мирового сообщества. Эта принципиально важно потому, что ходившие в прессе высказывания, инспирируемые зачастую самим Горбачевым, о возможном подписании Договора типа «9 + 0» означали не более чем фикцию. В действительности вопрос о ликвидации Союза ССР в тот период не ставило на повестку дня ни одно республиканское руководство. Народы всех республик не поддерживали такие замыслы никогда.

Четвертое замечание обращало внимание на то, что, как ни странно, на фоне шума о мировом сообществе, общечеловеческих ценностях и т. д. в проекте Горбачева вообще отсутствовало обращение к мировым нормам, ссылка на мировые документы, понятия международного права конкретно не использованы.

Пятое. Проект оставлял никак не решенным вопрос о выходе

республик из Союза. Сейчас всем ясно почему. Но эксперты уже тогда обращали внимание на то, что для мирового сообщества возникает опасная казуальность. Сегодня, скажем, вышла, не рассчитавшись по мировым обязательствам СССР, Эстония, завтра – Армения, послезавтра – Украина. А кто будет платить? В результате после распада СССР Россия, объявившая себя плательщиком по всем обязательствам за весь Союз, погрузилась в трясину долгов иностранным государствам.

И, наконец, шестое. Я позволю привести дословно: «… Признав Федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он – вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр».

Полагаю, что хоть в какой-то мере смог раскрыть причину столь острой политической борьбы вокруг Договора. Не за Договор или против, за Горбачева или за Ельцина, «демократию» или тоталитаризм шла бескомпромиссная борьба, а за единую страну и достойную жизнь для ее собственного народа – хозяина, с одной стороны, за удельные княжества и захват принадлежащего народу национального достояния, с другой.

Встреча на объекте «АБЦ» КГБ СССР

После завершения заседания Президиума Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года я пришел к себе и попросил вызвать машину, чтобы ехать на дачу. Было уже около 16 часов, суббота. Во время моего ожидания и сборов позвонил В. Крючков. После взаимных любезностей он пригласил меня заехать ненадолго на его дачу, чтобы в узком кругу обменяться информацией и мыслями о состоянии экономики и общественно-политической ситуации, так как положение очень тяжелое и ухудшается оно слишком быстро.

Встреча на объекте «АБЦ» КГБ СССР заслуживает особого внимания. О ней, в основном со слов В. Степанкова и Е. Лисова, проправительственной прессой в целом написано, пожалуй, даже больше, чем о так называемом «штурме Белого дома». Ведь с самого первого дня и почти до сегодняшнего дня меня и моих коллег обвиняют в том, что именно там, на этом объекте 17 августа 1991 года и был организован заговор, составлены планы, поставлены задачи, распределены роли и силы для их реализации. Но ни конкретизировать обвинение, ни представить каких-либо доказательств следствие так и не смогло. Все попытки запутать обвиняемых и большинство свидетелей, заставить их оговаривать друг друга провалились.

В предъявленном мне обвинении от 5 декабря 1991 года в заговоре с целью захвата власти Е. Лисов утверждал, что 17 августа 1991 года мною на конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР в г. Москве был разработан план захвата власти в стране, в соответствии с которым было намечено: «Президента СССР, находившегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, предъявив ультиматум: либо немедленно ввести в стране режим чрезвычайного положения, либо уйти в отставку. При отказе президента выполнить указанное требование – осуществить его дальнейшую изоляцию, представить больным и поэтому неспособным к руководству, обязанности Президента СССР возложить на вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение. Для осуществления намеченного плана было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова, Генералова с задачей изолировать президента и поставить перед

ним требования заговорщиков».

Об «изоляции» вы уже могли прочитать раньше. Теперь настала очередь несуществующих «планов», иных мистификаций.

В ходе предварительного следствия с самого первого дня я утверждал, что никаких планов захвата власти и изоляции Президента СССР не разрабатывал и мне об этом ничего не известно, требовал исключить эти пункты из предъявляемого мне обвинения как надуманные и абсурдные. Все мои ходатайства по этому вопросу остались не разрешенными следствием. Обычная, к сожалению, практика, ибо мотивированные постановления следствием, как правило, не выносились. Никаких доказательств в ходе следствия также предъявлено не было, следственных действий не производилось. Больше того, 10 января 1992 года письмом № 18/6214-91 следствие само подтвердило, что никаких «документов на этот счет в распоряжении следствия не имеется».

В ответ на мою жалобу от 23 декабря 1991 года о том, что предъявленное мне обвинение надуманно и носит неконкретный характер, в связи с чем следствие нарушает уголовно-процессуальное законодательство, уклоняется от его конкретизации, нарушая мое право на защиту, перекладывает на обвиняемого задачу доказательства его невиновности, Генеральный прокурор РСФСР Степанков, наиглавнейший страж соблюдения презумпции невиновности по отношению к любому и каждому гражданину Российской Федерации, 4 февраля 1992 года письмом № 34п-55-92/6214-91 известил меня, что с обосновывающими обвинения доказательствами я могу непосредственно познакомиться в ходе выполнения требований от 201 УПК РСФСР. Другими словами, тебе дали 125 томов «дела», читай и ищи доказательства собственной вины сам на себя. Нам, строителям правового демократического государства, тобой заниматься недосуг. Посиди пока на нарах, подумай, время есть.

Что же я нашел, когда ознакомился со всеми материалами дела, относящимися к встрече 17 августа 1991 года. Убедился лишь в том, что имеющееся в постановлении от 5 декабря 1991 года о привлечении меня в качестве обвиняемого описание сущности так называемого плана захвата власти не более чем плод фантазии. Ко мне, к моему посещению объекта «АБЦ» КГБ СССР никакого отношения не имеет.

* * *

Присутствовавшие на этой встрече свидетели показали

следующее:

Егоров Алексей Георгиевич: «Впервые к разработке проблемы чрезвычайного положения в стране я был привлечен в декабре 1990 года (т. 7, л. д. 7). Примерно 15–16 августа с. г…Крючков на этот раз поручил нам подготовить документ о первоочередных мерах экономического, социально-политического и правового характера, которые следует реализовать в условиях чрезвычайного положения… (т. 7, л. д. 10).

Встреча носила неофициальный характер, и разговор велся свободный. Начал его Павлов. Он сказал, что только что закончилось заседание Президиума Кабинета Министров СССР, обстановка в стране сложная, крайне тяжелое положение с уборкой урожая, топливом, стране грозят голод и холод…пора принимать решительные меры, вводить чрезвычайное положение… В целом все согласились с тем, что надо вводить чрезвычайное положение (т. 7, л. д. 11).

Крючков достал из своей папки тот проект документа, который я и Жижин готовили перед встречей, и, обращаясь к участникам, предложил ознакомиться с мерами, которые необходимо осуществить, вводя чрезвычайное положение. Хочу отметить, что на этой встрече документ еще не обрел название: «Постановление № 1 ГКЧП». В тот момент мы его условно называли документом о неотложных мерах по стабилизации экономической и политической обстановки в стране (т. 7, л. д. 12).

…Павлов высказался, что надо применить правовые меры самого жесткого характера. Грушко возразил, что меры, предусмотренные документом, выведены на основе Конституции СССР и Закона о чрезвычайном положении и более жестких мер предусмотреть нельзя, достаточно этого (т. 7, л. д. 12).

Прямо (на этой встрече) не велось речи о создании ГКЧП и составе его участников, во всяком случае я такого не слышал» (т. 7, л. д. 13).

Вот ведь незадача. Свидетель не слышал, а следователи услышали. «На ужине в целом никаких вопросов существенных в плане введения ЧП не было, только в конце Крючков поднял проблему, что надо переговорить с Ельциным и лидерами других республик, чтобы они поддержали решение о введении ЧП» (т. 7, л. д. 14).

Это уже, конечно, по В. Степанкову, преступно – он же утверждал, что мы нарушали суверенитет республик.

«Крючков высказал предложение слетать к Президенту и убедить его временно передать свои полномочия Комитету по чрезвычайному положению, а самому отдохнуть в отпуске…

Однако у остальных было отрицательное мнение по этому предложению (т. 7, л. д. 11–12).

Я не слышал, чтобы на совещании шла речь об изоляции Президента в случае, если он не одобрит намерение собравшихся лиц (т. 7, л. д. 78).

По смыслу беседы я понял, что задачей лиц, которые должны лететь к Президенту, было, во-первых, сообщить ему о необходимости ввести в стране чрезвычайное положение, убедить его подписать Указ о введении ЧП, а, во-вторых, если это не найдет у него поддержки, то согласиться временно передать полномочия Янаеву или группе лиц. Крючков предложил срок на один месяц, а другие, по-моему, Павлов и другие возражали и говорили, что это не пойдет. Как их нужно понимать – я не знаю… на этой встрече не было определенного четкого плана-инструкции посланникам к Горбачеву, шел разговор, обменивались мнениями и конкретно план не был принят» (т. 7, л. д. 79).

Следователь: «Установлено, что лицам, назначенным лететь к Президенту, были даны четкие инструкции: предложить Президенту уйти в отставку, а в случае его отказа объявить его больным, изолировать его в Форосе, путем замены и усиления охраны, отключения связи. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, такой постановки не было, во всяком случае, я не слышал. Как я уже сказал, не было выработано четкого плана, шло обсуждение: реплики, предложения, возражения, как я понял, лица, назначенные лететь к Президенту, должны были, прежде всего, убедить Президента в необходимости самому ввести чрезвычайное положение, ну то есть как я ответил на предыдущей встрече».

Следователь: «Следствие располагает данными о том, что все же на этой встрече план был решен конкретный: в случае отказа Президента изолировать его, уйти в отставку или заявить о своей болезни. Вы должны были об этом знать, то есть Вами оглашался на этой встрече проект заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, уход по его болезни. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, такого не было. Я категорически совершенно искренне говорю, что я не зачитывал какой-либо проект заявления Президента об уходе в отставку или по болезни. Речи «об изоляции Президента» при мне не было. Я не могу объяснить, откуда появились данные о том, что я зачитывал подобные документы. Я читал часть проекта, который лег в основу постановления № 1 ГКЧП, и ничего больше» (т. 7, л. д. 79, 80).

Следователь: «Из материалов дела видно, что Вами и Грачевым был изготовлен Указ от имени Президента СССР с заявлением об уходе его в отставку. Этот документ оглашался на встрече 17 августа на объекте «АБЦ». С этим документом летала делегация 18 августа в Крым к Горбачеву. Подтверждаете ли Вы это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, мы такого документа не готовили и я не слышал, чтобы он оглашался на встрече на объекте «АБЦ». Ничего об этом документе я не слышал».

Объективным может быть только один вывод: несмотря на грубые попытки следствия навязать свидетелю Егорову А.Г. ответ, который бы подтвердил выдумку обвинения, что прямо говорит об обвинительном уклоне следствия, свидетель на допросах 6 сентября, 17 октября и 16 декабря 1991 года последовательно, без колебаний заявляет, что ни об изоляции, ни об уходе в отставку Президента СССР на встрече 17 августа 1991 года даже речи не было, не то что разработок каких-либо планов захвата власти. Обещанные на допросах следователями материалы свидетелю не предъявлялись и в деле также отсутствуют. Обсуждение же необходимости введения чрезвычайного положения, мероприятий, которые нужно было бы осуществить при его введении, предложения поехать с личным докладом по этому вопросу к Президенту СССР не являются уголовным преступлением, а составляют часть моих служебных обязанностей. Наконец, даже название ГКЧП тогда не существовало.

* * *

Свидетель Ачалов Владислав Алексеевич: «17 августа в конце рабочего дня, примерно в 17 часов… Павлов стал рассказывать о состоявшемся заседании Кабинета Министров СССР. Он обрисовал обстановку в стране крайне сложную, я бы сказал сложнейшую, особенно региона Урала, Якутии, Челябинска, и выделил две проблемы – энергетическую и продовольственную. Здесь же Павлов стал перечислять, кто и как выступил, особенно в защиту союзного договора, и в конце подытожил, что всего было два выступления на этом совещании в защиту союзного договора. В конце Павлов подвел резюме, что надо лететь и договариваться с Горбачевым, но о чем договариваться, он не говорил» (т. 94, л. д. 3, 4).

Следователь: «Расскажите подробнее о совещании 17.08 на даче КГБ».

Ответ Ачалова В.А.: «Разговор шел в беседке. Павлов рассказал о тяжелом экономическом положении в отдельных районах страны, и затем речь зашла о необходимости введения чрезвычайного положения, говорили о необходимости решить это с М.С. Горбачевым, для чего поехать к нему и уговорить ввести чрезвычайное положение. От МО Язов предложил лететь Варенникову, тот согласился. После этого мы уехали. Разговора о том, что делать в случае отказа М. С. Горбачева от введения чрезвычайного положения, – не было.

…Ни об изоляции Президента, ни об отстранении его от власти никакого разговора не было. О вводе войск также речь не шла, ни о каком совещании у меня и согласования действий с офицерами КГБ разговора не было».

Вывод также однозначен – показания 24 августа и 11 октября 1991 года подтверждают одно: ни слова об отстранении, изоляции или отставке 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР не говорилось.

* * *

Присутствовавшие обвиняемые по делу по поводу встречи 17 августа 1991 года показали следующее:

Грушко Виктор Федорович.

Следователь: «Поясните подробно, как проходила встреча известных лиц на объекте «АБЦ» 17 августа с. г. Какова была тема встречи, кто, в какой последовательности и о чем на ней говорил, какие были приняты решения?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Разговор за столом был неофициальны, то есть не было порядка выступлений, какойто последовательности, были реплики, возражения, отвлечения на посторонние темы, не было обозначено конкретной темы, говорили сбивчиво, перебивая друг друга. Как я понял, основной вопрос, который и занял большую часть времени, – это вопрос, что надо лететь к Президенту СССР в Крым, довести до него трагичность обстановки в стране и побудить принять решительные меры, то есть предложить ввести в стране чрезвычайное положение, и если эта идея не найдет у него поддержки, то побудить, временно передать свои полномочия Янаеву по болезни, а потом, когда будет введено чрезвычайное положение, вернуться к своим обязанностям. Никакого злобного умысла в отношении Президента не вынашивалось, поэтому решили, что ехать к Президенту должны наиболее близкие к нему люди, которые могли убедить его. Как таковой вопрос о введении

чрезвычайного положения не ставился… Не говорилось на этой встрече о создании ГКЧП, по-моему такого наименования еще придумано не было, и тем более, не было речи о насильственном отстранении от власти Президента. Это ни у кого из присутствующих и в мыслях не было, ведь собрались верные и близкие Президенту люди, которые хотели помочь ему справиться с ситуацией (т. 4, л. д. 91).

…Крючков сказал, что он знает охрану и он примет меры… В чем эти меры заключались. Крючков не сказал (т. 4, л. д. 92).

…Павлов четко сформулировал мысль о том, что надо лететь к Президенту, иначе наступит крах. Он также говорил о катастрофическом положении в экономике: гибнет урожай, нарушены хозяйственные связи и т. п., говорил, что каждая республика «тянет на себя одеяло» и что при таком положении может наступить хаос. (т. 4, л. д. 92).

Тема о том, что надо поставить в известность о принятых решениях Лукьянова, Бессмертных и Янаева, на встрече не обсуждалась. Также не было разговора о том, что надо решить вопрос о применении войск и распределении сил ведомств» (т. 4, л. д. 93).

Следователь: «Была ли речь о том, что подписание Союзного договора приведет к развалу Союза, кем и на какой стадии она велась?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Это говорил Павлов, в том плане, что надо лететь к Президенту до подписания Союзного договора, так как после его подписания это теряет смысл, будет поздно. О том, что нельзя допустить подписания договора, не говорилось».

Следователь: «Из материалов дела видно, что на этой встрече Вами и Егоровым оглашались перед участниками проекты Обращения к советскому народу, заявление Советского руководства, постановление № 1, а Егоровым, кроме того, проект Заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, проект его заявления о передаче полномочий Янаеву по болезни. Что Вы можете пояснить?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Нет, не оглашались ни один из документов, как я уже сказал. Такие документы, как проекты заявлений Президента об уходе в отставку или о передаче полномочий Янаеву, нами не готовились» (т. 4, л. д. 93).

…Нет, на встрече не велось каких-либо разговоров о применении войск и я не слышал… чтобы Крючков и Язов говорили об этом» (т. 4, л. д. 94).

…Вопрос о введении чрезвычайного положения на встрече на объекте «АБЦ» не в том плане, что он был решен еще ранее, а что он обсуждался еще ранее. Когда Крючков на встрече говорил, что

Плеханов по прибытии в Форос «примет меры», я понял, что Плехановым будет обеспечен проход на дачу прилетевшим и организована встреча с Горбачевым. Ни об изоляции, ни об отключении связи Крючков не говорил» (т. 4, л. д. 95).

Вывод также не вызывает сомнений – следствие говорит о несуществующих материалах, провоцируя допрашиваемого на желаемый ответ, но ответы определенно свидетельствуют, что никто никаких планов 17 августа на объекте «АБЦ» не разрабатывал и об отставке, изоляции президента разговор не вел.

* * *

Болдин Валерий Иванович:

«17 августа мне в больницу позвонил Крючков и пригласил.

Когда я туда приехал, речь зашла о положении с подписанием Союзного договора, состоянии экономических связей, и в этой связи было предложено доложить обстановку Президенту и выехать для этого на юг, в Крым, где в это время на даче в Форосе находился Президент СССР Горбачев М. С.» (т. 76, л. д. 213).

…Здесь обсуждался вопрос о развале государства, о необходимости принятия мер кардинальных – о сохранении Союза» (т. 76, л. д. 223).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, 17.08.91 на базе КГБ, где Вы тоже были, был ли разговор о том, чтобы сменить охрану на даче Президента, если он откажется с предложениями приехавшие к нему лиц?»

Ответ Болдина В.И.: «При мне такого разговора не было» (т. 76, л. д. 231).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, на этой встрече не обсуждался вопрос об отставке Президента, если он не согласится с принятием тех соображений, которые Вы назвали?»

Ответ Болдина В.И.: «Вопрос об отставке Президента вообще не обсуждался».

Следователь: «Скажите, не обсуждались ли вопросы на этой встрече об изоляции Президента?»

Ответ Болдина В.И.: «В моем присутствии таких вопросов не обсуждалось» (т. 76, л. д. 238).

Добавить к ответам В. Болдина 23 августа, 2 сентября, 2 и 10 октября 1991 года нечего, и никаких комментариев не требуется.

* * *

Варенников Валентин Иванович.

Из собственного заявления следствию: «Анализируя встречу 17 августа, чистосердечно заявляю, что я не мог себя считать вступившим в заговор: на встрече никакого разговора о захвате власти не было, наоборот, говорилось об укреплении существующей власти и стабилизации обстановки; находясь среди руководителей, которые уже обладают огромной властью (плюс говорили о Янаеве и Лукьянове), я не видел во всем этом заговор. Это были озабоченные обстановкой руководители нашего государства.

Не говорилось и об отстранении Президента, а рассматривался вопрос о временной передаче его полномочий вице-президенту (в связи с состоянием его здоровья и тяжелой ситуацией, в какой оказался М.С. Горбачев, – имелась в виду обстановка в стране).

Хочу особо подчеркнуть, что речь шла именно о временной передаче функции, а не об отстранении…

Почему возникла эта идея о временной передаче функций. В свое время ВС СССР предвидел возможную тяжелую ситуацию в государстве, дал все необходимые полномочия. Президенту, чтобы он мог оперативно пресекать тяжелые тенденции (в т. ч. вводить президентское правление и т. д.). Но М.С. Горбачев своевременно этим не воспользовался, а сейчас ему выступать с чрезвычайными шагами поздно. Поэтому было решено ему помочь. А дальше он должен был продолжать свою деятельность, но уже в новых стабилизационных условиях.

…17 августа вообще ничего не говорилось о захвате власти, о перевороте и т. п. Никто в моем присутствии не говорил и о замене законно избранных руководящих деятелей государства» (т. 103, л. д. 174, 175, 176).

Следователь: «Не связано ли включение Плеханова, командующего охраной Президента, с его последующей изоляцией?»

Ответ Варенникова В.И.: «Возможно, вопросы изоляции Президента участниками совещания ранее прорабатывались и в связи с этим какая-то задача Плеханову ставилась, но мне об этом ничего не известно»(т. 93, л. д. 249).

Следователь: «Когда Вам стало известно, что будет отключена связь на даче Президента СССР Горбачева?»

Ответ Варенникова В.И.: «Если на совещании 17.08.91 на объекте КГБ обсуждался вопрос об отключении связи у Горбачева, то я этого не уяснил для себя… О том, что планируется изоляция Президента, я не понял, это не вытекало из разговора» (т. 102, л. д. 116).

Следователь: «Скажите, Валентин Иванович, об изоляции Президента в Форосе что-либо говорилось?»

Ответ Варенникова В.И.: «Я лично этого не слышал, так как в ходе беседы мы отдельные моменты разбирали по группам. К примеру, я иногда беседовал с Павловым, который сидел справа через кого-то, о проблеме уборки урожая, так как округа подчинялись мне и военнослужащие помогали решать эту проблему» (т. 102, л. д. 135).

…Содержание разговора на объекте «АБЦ» КГБ не может быть для меня свидетельством того, что якобы это был заговор (т. 102, л. д. 215).

…Никаких документов не видел, в руках не держал, и никто их не зачитывал. Исключением было «Обращение к народу» – отдельные фрагменты работник КГБ зачитывал. Но они были патриотической направленности (т. 102, л. д. 216).

…Ни одно из перечисленных («намеченных») мероприятий, а также ни одно из перечисленных требований в моем присутствии нигде не обсуждалось (т. 102, л. д. 217).

…ГКЧП был создан до моего участия в беседе 17 августа (т. 102, л. д. 219).

…Никаких, тем более заранее выработанных, ультимативных требований ни я, ни кто-либо из других присутствующих лиц в Крыму Президенту не предъявлял» (т. 102, л. д. 220).

Все приведенные показания 23, 24, 29 августа, 26 октября, 5 и 29 ноября 1991 года, как и другие показания Варенникова В. И., четко подтверждают как раз обратное утверждению обвинения – никаких планов захвата власти, заговора, отставки и изоляции Президента СССР 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР – не обсуждалось.

* * *

Бакланов Олег Дмитриевич.

Следователь: «16 августа Вы у Крючкова в здании КГБ были?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Видимо, был такой факт, этого я отрицать не могу».

Следователь: «Что это была за встреча, по каким вопросам?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Возможно, это и был разговор о том, что надо было ехать и договариваться с Горбачевым по поводу сложившейся ситуации. Видимо, это происходило 16-го числа, а не 17-го, как я говорил раньше» (т. 21, л. д. 69).

Следователь: «Когда обсуждался вопрос о том, что Президента нужно изолировать?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Этого я не знаю» (т. 21, л. д. 71).

Следователь: «А каково Ваше отношение к тем конкретным действиям, которые изложены в обвинении?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Я могу сказать следующее: 17 августа 1991 года план захвата власти я не разрабатывал».

Следователь: «А в этот день кто-то из других такой план разрабатывал?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Это мне не известно» (т. 22, л. д. 1).

Следователь: «В каком виде оговаривалась на этом совещании 17 августа Ваша предстоящая поездка в Форос к Горбачеву?»

Ответ Бакланова О.Д.: «По этому вопросу во время этой встречи никакого разговора не было».

Следователь: «Как долго Вы находились в этот день на объекте «АБЦ»?

Ответ Бакланова О.Д.: «Не более часа-полутора».

Следователь: «Что происходило на этом объекте во время встречи?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Я уже давал показания об этом. Шел разговор о тяжелом положении в стране, что необходимо принимать какие-то меры. По этому вопросу Президент занимает позицию очень пассивную, и надо было какие-то конкретные предложения выработать вместе с Президентом, чтобы выйти из этой ситуации. Был просто обмен мнениями».

Следователь: «А шла ли речь на этом совещании о замене Президента, о предложении ему уйти в отставку?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не шла. И в Форосе Горбачеву никто из нас никаких требований не предъявлял и ни к чему не склонял».

Следователь: «А о введении в стране режима чрезвычайного положения, или в отдельных ее местностях, об этом речь шла?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не шла».

Следователь: «А о возможности изоляции Президента?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не было».

Следователь: «Документы какие-то везли с собой?»

Ответ Бакланова О.Д.: «У меня никаких документов не было. И ни у кого из товарищей я каких-либо документов не видел».

Следователь: «ГКЧП имел какое-то отношение к вводу войск в Москву?» (т. 22, л. д. 97).

Ответ Бакланова О.Д.: «Этот вопрос на ГКЧП не обсуждался».

Следователь: «Такого разговора не было где?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нигде. Ни на ГКЧП, ни в индивидуальных разговорах» (т. 22, л. д. 110, 111).

* * *

Крючков Владимир Александрович: «Поехали Бакланов, Болдин, Варенников В.И., начальник сухопутных войск, Шенин О.С. с целью переговорить о трудностях в стране с Горбачевым, показать, что кризис усиливается и что осень и зиму мы нормально не переживем» (т. 2, л. д. 3).

Цель: доложить обстановку в стране, показать, что становится все хуже, и, учитывая, что М.С. Горбачев не идет на меры чрезвычайного характера, попросить его сделать это и. о. Президента Янаеву Г.И. Сам Президент должен был бы остаться в стороне, хотя бы несколько дней» (т. 2, л. д. 39).

Следователь: «А в случае его несогласия?»

Ответ Крючкова В.А.: «В случае его несогласия мы должны были обсудить вопрос по возвращении наших товарищей (т. 3, л. д. 6).

…Это очень важно: что никогда, ни в ходе ни одного разговора никто не поднимал вопроса о том, чтобы лишить власти» (т. 2, л. д. 14).

Следователь: «Когда и от кого исходило высказывание о необходимости заменить Президента СССР?»

Ответ Крючкова В.А.: «Вопрос о необходимости замены Президента СССР М.С. Горбачева не стоял и его никто не ставил» (т. 2, л. д. 161).

…Хотел бы еще раз подчеркнуть, что вопрос о замене Президента СССР не стоял…» (т. 2, л. д. 163).

* * *

Язов Дмитрий Тимофеевич.

Следователь: «Поясните, все-таки заговор как таковой был? Был ли сговор?»

Ответ Язова Д.Т.: «…Что касается меня, то я считаю, что заговора не было» (т. 99. л. д. 118).

Следователь: «А по-русски можете сказать, а? Если не согласится, то какие действия должны быть у группы? Как Вы обговаривали?»

Ответ Язова Д.Т.: «Не обговаривали вопрос. Какие действия группы должны быть, не обговаривалось. Я же Вам говорил» (т. 99, л. д. 121).

Следователь: «Нет, 17-го встречались на объекте. Ачалов был?»

Ответ Язова Д.Т.: «Да».

Следователь: «Там решался вопрос?»

Ответ Язова Д.Т.: «Да. Никто же не знал, что он будет изолирован».

Следователь: «Только имелось в виду, что если нет, то…»

Ответ Язова Д. Т.: «Даже это не говорилось. Об этом даже там конкретного разговора не было» (т. 99, л. д. 174).

Следователь: «Дмитрий Тимофеевич, Вы говорили о том, что 16-го числа по линии КГБ к технической работе был привлечен Грушко, а от Вашего ведомства Ачалов?»

Ответ Язова Д.Т.: «Ачалов, дня за два».

Следователь: «От Вас какая конкретная была поставлена задача?»

Ответ Язова Д.Т.: «Речь шла о юридическом, так сказать, решении, о законности решения такого вопроса.

…На встрече 17.08.91 на объекте «АБЦ» не обсуждался вопрос, как поступать членам группы, которая должна поехать к Президенту, в случае его отказа ввести в стране чрезвычайное положение. Насколько я помню, в тот вечер разговоров по поводу объявления Горбачева больным, в случае его отказа от введения чрезвычайного положения, не было».

…Хочу отметить и то, что 17.08.91 на встрече также не обговаривались вопросы об образовании для управления страной государственного комитета по чрезвычайному положению (т. 99, л. д. 240).

…Заговора с целью захвата власти не было. При мне также вопросы не обсуждались… В моем присутствии вопрос о замене Президента на вице-президента Янаева не обсуждался… (т. 99, л. д. 242).

…Должен отметить, что все указанные документы я впервые увидел на встрече в кабинете Павлова 18.08.91. Тогда же только узнал об образовании ГКЧП и о его составе, а тем более что я являюсь его членом».

Очевидно, что ответы Д.Т. Язова не вызывают никаких сомнений в неправомерности утверждения следствия о том, что якобы 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» разработан план захвата власти, приняты решения об отстранении и замене Президента СССР, лишении его связи, изоляции и т. д.

* * *

Шенин Олег Семенович: «Вскоре подъехал Павлов В.С. Он сделал информацию о рассмотрении Союзного договора на Кабинете Министров СССР… Настаиваю на том, что вопросы, как

вводить ЧП, кто будет этим заниматься на отдельных направлениях, какие силы будут включены, не обсуждались (т. 70, л. д. 39).

…Мне неизвестен никакой план по захвату власти в СССР. При мне никогда, нигде не обсуждался вопрос о замене законно избранных высших государственных деятелей другими лицами (т. 70, л. д. 40).

…Я настаиваю и утверждаю, что 17.08.91 никаких преступных планов по захвату власти, как об этом домыслили и сочинили органы следствия на листе № 2, с моим участием не разрабатывалось. Никаких планов на встрече при мне не составлялось, никаких документов не готовилось и не рассматривалось (т. 70, л. д. 152).

…Присутствовавшие на встрече 17.08.91 пришли к выводу о необходимости поездки в Форос к Президенту СССР, доложить ему крайне критическое положение. Речь на встрече шла именно о введении ЧП в стране» (т. 70, л. д. 153).

* * *

Я понимаю, что утомил читателя. Но для меня было главным убедить не речами и домыслами, а фактами, что заговор, если был таковой, то не со стороны ГКЧП. Видимо, эти документально зафиксированные на допросах показания повлияли на решение В. Степанкова отменить 12 августа 1992 года постановление своего заместителя Е. Лисова от 23 декабря 1991 года, в котором тот, будучи руководителем следственной бригады, признал, что предварительное следствие не нашло фактов, которые объективно составляют по своему содержанию преступление, квалифицируемое ст. 64 УК РСФСР «Измена Родине», и за отсутствием состава преступления уголовное преследование в этой части прекратил.

Вместо него было предъявлено обвинение в заговоре с целью захвата власти, как самостоятельного преступления, в соответствии с Законом СССР о государственных преступлениях. Но все, что Вы, уважаемый читатель, прочли выше, не требует объяснений по части заговора. Можно добавить лишь то, что комментарии к Уголовному кодексу РСФСР гласят: «характерным для заговора является наличие у его участников цели изменить существующий советский государственный и общественный строй. Однако как заговор с целью захвата власти следует квалифицировать и действия тех лиц, которые из карьеристских побуждений сорганизуются для замены неконституционным

путем законно избранных или назначенных руководящих деятелей государства».

Говорить об изменении советского строя и связывать это со мной, когда на весь мир от имени ГКЧП объявлялось, что на всей территории страны верховенство имеют Конституция СССР и Законы СССР, не серьезно.

О карьеристских соображениях говорить смешно, ибо власть, и достаточно большая, у меня была. Видимо, это тоже учли наши бойкие писатели – прокуроры, и тогда… Е. Лисов заболел, дело принял А. Фролов, его надежный заместитель. Шустрый заместитель, не имея ни одного нового факта, не проведя с моим участием ни одного следственного действия, согласно указанию Генпрокурора РФ В. Степанкова от 12 августа 1992 года, прерывает ознакомление с делом, возобновляет следствие и 25 августа предъявляет уже однажды отмененное обвинение в измене Родине, а 7 сентября, так ничего и не добыв и не сделав, закрывает следствие с этим обвинением. Заодно организацию заговора почему-то переносят на 5 августа 1991 года. Почему не на 1990 год?..

Даже жалобы и ходатайства обвиняемых не рассмотрели к тому времени. Опять куда-то торопились. Им некогда, следовательно, сойдет и так. Например, сами признают, что 5 августа меня нигде на встречах ни с кем не было, но я, тем не менее, остаюсь организатором.

Но самое «пикантное» заключается в том, что как только А. Фролов сделал безусловно грязное дело, Е. Лисов выздоровел. Вся его дальнейшая деятельность выразилась в подписании обвинительного заключения по обвинению, которое он сам же и признал безосновательным. Ведь вновь приняв дело к производству, он даже следственной бригады не создал и сам не появлялся ни разу. О морали говорить здесь не приходится, а с юридической точки зрения правомерность такого поведения я оценивать не компетентен. Заявленные мной отводы ему и В. Степанкову они же сами рассмотрели и признали необоснованными. Единственное, что мне оставалось в той ситуации, – отказаться вообще знакомиться с их стряпней до суда, что я и сделал, как и многие мои коллеги.

Августовские события

О событиях 18 августа 1991 года и последующих дней много сказано и написано. Это, с одной стороны, облегчает мою задачу, а с другой – осложняет опасностью повторения широко известных фактов. Поэтому постараюсь касаться лишь фрагментов, не известных широкому читателю, либо тех, что, с моей точки зрения, освещены необъективно или ошибочно.

Сам день я провел на даче с семьей. Сын с семьей закончил отпуск и собирался улетать. Собирали вещи, организовали прощальный обед (оказался символичным). Но внутреннее беспокойство меня не покидало. Я так и не могу точно по сей день объяснить причину его появления. Но оно возникло и усиливалось. Мое знание прошлого и анализ поведения Горбачева в разных ситуациях к спокойствию не располагали. Тогда я решил позвонить А. Лукьянову и Г. Янаеву и уточнить, будут ли они вечером на встрече с уехавшими в Форос. При этом А. Лукьянову я прямо говорил, что, не исключено, Горбачев вернется в Москву вместе с поехавшими, так как в разговоре со мной он говорил о вечере 18 или утре 19 августа как дате встречи для предварительного обсуждения проекта договора по моим и Президиума Кабинета замечаниям и предложениям.

Янаев и Лукьянов подтвердили, что будут. Это немного успокоило, но не до конца. Примерно в 18 часов позвонил В. Крючков и сказал, что полетевшие возвращаются, надо бы собраться. С учетом времени полета после 20 часов я прибыл в Кремль. Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачев выбрал свой обычный метод поведения – вы делайте, а я подожду в сторонке: получится – я с вами, нет – я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и ссылка на его самочувствие, и пожелания успеха накануне, и «делайте, как хотите сами», под предлогом завершения врачебных процедур целый час заставил приехавших к нему ожидать приема и картинные печаль и тревога мадам…

Все это, вместе взятое, переданное нам прибывшими, свидетельствовало о том, что Горбачев решил повторить сценарий чрезвычайного положения в Москве весной 1991 года. Разница была лишь в том, что я не мог вторично, что называется, «играть втемную», не собирался. На этот раз первыми Горбачев подставлял А. Лукьянова или Г. Янаева. Не потому, что так складывались его личные симпатии. Ему если не антипатичны, то уж глубоко безразличны всегда были все. Он рассматривал нас лишь по одному критерию – выгодно лично ему или нет и где

больше навар можно иметь. Поэтому обсуждение началось с вопроса, кто берет на себя подписание документов о введении ЧП. Лишь после жаркой дискуссии по этому вопросу, когда Г. Янаев подписал Указ о временном исполнении обязанностей Президента СССР, двинулась работа по другим документам. Важно отметить, что само название ГКЧП появилось именно в тот временной отрезок. По сути, его привезли из Фороса, так как Горбачев, обращаясь к прибывшим, спрашивал о комитете – что за комитет, кто его создал и т. п. – и тут же сам написал практически персональный состав.

Даже А. Лукьянова предусмотрительно вписал, под знаком вопроса.

Что касается введения чрезвычайного положения, то, как признало само следствие, ГКЧП его не вводил, ибо «по совету Лукьянова эта формулировка была изменена на «в отдельных местностях СССР», что соответствовало закону.

Встреча началась после 20 часов 18 августа 1991 года и закончилась около 3 часов 19-го. Документы были закончены разработкой примерно в 24 часа, и только после этого к чаю и кофе принесли бутылку виски. Это документированный факт. Привожу его лишь потому, что не перевелись еще лица, надеющиеся выдать действия членов ГКЧП как какое-то сборище подвыпивших мужичков – не очень умные, не очень трезвые, не слишком храбрые. Свидетель И.В. Довиденко на допросе показал следующее: «…Приблизительно в 21.00 была первая подача на совещание. Подавали мы вдвоем… Во время подачи чая в зале… обстановка была обычной. На столе находились документы, пепельницы. Вторая подача состоялась приблизительно в 24.00… Когда мы зашли, на столе появилась бутылка виски. Третья подача была приблизительно в 3.00. Были ли среди них лица в нетрезвом состоянии или они были уставшими, я точно сказать не могу, потому я этого не понял» (т. 54, л. д. 271).

Человек, обслуживающий стол, профессионал, будучи там, на месте «действий», не понял, а прокуроры и следователи спустя месяц поняли. Вопрос только один – сами или кто подсказал? Зачем?..

Закончу же это показаниями А. Бессмертных и словами О. Бакланова 21 ноября 1991 года. А. Бессмертных на допросе сказал: «В.С. Павлов вел в основном разговор об экономическом положении страны, говорил о развале, хаосе… Когда я в конце уже решился уйти, то Павлов сказал мне: «Пойми, все, что мы делаем, это не ради себя» (т. 124, л. д. 195).

Отношение же к Горбачеву в этой ситуации лучше всех выразил Бакланов словами, обращенными к Г. Янаеву, смысл

которых состоял в том, что вопрос о том, болен Президент, не болен, чем болен, не главный, выздоровеет и приедет, а страну спасать надо независимо от чьего-то желания участвовать или отсидеться…

* * *

Считаю, что нужно разъяснить вопрос о появлении бронетехники на улицах Москвы. Следствие упорно твердило о том, что этот вопрос был обсужден и решен 18 августа в соответствии с предварительно достигнутым 17 августа соглашением на объекте «АБЦ». Что касается 17-го числа, не обоснованность этого достаточно освещена в ранее приведенных мной показаниях всех, кто присутствовал тогда там. Я свидетельствую, что когда О. Бакланов, О. Шеин и другие говорили на допросах о том, что 18 августа будущий ГКЧП ввод войск в Москву не обсудил и решений на этот счет не принимал, то они говорили чистую правду.

Вынужден потревожить память глубокоуважаемого В.Г. Пуго. Дело в том, что он, говоря о криминогенной ситуации в Москве, подчеркивая явную недостаточность своих сил и технических возможностей для гарантий спокойствия и безопасности граждан, объектов хранения ценностей, производства и торговли. И в этой связи говорил о том, что в случае необходимости оказания помощи при возникновении экстремальных ситуаций в городе он просил бы армию оказать помощь в той мере и в том порядке, как это уже неоднократно делалось в разное время в Москве и других городах. Вот почему указания маршала Д. Язова, имеющиеся в распоряжении следствия, гласят о выдвижении воинских частей к Москве, а не в Москву. Тот, кто знает город, легко поймет значение таких мест, как аэродром Тушино, Теплый Стан, Ходынка, – это так называемая парадная площадка. Это именно те места, где воинские части, прибывающие для участия в парадах, находятся на временной дислокации. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Н. Калинин в собственноручно написанном заявлении следователю В. Гусеву 30 сентября 1991 года сообщал: «Мне была поставлена задача в готовности ввести в Москву 2 м. с. д. и 4 т. д. и совместно с УВД города обеспечить поддержание общественного порядка в городе и охрану в нем важных объектов… Выход частей предусматривалось осуществить первоначально в районы парадной площадки и Теплого Стана…» (т. 107, л. д. 28). Было ли в этом что-то новое, необычное, связанное именно с созданием

ГКЧП?

Тот же Н. Калинин еще 18 сентября 1991 года свидетельствовал на допросе у следователя В. Фокина: «Командующим Московским военным округом я назначен в феврале 1989 года, за это время… войска в Москву вводились раз 5 по различным причинам» (т. 107, л. д. 25). Это же подтверждают и многие другие допрошенные военнослужащие. Начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Л. Золотов вспоминал 24 сентября 1991: «9.IX.1990 года… В этот день все практически начиналось точно так, как и ввод войск в гор. Москву 19 августа 1991 года» (т. 107, л. д. 99).

Тогда возникает логичный вопрос: где Тушино и где Садовое кольцо, «Белый дом» и т. п.? Зачем были нужны войска именно в тех районах Москвы, где они фактически находились? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, содержится главным образом в показаниях П. Грачева, Ю. Скокова, Е. Подколзина. Так, Ю. Скоков 26 октября 1991 года рассказывал о том, что «…мы договорились прежде всего об одном: чтобы мы начали контактировать с армией, решая проблемы социальной устроенности армии, чтобы иметь какие-то четкие взаимоотношения с военными, первоначально хотя бы на личном уровне. А дальше – в зависимости от развития событий… Мы с Грачевым договорились, что мы с Ельциным заедем в Тульскую дивизию, где у них специальный полигон… Во время визита… там были и генералы Лебедь и Грачев. С этого времени (июнь 1991 г.) Ельцин был с нами обоими знаком» (т. 93, л. д. 136).

По словам Т. Митковой, «Грачев лично организовал тогда воздушный праздник для Ельцина… Грачев говорил, что там он познакомился с Ельциным и у них установились очень хорошие, теплые отношения» (т. 93, л. д. 258).

Ну а теперь слово самому П. Грачеву: «В 19 часов 18 августа Язов вызвал меня к себе и сообщил, что делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с Президентом СССР, видимо, они будут успешными и Горбачев даст «добро»… В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил, что все вопросы в Форосе решены и вводится чрезвычайное положение. В 6 часов утра следует ждать об этом сообщения…»

Итак, «добро» из Фороса получено. А что же в Москве? «После 6 часов утра 19 августа (с дачи из «Архангельского») мне позвонил по телефону в кабинет Б.Н. Ельцин и спросил меня (почему, скажем, не Язова? – В.П.), что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино (заметь читатель – не в Москву, а к Москве, в Тушино. – В.П.), а дальше будут действовать по

указанию Министра обороны СССР. На это Б. Н. Ельцин мне ответил, что это авантюра, настоящая провокация. (Позволю себе напомнить о вышеприведенных откровениях Г. Попова по изучавшимся им сценариям «путча». – В.П.) Он ответил, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны «Белого дома». Я пообещал ему выдвинуть подразделения ВДВ к «Белому дому» для его охраны. В 8 часов утра ко мне приехал помощник советника Б.Н. Ельцина Портнов (и остался до 22.VIII.91 г.), и мы договорились с ним о взаимодействии. Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов и передал указание взять под охрану Госбанк, Госхранилище, радио и телевидение. При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану «Белый дом» и Моссовет. Он с этим согласился и сказал, чтобы я так и действовал, но при этом двигались войска осторожно и не подавили людей. О просьбе Ельцина взять под охрану «Белый дом» Ачалов знал. После этого я поставил задачу Лебедю выделить для охраны указанных объектов по батальону ВДВ, а батальон для охраны «Белого дома» приказал вывести лично, о чем доложить Президенту России» (т. 109, л. д. 38, 39).

От себя могу добавить лишь то, что указание было выполнено с перевыполнением. Встретив на марше войска Тульской дивизии, командование ВДВ вывело в Москву к «Белому дому» батальон и роту разведки, плюс часть войск к Моссовету. Вот почему для многих членов ГКЧП появление войсковой бронетехники в городе 19 августа 1991 года было неприятной неожиданностью. Я лично, прибыв в 14 часов с дачи в здание Кабинета Министров СССР на Пушкинской улице, вовсе не пришел в восторг, когда обнаружил бронетехнику.

* * *

Вскоре после приезда я по соглашению с Г. Янаевым выехал в Кремль. Там у вице-президента обсуждался вопрос о проведении пресс-конференции. Она, естественно, была теперь, после появления бронетехники в городе, вдвойне необходима. Но я отказался в ней принять участие по двум причинам: первая – мне нужно было проводить в 15 часов Валютный комитет (пришлось перепоручить это дело В. Щербакову, хотя он к этому был вовсе не готов. Я вынужден был по телефону разъяснять ему нашу позицию и решения, которые требуется провести на заседании), а затем заседание Кабинета Министров. Это заседание в той ситуации ни перенести, ни передоверить кому-либо его ведение я не мог. Беда стояла у порога, и мне она была более объемно и

четко видна, чем любому другому члену Кабинета. На повестку дня заседания Кабинета Министров СССР было вынесено обсуждение решения Президиума Кабинета об отношении к горбачевскому проекту Договора о Союзе суверенных государств.

Чувствовал я себя очень плохо. Бессонная ночь и нервные перегрузки последнего времени, особенно субботы и воскресенья, не могли пройти бесследно. Пришлось прибегнуть утром к помощи врача. Небезынтересен будет тот факт, что проводимая В. Степанковым и Е. Лисовым выдержка из допроса моего лечащего врача Д.С. Сахарова изложена ими так, как ее записал следователь: «Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать. Павлову, сказал он, плохо. Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное простое опьянение. Он был страшно взвинчен до истерики. Я стал оказывать ему помощь…» (стр. 109. В. Степанков, Е. Лисов. Кремлевский заговор. Изд-во «Огонек», 1992).

На этом показания обрываются. И не случайно. Вопервых, показания гласят: «Но это было уже не простое опьянение». Кто из «писателей», любому понятно зачем, вписывает от себя «обычное»? Дальше идет: «Он был страшно взвинчен». Кто и зачем приписывает Сахарову слова о моей якобы истерике? Следующих дальше слов «Я стал…» вообще нет в протоколе. А есть – «19-го я подлечил его, к обеду он был готов ехать и мы уехали на Пушкинскую» (т. 59, л. д. 16).

Кроме того, писатели от прокуратуры молчат, что, прочитав запись следователя, врач Д. Сахаров, не один день проведший в госпиталях действующей 40-й армии в Афганистане, собственноручно дописал: «Хочу дополнить, что пациент 19.08.91 днем принимал рудотель и транксен. Прием алкоголя мог усугубить состояние». Вот так с действительностью у наших писателей от прокуратуры. И приведенный выше пассаж – это не единственный пример. Далее (стр. 132) они заявляют о том, что после вечернего разговора с Д.Т. Язовым по телефону «дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжелый запой». Между тем в деле лежит официальная справка Кунцевской больницы о моем состоянии здоровья, где при детальнейшем изложении заболеваний об алкоголизме нет даже намека. Кстати, в упоминаемых показаниях Д. Сахарова на вопрос следователя врач также прямо отвечает, что алкоголиком В.С. Павлов не был. Зачем же тогда и кому понадобилось столь беспардонно пытаться замарать мое имя, прибегая к явной подтасовке фактов и их искажению?

От В. Степанкова и Е. Лисова ответа по существу мне добиться почти ни разу не удалось, а уж там, где явная ложь, да

еще публичная, чего же ожидать. Пришлось мне по этим вопросам отдельно, не ожидая окончания суда по всему делу, обратиться в гражданский суд с иском об оскорблении чести и достоинства. Суд – не арестованный В.С. Павлов, бывший премьер-министр СССР, которого В. Степанков и Е. Лисов уже, видно, списали, ему, мол, никогда «не подняться», и потому, очевидно в погоне за гонорарами, как писатели, позволяют себе вещать «о тяжелом запое», а в обвинительном заключении на стр. 124, т. 4, один подписывает, другой утверждает написанное: «после чего, в силу развития гипертонического кризиса, вплоть до провала заговора находился на постельном режиме». Куда дальше, господа законники…

* * *

Так чем же закончилось заседание 19 августа? По версии следствия – ничем, призывы и требования премьера не получили завершения и оформления. И вновь неправда. В деле лежат документы и показания свидетелей, подтверждающие факт принятия решения и доведения его до исполнителей на местах. Правда, раз факт противоречит написанному в прокуратуре обвинению, то он вроде бы и есть, но для прокуратуры его как бы и нет. А ведь речь идет о том, что хотя Кабинет формально не собирался больше и его решения не оформлялись, но Премьер-министр СССР свое решение принял: продиктовал по телефону заведующему Секретариатом В. Бацанову телеграмму министерствам и ведомствам и приказал довести ее немедленно до министров, а им собственно до предприятий для исполнения. Вот она: «В.С. Павлов поручает Вам связаться с руководителями подведомственных Вам предприятий и информировать их о том, что Правительство, как исполнительная власть, и другие союзные органы управления продолжают работать и выполнять возложенные на них функции.

ГКЧП в СССР намерен, как известно, обратиться за подтверждением полномочий к ВС СССР, который соберется 26.VIII с. г. и будет решать возникающие вопросы. Наша главная задача – обеспечивать нормальный ход производственного процесса и выполнения имеющихся заданий» (т. 57, л. д. 185).

В деле есть не только телеграмма, передававшаяся из Кабинета Министров СССР, но и экземпляры, изъятые в министерствах и на предприятиях, то есть полученные и принятые ими. Так что не только знали о существовании этого решения в прокуратуре, но и проверяли его подлинность и факт

поступления даже по предприятиям. Но эта «деталька» не потребовалась – не та была задача, не тот заказ у следствия…

После окончания заседания Кабинета Министров СССР я прошел к себе в кабинет вместе с В. Щербаковым, где мы примерно час обсуждали сложившуюся ситуацию. К тому времени у меня уже были не подозрения, а твердая уверенность, что нас расчетливо предали, и притом заранее. Главное в тот момент было постараться найти пути сберечь структуры и кадры, преданные единству страны, ее федеративному устройству и национальным интересам. Не случайно первый удар М. Горбачева был направлен именно против меня, как Премьер-министра СССР. Его указ от 22 августа 1991 года об освобождении меня от должности незаконен как по юридической процедуре, поскольку Верховный Совет дал свое согласие на такое действо лишь 25 августа 1991 года, – так и «в связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела за участие в антиконституционном заговоре». В действительности же не было вплоть до 28 августа против меня лично такого дела, а Прокуратура СССР вообще его никогда так и не возбуждала.

Тем самым М. Горбачев своим указом дал прямую директиву прокуратуре, какое дело и против кого возбуждать. Факт, прямо скажем, беспрецедентный для так называемых строителей правового общества и гуманистов, приверженных общечеловеческим ценностям. Вот потому-то следствие, понимая всю абсурдность обвинения в измене Родине в отношении всех нас вместе и каждого в отдельности, так и не могло отойти от заданной линии вплоть до отставки М. Горбачева с поста президента и развала СССР при его участии и благословении.

Позже Горбачев критиковал Ельцина, Кравчука, Шушкевича за Беловежскую Пущу, пытался возложить на ГКЧП ответственность за развал страны. 13 августа 1992 года на допросе он вещал: «Срыв его подписания (Договора, о сути которого смотри ранее) в результате заговора прямо обусловил те процессы дезинтеграции, которые в конечном счете привели к распаду Союза ССР. Это одно из самых тяжелых последствий августовских событий. Я высказываю свое субъективное мнение, оно изложено в «Заявлении Президента СССР и высших руководителей союзных республик», подписанном наряду со мной руководителями десяти республик» (т. 130, л. д. 146).

И вновь ложь. Притом настолько грубая, легко изобличаемая, что закрадывается невольное подозрение… Ну не считает нужным человек, считающий себя недосягаемым для других людей интеллектуалом, заглядывать в документы, прежде чем на них ссылаться. Но ведь были помощники. Целый Фонд сидел, да и

«демократические» собратья были недалече. Ведь так называемый допрос не только шел в помещении Фонда, но и печатался там. Следовательно, было время спросить, проверить, прежде чем подписывать, даже если в тот же день.

Ведь в Заявлении, на которое ссылается Горбачев, дословно написано следующее: «Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны». Вот ведь незадача – оказывается, констатировали, что «процесс пошел», именно тот, которому мешали, который сдерживали члены ГКЧП и их единомышленники. И если потом М. Горбачев «прозрел», что это были «процессы дезинтеграции», так кто же тогда, как не он, их создатель и вдохновитель.

А что касается срыва подписания Договора, то далее в Заявлении говорится: «В этих условиях (когда, наконец, создан «исторический шанс». – В.П.) законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений… согласились с необходимостью: 1) подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе» (т. 130, л. д. 148).

* * *

Вот так Горбачев писал тогда. Кто же тогда, кроме Горбачева, виновен в том, что он не захотел (или ему не позволили) опереться на те руки, которые могли не допустить «распада структур власти». Чего же удивляться, что желающих сберечь такого политика, даже как свадебного генерала ССГ и СНГ, не нашлось.

Единожды предавший, кто же тебе поверит…

В.И. Варенников. ГКЧП – факты и уроки
(Из книги В.И. Варенникова «Дело ГКЧП»)

После августа 1991-го

…Реакция в стране на арест ГКЧП была однозначно отрицательная. И народ больше всего сожалел, что ГКЧП не довел дело до конца. В первые же дни нашего пребывания в «Матросской тишине» у стен этой тюрьмы митинговало много народа. Особенно активно себя проявила «Трудовая Москва» под руководством В. Анпилова и единомышленники В. Жириновского. Они митинговали несколько дней, требуя нашего освобождения. Что касается «Трудовой Москвы», то она своими «атаками» старалась досаждать властям. Это продолжалось до глубокой осени.

Но власти особенно не волновались. Коль окна не бьют, ничего не поджигают и тем более не стреляют – ну, и пусть себе кричат. На то и демократия. А режим между тем делал свое дело…

Шло предварительное следствие. Шли допросы. Менялись обвинения, и опять шли допросы. А число обвиняемых становилось все меньше и меньше. В самом начале, приблизительно через месяц после ареста, по состоянию здоровья освободили В. И. Болдина и В. Ф. Грушко. Нас осталось двенадцать человек. Затем земляки Стародубцева крестьяне-туляки добились, что весной 1992 года Василию Александровичу изменили меру пресечения – его выпустили на волю и он стал работать. Отличный председатель колхоза, и колхоз у него выдающийся. Надо работать, давать стране хлеб, а не сидеть в застенках (да еще было бы за что). Но наши ряды продолжали таять. Вслед за ним выпал из процесса Геннадий Иванович Янаев по причине болезни его адвоката.

Нас осталось десять.

Дмитрий Тимофеевич Язов попытался пробить брешь в сознании властей и подал ходатайство об изменении меры пресечения, т. е. освобождение из-под стражи на подписку о невыезде. Вопрос рассматривался по месту нахождения тюрьмы – в Дзержинском районе. Судья, молодая женщина, выслушала пожилого маршала, а также адвоката, задала несколько ничего не значащих вопросов и затем «удалилась в совещательную комнату». Одна – сама с собой – посовещалась и, появившись в зале заседания, объявила: «Оснований для изменения меры пресечения нет!». Ранее принятое решение о пребывании в следственном изоляторе (тюрьме) осталось в силе.

Суд выглядел глупо, а вердикт звучал нагло. Судья, конечно, была орудием в руках определенных сил.

* * *

Для того чтобы читатель лучше представил, чем мы жили, о чем думали и что предпринимали в период проведения предварительного следствия в тюрьме «Матросская тишина», я скажу еще о трех документах, которые были тогда посланы.

Первый – это личное письмо к Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову, написанное в мае 1992 года.

Второй – это обращение к Председателю Верховного Совета РФ в июне 1992 года.

Третий – обращение к народным депутатам Верховного Совета РФ.

Во всех этих документах проводится одна и та же линия – настоятельная просьба о создании парламентской комиссии.

Ни на одно из этих писем ответа я не получил. Привожу здесь текст второго письма Председателю Верховного Совета РФ.

«ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС РФ

Скоро год, как члены ГКЧП и привлеченные им лица находятся в следственном изоляторе «Матросская тишина».

Первоначально им было предъявлено обвинение – измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Но через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ оно было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. предъявлено новое обвинение – заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Если допустить, что это формально. А что в действительности?

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента официально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД – у Пуго, партийной – у Шенина, Совета обороны – у Бакланова. Но все они и другие арестованы, не оказывая никакого противодействия или сопротивления (рассчитывая, что во всем быстро разберутся).

Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не ликвидирован и никто не арестован.

Расследование давно закончено. Следственная группа

Генеральной прокуратуры РФ заявляет, что заговор был. Но это утверждение имеет только одну цель – сохранить «честь мундира». Чем можно оправдать такое длительное содержание людей в тюрьме? Только наличием преступления.

Но фактически заговора не было и преступления нет. Были определенные нарушения, которые не могут быть квалифицированы преступными.

Однако самое главное – если выходить в суд, не имея по этому делу политических оценок на основании выводов специальной комиссии Верховного Совета РФ, – будет провал. Такая комиссия должна была работать одновременно со следственной группой Генеральной прокуратуры РФ, решая свои вопросы и заодно контролируя работу этой группы (она допустила ряд грубых нарушений).

Случай не рядовой. Задержана вся верховная власть страны (задействован и Горбачев). Поэтому и отношение к этому случаю должно было быть особо внимательным.

Но сейчас оценки видны уже всему обществу – к катастрофе страну подвел Горбачев, а эти узники хотели хотя бы что-то сделать, чтобы этого не случилось. Это принципиально.

Мы предлагаем в возможно короткие сроки рассмотреть этот вопрос на Верховном Совете РФ и создать парламентскую комиссию по расследованию вопроса или закрыть дело, арестованных освободить из-под стражи. Тем самым молодая демократия подтвердит, что она действительно намерена создавать правовое государство.

В. Варенников.

18.06.92 г.»

Подобные обращения и письма мы посылали в различные инстанции на протяжении всего пребывания в «Матросской тишине», начиная уже с сентября 1991 года и до конца 1992 года включительно.

Однако никто во власти не был заинтересован в объективном разбирательстве дела ГКЧП. Разве что отдельные депутаты. Но их голос ничего не значил в общем реве необычной «демократии».

* * *

В тюрьме мне попались сообщения о трагической гибели маршала Сергея Федоровича Ахромеева и министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго.

Не верилось, что маршал Ахромеев покончил жизнь

самоубийством. Если даже предположить, что самоубийство все-таки было, я полностью его отвергаю, не верю, что он мог именно повеситься. Хотя в деле и имеются оставленные Сергеем Федоровичем записки, в которых он рассказывает, как готовил шнуры, как они оборвались после первой попытки и какие он принял меры, чтобы шнуры не оборвались при второй самоказни.

В принципе факт самоубийства нельзя рассматривать однозначно (как это принято) как проявление малодушия и трусости. Да, в определенных случаях человек решает уйти из жизни в пьяном состоянии, в состоянии аффекта, в страхе и неудержимой трусости перед возможным возмездием или привлечением к ответственности. Все это бывает. Но бывает и другое: когда кристально чистый человек кончает с собой в знак протеста, когда он жертвует своей жизнью, не имея возможности протестовать иначе против режима и диких порядков, когда страна и ее народ страдают годами, а впереди не видно никакой перспективы (как у нас в начале 90-х годов). В этом случае не малодушие, а огромная сила протеста может заставить человека расстаться с жизнью.

Можно было бы этот второй случай отнести к Сергею Федоровичу Ахромееву. Но если знать его недостаточно. Мне же довелось провести вместе с ним многие годы. Нет, не мог он уйти просто так, бросив всех и все. Ахромеев должен был бороться. И он уже включился в эту борьбу, досрочно вернувшись с юга из отпуска. Он сам вменил себе в обязанность сбор и анализ информации по стране и занимался полезным делом.

Так как же погиб С. Ф. Ахромеев? Не исключаю мощного зомбирования, которое довело до полной утраты осознания своих действий, не исключаю и присутствия при этом постороннего лица…

В похожем состоянии, на мой взгляд, была и семья Пуго. Когда к ним пришли, его жена после смертельных в нее выстрелов из пистолета, умирала. А Борис Карлович был уже бездыханный. Его же пистолет, из которого якобы он застрелил жену, а затем покончил с собой, лежал на прикроватной тумбочке (т. е. застрелил жену, затем себя, лежа в кровати, и… положил пистолет на тумбочку?!).

Первым у кровати Пуго почему-то оказался Григорий Алексеевич Явлинский с командой. То, что он «демократ», да еще и западник, – это всем известно, но какое отношение он имел к такого рода событиям – совершенно непонятно…

* * *

Теперь несколько слов об узниках, привлеченных к ответственности по делу о ГКЧП.

Геннадий Иванович Янаев входил в ту когорту наиболее активных общественных деятелей, которая составляла опору нашего государства (в том числе профсоюзы). Очевидно, по этим признакам, а также по определенным личным качествам Горбачев предложил его кандидатуру на пост вице-президента страны. Но Горбачев просчитался. Геннадий Иванович по своему складу не мог слепо проводить антинародную политику главы государства. Он однозначно перешел на сторону тех, кто выступил против линии Горбачева. Но его трагедия состояла в том, что, взяв на себя (по настоянию членов ГКЧП) тяжелую ношу – исполнение обязанностей президента страны, – Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной.

Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время.

О Валентине Сергеевиче Павлове. Это был эрудированный, интеллигентный, высоко профессионально подготовленный государственный деятель. Как председатель Кабинета Министров СССР из-за слишком краткого пребывания в должности проявить себя всесторонне он, конечно, не успел, но финансист он отменный. Являясь в свое время министром финансов, был высоко почитаем (видно, сказались не только личные природные данные, но и школа министра финансов СССР Гарбузова, который оставил после себя мощные кадры). Доступный, внимательный, но скрытный. Человек-загадка (может, финансисты все такие?). С твердым характером. Себя в обиду не даст.

Проявил свой характер Валентин Сергеевич и находясь в тюрьме, чем доставил много хлопот Генеральной прокуратуре.

Что же касается выполнения своих функций 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную – встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию.

* * *

О Дмитрии Тимофеевиче Язове – министре обороны СССР, маршале Советского Союза. Одно то, что он сибиряк, уже о многом говорит. Не удивительно, что, когда грянула война, он приписал себе год (в деревнях в то время паспортов не было), чтобы попасть на фронт и защищать Родину. Его немного подучили, как и всех в то военное время, и послали на Волховский фронт. Командир взвода, командир роты. Как мало осталось после войны в живых из тех, кто командовал ротами. Вообще, тот, кто был в стрелковом полку взводным, ротным или батарейным командиром и остался жив – все равно что вытянул счастливый билет. Вот и Дмитрию Тимофеевичу повезло, как немногим другим сверстникам.

Далее служба от Крайнего Запада до Крайнего Востока – таким прекрасным послужным списком может похвалиться далеко не каждый военачальник. Естественно, с таким опытом можно руководить Вооруженными Силами. А шестьдесят с небольшим лет – это для министра обороны расцвет сил.

Но нельзя отбросить и тот факт, что Д. Т. Язов приглянулся Горбачеву, когда тот служил на Дальнем Востоке. Округ – громадный: одна четверть всех Вооруженных Сил. Опыт – богатый. Знания – отменные. Поэтому, по окончании поездки Горбачева, Дмитрий Тимофеевич был назначен заместителем министра обороны. И вдруг на Красной площади приземлился на своем самолетике некий Руст – немец по национальности, провокатор по специальности, работник спецслужб Запада по принадлежности, что и стало причиной замены министра обороны. Заменили. Министром стал Д. Т. Язов. Все пошло нормально, но звание маршала новому министру Горбачев не дает, тянет. На третьем году такой тянучки на заседании Главного Военного совета страны 18 октября 1989 года, кроме других вопросов, был поставлен и вопрос о маршальском звании министру обороны. Горбачев пообещал, но тянул до следующего года. Почему тянул? Да чтобы приручить к себе министра, сделать его покорным и послушным.

Крупных учений, по указанию Горбачева, в Вооруженных Силах мы уже не проводили, чтобы не раздражать американцев (единственным исключением были маневры в оперативных границах Одесского военного округа и Черноморского флота летом 1990 года). Войска наших Вооруженных Сил спешно выводились из стран Восточной Европы, как и из Монголии, в неподготовленные районы. Сокращение обычных вооружений и Вооруженных Сил, как и стратегических ядерных сил,

проводилось по рецептам Запада. Группировки наших войск в европейской части до Урала были определены фактически США и т. д. Все это делалось (или не делалось) по личному указанию Горбачева.

Конечно, Д. Т. Язов тяжело все это переживал, но ничего поделать не мог. Нужны были мощные совместные (с другими силовыми министерствами) усилия. Доклад Дмитрия Тимофеевича 17 июня на закрытом заседании Верховного Совета СССР, как и доклады Павлова, Крючкова и Пуго, был демонстрацией неудовлетворенности политикой Горбачева. Отсутствие реакции со стороны президента СССР вынудило его в общении с другими руководителями искать выход. И выход был найден, хоть и не был радикальным. Жаль, что не хватило напора, чтобы довести дело до конца. Жаль и то, что Дмитрий Тимофеевич не провел личной беседы с каждым членом коллегии Министерства обороны и не убедил в необходимости действовать сплоченно и во имя народа. В коллегии началась возня. А некоторые ее члены даже отдавали распоряжения вопреки интересам ГКЧП (и, следовательно, министра обороны). Например, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев по просьбе из Белого дома отдал распоряжение в Главные штабы ВВС и ПВО, чтобы они пропустили и приняли самолет на военном аэродроме Бельбек (Крым), на котором летел Руцкой с командой «спасать» Горбачева. Этот самолет вылетел несколько позже самолета министра обороны, который уже ждал аудиенции у Горбачева, но так и не дождался. Это была не ошибка М. А. Моисеева.

В. А. Крючков не позаботился о своей безопасности, и Д. Т. Язов тоже не сделал этого. Можно представить наивность этих двух крупнейших начальников. Они считали, что, летая в Советском Союзе в любое время и в любое место, они в полной безопасности – никто не позарится на их личность: все-таки союзные министры! Да еще и какие! Но оказалось, лететь к врагу надо «вооруженным», а в затеянной круговерти не упускать инициативу, наоборот, наращивать усилия и привлечь для обеспечения безопасности страны необходимые силы – вот тогда и появится возможность для свободы действий. Ведь действия же были во благо нашего народа!

Когда случилось несчастье и всех из-за их поразительной беспечности арестовали, то что-то предпринимать было уже поздно. Очень жаль, что получилось все так нелепо и прискорбно. Но больнее всего осознавать все это, когда видишь нынешнюю реальную жизнь.

* * *

Об Олеге Семеновиче Шенине можно писать много, хотя мне удалось с ним познакомиться только в 1990 году. Являясь членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, Олег Семенович все же не имел достаточного времени, чтобы пустить глубокие корни в центральном аппарате. Однако, на мой взгляд, он уже знал, кто есть кто, и четко представлял, с кем и о чем можно было говорить, чтобы не подставить себя и других. Во всяком случае, военным он верил и даже в некоторые поездки брал наших представителей (например, в Прибалтику с ним ездил генерал Юрий Иванович Науман – из Политуправления Сухопутных войск, один из сильнейших офицеров).

Конечно, Шенин это не Медведев и не Ивашко, которые, не выпуская из поля зрения Генерального секретаря ЦК КПСС, действовали по принципу: «Что угодно?» Олег Семенович имел свое мнение и твердо его отстаивал, проявился его характер и во время августовских событий 1991 года. Без каких-либо колебаний он стал на сторону тех, кто был не согласен с политикой Горбачева. Жаль только, что рабочий класс и коммунисты Москвы допустили сборище у Белого дома и не разогнали эту пьянь. Для этого даже милицию не надо было привлекать, не говоря уже о войсках Московского военного округа.

Олег Семенович и на предварительном следствии, и в суде сделал категорические заявления по событиям августа 1991 года. Он принципиально не признал себя виновным. Убедительно показал, что дело сфабриковано и направлено против тех, кто хотел предотвратить развал нашего государства. О Горбачеве он сказал однозначно, четко и ясно: «Президент СССР преступно относился к выполнению возложенных на него обязанностей, нарушил клятву по защите Конституции СССР, данную съезду народных депутатов СССР». Действительно, это было именно так. Но когда об этом говорит член Политбюро ЦК, работающий вместе с Горбачевым, то это звучит еще более убедительно…

Олег Дмитриевич Бакланов известен мне с начала 80-х годов как сильный министр в общей системе министерств, входивших в военно-промышленный комплекс. За личные достижения в производстве удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Он имел непосредственное отношение к созданию и поддержанию на должном уровне советского ядерного щита, в том числе обеспечивал суперсовременный уровень нашего пребывания в космосе. Высокие знания и отменные организаторские способности плюс доступность позволили ему в короткие сроки встать в ряд лучших министров страны.

Неспроста его взял Горбачев вначале секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам, а затем сделал первым заместителем председателя Совета обороны (Горбачев считался председателем, но он не мог на постоянной основе заниматься этим органом, поэтому была введена такая должность). Но, на мой взгляд, Горбачев умышленно увел Бакланова с этого министерства, так как последний пользовался там непререкаемым авторитетом и действовал самостоятельно, не поклонялся и не угодничал. А это для генсека-президента опасно.

Олег Дмитриевич помогал мне (как Главкому Сухопутных войск) «пробивать» – вначале через Н. И. Рыжкова, а затем через В. С. Павлова – вопросы, связанные с созданием совместных (с венграми, чехами, немцами) предприятий на базе той недвижимости, которая оставлялась нами в Восточной Европе. С помощью этих предприятий и тех, что мы намерены были создать у нас в стране, предполагалось решать все проблемы с жилищным строительством для офицеров. Жаль, что все это в августе 1991 года рухнуло.

В 1991 году О.Д. Бакланов без колебаний встал в ряд истинных патриотов страны и выступил против политики Горбачева. И когда грянули августовские события, именно он всегда занимал самую активную позицию, подталкивая других членов ГКЧП к действиям. Именно Олег Дмитриевич вел основную беседу с Горбачевым в Форосе. Именно он всегда занимал в течение 19, 20 и 21 августа 1991 года четкую и ясную позицию.

Когда же мы оказались в тюрьме, то на допросах он, как и многие другие, однозначно заявлял о своей невиновности и говорил, что преступление совершили те, кто разваливал Советский Союз. Олег Дмитриевич вместе с В.А. Стародубцевым был моим сторонником, когда встал вопрос об амнистии и я предложил отказаться от нее и требовать, чтобы нас судили.

* * *

О Герое Социалистического Труда Василии Александровиче Стародубцеве. Писать о нем – значит пересказывать все то, что давно известно нашему народу и далеко за рубежом. Это действительно личность. В. А. Стародубцев – воплощение нашего настоящего крестьянства. Он целиком и полностью отдал себе идее – сделать жизнь крестьянства, нашего Отечества действительно счастливой.

Василий Александрович доказывал преимущества крупного

сельскохозяйственного производства не только теоретически, но и практикой колхоза имени Ленина, где он долгое время был председателем. Иностранцы специально приезжали в нашу страну, чтобы посмотреть этот колхоз, и не верили своим глазам, что вот так прекрасно, благоустроенно и всесторонне обеспеченно могут жить в Советском Союзе колхозники.

С Василием Александровичем мы познакомились в 1989 году на Первом съезде народных депутатов СССР, хотя о нем я слышал давно и видел в нем настоящего лидера крестьян нашей державы. Его яркие речи вдохновляли и мобилизовывали народ. Но самое главное, что в корне отличает его от многих других политиков-популистов, так это то, что его позиция зиждется на живых примерах жизни, на его собственной деятельности, и это не фантазия. А если уж он сказал, что будет что-то сделано, то в этом ни у кого не было сомнений.

Вот почему организаторы выступления против политики Горбачева включили его в состав своей группы, даже не переговорив с ним. Знали, что он разделяет линию, изложенную в документах комитета (в принципе любой нормальный человек, кому дорого наше Отечество, поддержал бы эти документы). Авторитет В. А. Стародубцева для создателей ГКЧП был очень важен.

Крестьяне-туляки, узнав, что В. А. Стародубцев был арестован и помещен в «Матросскую тишину», митинговали у стен тюрьмы до тех пор, пока его не освободили. Власть увидела, что она беспомощна и ничего с колхозниками не поделает. В мае 1992 года Василий Александрович оказался на свободе.

Во время пребывания в тюрьме, несмотря на мощное давление властей, ни один орган, куда Василий Александрович был избран, не освободил его от занимаемого поста. Наоборот, от этих организаций в различные инстанции направлялись ходатайства об освобождении. Он оставался председателем Агропромышленного объединения «Новомосковское», председателем Всероссийского совета колхозов, председателем Союза аграрников России, а затем – председателем Крестьянского союза СССР, членом-корреспондентом Российской Академии сельскохозяйственных наук и председателем колхоза. Показателен тот факт, что за ним не только сохранились все те посты, что ему доверил народ, но позднее земляки избрали Василия Александровича губернатором Тульской области.

В тюрьме и на суде В.А. Стародубцев держался достойно, как и подобает истинному патриоту нашей Родины.

* * *

Об Александре Ивановиче Тизякове. Он с Урала. Это такой же ас, как и В. А. Стародубцев, только в области промышленности, точнее, в военно-промышленном комплексе. Он постарше, участник Великой Отечественной войны. Человек умный и открытый. Терпеть не мог лжи и махинаций. Но когда ему приходилось встречаться с этими проявлениями, он взрывался, и его гневная, мощная тирада могла сразить любого. Прекрасно знал промышленное производство. Естественно, что среди промышленников Александр Иванович пользовался исключительным авторитетом. Глубоко видя перспективы нашей промышленности, он многократно обращался к президенту и правительству СССР с предложениями по организации производства и по приоритетам, которые могли бы обеспечить нам первенство в мире. И это действительно было возможно. Но реальной поддержки он не получил. И сегодня понятно – почему.

Во время августовских 1991 года событий он вошел в состав ГКЧП, как и В. А. Стародубцев. Полностью согласился с программой, но постоянно требовал решительных действий. Сам вызвался на поездку в Крым к Горбачеву, когда туда летели Крючков и Язов: был намерен своей железной логикой убедить президента СССР в необходимости введения чрезвычайного положения там, где требовала обстановка, и отказаться от подписания нового Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве. Но, как известно, Горбачев, по натуре являясь трусливым и мстительным человеком, никого не принял, кроме А.И.Лукьянова.

А.И. Тизяков твердо и уверенно держался в тюрьме и на суде проявил себя истинным патриотом. Жаль, что его состояние здоровья не позволило быть до конца вместе с нами. Такие личности, как он, – верная опора государства в развитии промышленности.

* * *

О двух генералах КГБ, которые не были членами ГКЧП, но тоже, как и мы, были привлечены к ответственности. Это бывший начальник 9-го Главного управления КГБ Юрий Сергеевич Плеханов и заместитель начальника Главного управления Вячеслав Владимирович Генералов.

Оба глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти. Их действия – это

действия патриотов своего Отечества. В своих показаниях они представили следствию все именно так, как было на самом деле. И правильно поступил Владимир Александрович Крючков, когда ходатайствовал об их освобождении из-под стражи, так как они ни в чем не виновны и в своих действиях руководствовались его приказом как председателя КГБ.

«Куда смотрел КГБ?»

Отдельно следует сказать о Владимире Александровиче Крючкове. Он имел высшее юридическое и дипломатическое образование. Располагал богатым опытом работы и в трудовых коллективах (начинал с рабочего), и в юридических органах (прокуратуре), и особенно в аппарате ЦК КПСС. Но служба сложилась так, что к 1991 году Владимир Александрович располагал уже почти 25-летним стажем работы в КГБ. За этот период он дослужился до председателя КГБ. Дорогу в эту область государственной деятельности ему открыл Ю.В. Андропов, с которым он в свое время близко работал, в том числе в период венгерских событий 1956 года.

Владимир Александрович был очень деятельный человек. Располагал отличной подготовкой и практикой, а также блестящим аналитическим умом. В обычных – спокойных – условиях жизни государства он успешно осуществлял и в Первом Главном управлении, а затем и в Комитете государственной безопасности все возложенные на него функции. В условиях же грядущего развала государства, конечно, нужен был «железный Феликс» Дзержинский или В.Е. Семичастный. Пожалуй, даже Ю. В. Андропова было бы мало (об этом свидетельствует факт его доклада на Политбюро ЦК в 1977 году о наличии в стране агентов влияния Запада и отсутствие мер по их ликвидации).

Дипломат наивысшего уровня из В. А. Крючкова был бы классный. Но на посту председателя КГБ он просто подставил себя под жернова истории: с одной стороны, он был обязан Горбачеву за пост председателя КГБ, да и субординация обязывала выполнять требования главы государства, а с другой – положение председателя КГБ обязывало его служить народу, выполнять требования Конституции по обеспечению безопасности государства, а не быть в услужении у «царя».

Зная о связях Яковлева (Александра Николаевича) со спецслужбами Запада и располагая неопровержимыми данными о его измене Родине, Владимир Александрович после доклада об этом Горбачеву (а последний наложил вето на проблему с Яковлевым) не предпринял никаких мер, не ослушался своего начальника. А как же интересы государства? А вот так, как мы их видим сегодня. Конечно, не все зависело от Владимира Александровича, но обеспечение госбезопасности – это, в первую очередь, обязанность председателя КГБ.

Сейчас уже всем ясно, что руководство КГБ, и в первую очередь его председатель, в 1991 году должно было видеть и

знать, что Горбачев нас предал. Поэтому идти на какие-то полумеры (уговоры Горбачева и т. п.) было бесполезно. Наоборот, это всегда усугубляет обстановку. Но для решительного шага было необходимо мужество. К сожалению, его как раз и недоставало. Во взаимоотношениях доминировала инерция. А чтобы стабилизировать обстановку в стране, требовалось как минимум снятие Горбачева со всех постов. Законно! То есть на Верховном Совете СССР и на Пленуме ЦК. В обоих случаях докладчиком должен был выступить Председатель КГБ, который обязан был перечислить известные нам преступления Горбачева, и уже этого было бы достаточно не только для снятия его с занимаемых постов, но и для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые могут сказать, что автор этих строк крепок задним умом. Но ведь автору стало известно (как и всем остальным), что Горбачев предатель, только в результате проведенных следственных действий. А ведь все эти данные до этого уже были в руках КГБ.

* * *

Находясь в тюрьме и потом, выйдя на волю, я размышлял о роли в августовских событиях В. А. Крючкова и часто вспоминал его выступление на XXVIII съезде КПСС. Почему с первых своих слов Владимир Александрович защищал уже фактически опорочившую себя перестройку?

«…Перестройка, – сказал он, – явилась неизбежным и единственно возможным выходом из тупиковой ситуации, в которой наша страна оказалась к середине 80-х годов… Несмотря на огромные трудности, которые мы сегодня переживаем, перестройка войдет в историю, как начало очищения и самоочищения, как революция в революции. И какие бы сложности и испытания ни возникали на избранном нами пути, они не должны умалять значение перестроечных процессов».

Так ли все это? Во-первых, никакой тупиковой ситуации у нас в стране не было. Да, темпы роста валового продукта снизились. Но кризиса в стране не было. Это потом уже навесили на этот период ярлык «застоя». Во-вторых, когда перестройка уже опорочила себя по всем параметрам, говорить о том, что она войдет в нашу историю как «начало очищения и самоочищения» – значит закрыть глаза на все тревожные явления и открыто, слепо поддерживать Горбачева. В-третьих, призывать к тому, что, какие бы еще сложности на нашем пути ни возникали, мы не должны

сомневаться в перестройке и умалять все ее процессы, – значило бросить вызов народу.

Понятно, что любой министр, а тем более силовые и председатель КГБ должны поддерживать президента. Но ведь есть еще и Конституция, государство, народ, которому все присягали, в том числе и президент, и председатель КГБ.

То, что Крючков с первых слов решительно поддержал Горбачева и его уже прогнившую перестройку, еще и еще раз подтверждает наличие в нашем обществе слепого поклонения вождю, идолу, лидеру, который мог, восседая на троне, независимо от своих возможностей и способностей, глаголить только истину.

Но что интересно, говоря об историческом (надо понимать – положительном) значении перестройки, Владимир Александрович тут же говорит и о ее пороках: о росте сепаратизма, межнациональных столкновениях, о гибели людей («убивают только за то, что они другой национальности»), о сотнях тысяч беженцев и т. д. Но всего этого в так называемом «застойном» периоде не было. Поэтому зал слушал и деликатно молчал. А вот когда В.А. Крючков сказал, что в «истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного и тот, кто пытается все изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами» – когда это было сказано, делегаты наградили Владимира Александровича аплодисментами.

«Разве приемлемы для советского человека после 70 лет Советской власти перспективы массовой безработицы? – спрашивал В. А. Крючков. – Разве для нас приемлемы те масштабы преступности, наркомании, которые поразили самые цивилизованные страны капитала? Разве приемлемо для нас появление десятков и десятков миллионов человек, лишенных возможности иметь медицинское обслуживание, получать образование? А ведь в капиталистическом мире все это есть.

Мы идем к рынку, но не к рынку по Адаму Смиту – стихийному и безбрежному, а к рынку регулируемому, потому что на пороге XXI века было бы губительной ошибкой бросать страну в объятия рыночной стихии».

Верно все говорил Владимир Александрович. Одну только существенную «деталь» не подчеркнул: на рынок надо было смотреть как не на будущее, а уже состоявшееся. И именно по формуле Адама Смита и даже хуже (только начальная стадия). Ведь война законов, невыполнение законов центра – это уже произвол и беспредел не только на индивидуальном или

групповом уровне, а на уровне области, края и даже республики. А В. А. Крючков своими речами вроде делал профилактику, повышал бдительность, а самое главное – вдохновлял поход в рынок. То есть защищал то, что сотворили авторы этого хаоса…

Надо отдать должное, тогда он четко обрисовывал ситуацию: «В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появляется целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе – роскошь, на другом – трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет?»

Смотрите, какие вопросы ставит председатель ведомства, которое содержится народом для того, чтобы оно обеспечивало государственную безопасность! Ведь уже и школьнику видно, что идет реставрация капитализма. За счет чего уже образовались «десятки и десятки тысяч миллионеров»? И если это так, то что делает КГБ? Где этот орган? Почему допустил развитие в стране антиконституционных структур?

А Владимир Александрович философски рассуждал: «Тот уровень размежевания, который сложился на сегодня, поставил перед каждым участником политического процесса главный вопрос: какое общество мы хотим построить? Ведь сама жизнь показывает, к чему все это ведет».

И опять у меня возникал вопрос: неужели комитету Крючкова это не было видно? А если было видно и все реально оценивалось, то где меры, обеспечивающие нашу безопасность?

Сложно все это выглядит.

А дальше?

Явно рассчитывая на эффект, В. А. Крючков далее сказал: «Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрит куда надо», – чем вызвал смех в зале и аплодисменты.

Но вот через год после этого разговора на съезде не стало Советского Союза. У России не осталось ни союзников, ни друзей, кроме Белоруссии. Уже и сама Россия еле дышит – разграблена и угнетена утратой своей экономической да и политической независимости. Уже нет великой державы, а есть третьестепенное государство с крайне нестабильной обстановкой.

* * *

Так, спрашивается, куда все-таки смотрел КГБ? Не скажет этого сегодня никто. Да и не надо – «поезд ушел»! Все пошло прахом. Проспали. Государственная безопасность не была

обеспечена. Почему? А все потому же – слепое преклонение перед постом руководителя государства и отсутствие, так сказать, механизма отстранения его от власти, если требует обстановка, и отсутствие контроля за ним со стороны народа, парламента.

Некоторые политики (типа Яковлева) всячески старались ограничить деятельность КГБ, называли его даже монстром и т. п. Это в какой-то степени, к сожалению, влияло на руководство КГБ, и оно тоже старалось «перестроиться», стать более демократичным, гласным. А на мой взгляд, органам КГБ в этот период нельзя было играть в эти игры. Комитет у нас был прекрасный, и ничего не надо было перестраивать. Следовало лишь обострить чувство бдительности и повысить требовательность к нарушителям закона и безопасности. Вот это было бы отлично.

А Владимир Александрович хвалился на съезде:

«Упразднено управление комитета, занимающееся борьбой с идеологическими диверсиями. При участии органов КГБ отменена норма закона об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

Спрашивается, кому это было нужно, нашему народу? Нет! Это нужно было врагам Советского Союза – внутренним и внешним. Как можно упразднять указанное управление и убирать из законов ответственность за антисоветскую пропаганду в условиях, когда спецслужбы Запада пошли уже открыто походом против Советской власти и социализма? Ведь образованные в ряде республик так называемые «Народные фронты» не только финансировались и материально обеспечивались Западом (оргтехникой, печатной техникой, теле– и видеокамерами, кинопередвижками, радио и т. д.), но даже имели своих посланцев в этих «фронтах». Особенно преуспевало ЦРУ Соединенных Штатов: у главы Литвы Ландсбергиса в штате(!) правительства было несколько американцев на должности советников. И никто этого не скрывал, «советники-разведчики» открыто вели антисоветскую пропаганду, организовывали различные провокации и диверсии.

А что предпринимал в ответ наш КГБ? Пребывая весной 1990 года в Вильнюсе с группой военных, я был крайне возмущен действиями «Саюдиса», лично Ландсбергиса и американских советников при нем. Об этом было доложено руководству в Москву. Какие же последовали меры? Никакие! Полное молчание в ответ.

Так куда же все-таки смотрел КГБ?..

* * *

И в заключение своего выступления на съезде В. А. Крючков очень правильно сказал:

«Опыт пяти лет перестройки показывает, что социализм, демократия нуждаются в защите. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используя оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматривали как свою важную задачу.

Комитет государственной безопасности, защищая интересы государства, общества, нуждается в морально-политической поддержке народа. Чекисты находятся на остром участке борьбы и, видимо вы заметили, подвергаются откровенным попыткам шельмования и дискредитации, как, впрочем, и наши Вооруженные Силы… Уж больно кому-то мы мешаем?»

Верно, КГБ мешал. В первую очередь горбачевым, яковлевым и ЦРУ. А вот то, что социализм надо было защитить, В.А.Крючков отметил очень точно. Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Никаких действий на этот счет со стороны КГБ мы не видели ни в Прибалтике, ни на Кавказе. Это факт…

Интересно, что В. А. Крючкову, как члену Политбюро, делегаты адресовали ряд вопросов. Например, о возможной деполитизации органов КГБ.

Владимир Александрович пояснил: «Органы государственной безопасности по своему предназначению призваны действовать в политической сфере. Они защищают главное, что есть в политике, – государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй, политическую власть Советского государства. Выхолостить из их деятельности политическую суть – значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов и ориентиров… Тезис о деполитизации органов КГБ на нынешнем этапе отражает политику одних и заблуждение других».

Все верно и точно. Но опять меня мучила горечь сомнений. Конечно, по истечении многих лет легко критиковать любого за ошибки и просчеты. Сталин и Петр Великий тоже критикуются. И все-таки в связи с этим ответом В.А. Крючкова невозможно не спросить: так если наши чекисты оставались чекистами и у них были наши, общие политические принципы и ориентиры, то почему они не защитили главное – государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй и политическую власть Советского государства?..

Когда же председателю КГБ задали вопрос о межнациональной розни и сепаратизме, Владимир Александрович сказал: «Демократизация, гласность высветили

накопившиеся десятилетиями теневые стороны в области межнациональных отношений».

Такой умный человек, как В. А. Крючков, конечно, понимал, что до перестройки дружба народов в СССР была не фикция, а реальность. Она прошла невиданные, многолетние испытания в огне тяжелейшей войны и не только выдержала это испытание, но и закалилась, что в свою очередь обеспечило высокие темпы восстановления и развития народного хозяйства страны в послевоенные годы. Гитлер рассчитывал, что с первыми ударами немецко-фашистских войск многонациональный Советский Союз развалится. Но эффект был совершенно противоположный. Именно истинная дружба всех наших народов стала одним из важнейших факторов, который сделал Советский Союз Великой Державой.

И ничего у нас десятилетиями не копилось – это все от лукавого или это просто надо было сказать в интересах Горбачева.

Отвечая на вопросы о теневой экономике и вообще о росте организованной преступности, Владимир Александрович назвал целый ряд конкретных примеров проявления этих болезней нашего государства, отметил, что теневая экономика имеет политический аспект. Но о мерах или намерениях снова ничего не сказал. Много говорил о предателе Калугине, коснулся и некоторых других, кто изменил нашей Родине, а также подчеркнул, что Запад не собирается сворачивать свои разведывательные планы против СССР. В итоге же В. А. Крючков отметил, что КГБ будет расширять гласность «в собственной работе», тем самым еще раз подчеркнул приверженность курсу перестройки.

* * *

Я не был удовлетворен выступлением В. А. Крючкова ни тогда, на съезде, ни потом, когда, находясь в тюрьме и по выходе из нее, я в сотый и тысячный раз пытался понять, почему рухнула наша могучая страна?

Может, поэтому я с повышенной требовательностью анализировал свои и чужие поступки, а особенно тех, кто мог и должен был пресечь действия предателей, но не сделал этого…

Суд над ГКЧП

Наконец, был определен состав суда, которому предстояло рассматривать наши дела. Председательствовать будет заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ генерал-лейтенант Анатолий Тимофеевич Уколов. Народными заседателями – генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Зайцев (в отставке) и генералмайор Павел Иванович Соколов (служит в Вооруженных Силах). Кстати, генерал-лейтенант Зайцев был моим сослуживцем по Заполярью – мне довелось в свое время командовать 54-й мотострелковой дивизией (штаб дивизии и ряд частей стояли в Кандалакше), а он командовал ротой, затем батальоном в 279-м мотострелковом полку нашей дивизии в Пинозере.

Председательствующий принял постановление, в котором определялось, что дело взято к производству, первое судебное заседание дела назначается на 14 апреля 1993 года. А в феврале 1993 года нам выдали обвинительное заключение в пяти томах. Таким образом, для подготовки к суду оставалось всего два с небольшим месяца. Заседания планировалось проводить в здании Военной коллегии Верховного суда РФ. Поскольку оно располагалось не так далеко от моего дома, то это облегчало мое положение, как и некоторых других, кто тоже проживал неподалеку.

На первом суде подсудимых было двенадцать (перечисляю в последовательности, которая определена уголовным делом): Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, В. И. Варенников, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов, А. И. Тизяков, В.А. Стародубцев.

Этих обвиняемых защищала сильная группа адвокатов: А.М. Хамзаев, Г. П. Падва, А. М. Гофштейн, А. П. Галоганов, Ю. П. Иванов, Н. М. Пилипенко, А. С. Абельдяев, Н.В. Печенкин, И. И. Мацкевич, П. Я. Крайний, А. К. Шмырев, Д. Д. Штейнберг, Г. М. Резник, Е. Ю. Львова, В. В. Халмаш, Ю. Б. Поздеев, Г. Г. Каджардузов, И. П. Грицюк.

Государственные обвинители были представлены от Генеральной прокуратуры РСФСР в следующем составе: Э.Г. Денисов (руководитель группы), Л. М. Сюкасев, О. Т. Анкудинов, Р. Р. Барсегян, А. Б. Данилов, В. П. Митюшов, В.Н. Пронин, В. В. Смыков, В. Е. Фадеев. Всего девять человек.

Никто из перечисленных лиц мне не был знаком.

В феврале 1993 года Верховный Суд вручал нам Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91.

Председательствующий суда определил место в здании суда, где мы можем собираться и, пользуясь материалами предварительного следствия (т. е. 150ю томами дела по ГКЧП), готовиться к очередному судебному следствию.

Это было очень удобно. Первую половину дня я мог работать с необходимыми материалами и общаться со своими товарищами, с адвокатом, а после обеда продолжать подготовку уже дома. На мой взгляд, условия для нашей работы были созданы нормальные. Теперь многое зависело от нас самих.

Однако в нашем коллективе первоначально складывалась, на мой взгляд, не совсем открытая обстановка. В аудитории, отведенной нам для работы, было установлено множество столов так, чтобы можно было свободно общаться и советоваться. Но многие почему-то работали со своими адвокатами обособленно. Переговорив с рядом товарищей, мы прямо поставили вопрос: индивидуализм может навредить и даже подорвать нашу позицию. Дело общее, поэтому общим фронтом и надо выступать, а, следовательно, принципиальные вопросы обсуждать сообща, независимо, от кого они исходят. В том числе это касалось и будущих ходатайств.

С нами согласились все. Да и не могло быть иначе. И хоть в деле ГКЧП каждый из нас имел свое место и играл разную роль, все мы были объединены одним убеждением – действия наши были правомерны.

Еще до начала заседания мы определились по поводу всех общих ходатайств и тех, что должны были быть заявлены каждым из нас. Уже на этом этапе мы полностью подготовились к тому, чтобы активно участвовать в судебном процессе. Таким образом, наша договоренность сыграла большое значение. Мы и в последующем, уже в ходе судебных заседаний, собирались в перерывах, живо обсуждали ту или иную проблему, вырабатывая единый взгляд и определяя порядок и тактику наших последующих действий. Каждый из нас испытывал удовлетворение от того, что все мы хорошо организованы и сплочены.

Это было очень важно.

* * *

Наступило 14 апреля 1993 года. Различные общественные организации к 9 часам утра организовали на Калининском проспекте (Новом Арбате) многотысячный митинг в поддержку привлеченных по делу ГКЧП к суду. Но наиболее весомое место

занимала «Трудовая Россия» во главе с В. Анпиловым. И вся эта огромная масса людей, после коротких речей, двинулась к зданию Верховного Суда РФ. Мне довелось увидеть много знакомых лиц. Все были возбуждены, торжественны и решительны. Встречный дружеский взгляд и несколько ободряющих слов – это была самая высокая духовная поддержка. Все-таки Виктор Иванович Анпилов молодец! Ему и всей «Трудовой России» мы премного благодарны не только за эту акцию, но и за солидарность в ходе всего судебного процесса, когда самоотверженные москвичи ежедневно, не считаясь ни с чем, приходили к зданию Верховного Суда и весь день, пока не заканчивалось судебное заседание, стояли в пикете и периодически скандировали различные лозунги. Это была реальная сила и реальная, эффективная поддержка.

Итак, вся многотысячная процессия двинулась к Верховному Суду. Все переулки и улочки, которые вели к зданию суда, были заполнены народом. Нас просто «внесли» в это здание, придав сил и мужества. И невозможно выразить всю теплоту к этим людям и благодарность к ним за все, ими сделанное. Поэтому-то каждый раз, когда мне и сегодня удается с ними повидаться, я обязательно искренне говорю им: «Спасибо!»

…К установленному времени мы вместе с адвокатами заняли свои места в зале заседания. Правда, перед этим случилась небольшая заминка. Руководство суда хотело, чтобы все обвиняемые сели в первом ряду, а их адвокаты – во втором и третьем. Нас это не устраивало. Мы сели так, как было удобно, т. е. каждый со своим защитником (или защитниками, как, например, у Лукьянова, Крючкова, Язова и некоторых других). А я занял место у прохода – крайнее и ближе к двери. Сердце меня все-таки беспокоило, и я на всякий случай предусмотрел и такую позицию.

В зале заседания на своих местах уже были все, кто обеспечивает работу суда, представители Генпрокуратуры, адвокат пострадавших, родственники пострадавших и, конечно, полный зал народа. Желающих попасть было очень много, но впускали по пропускам ровно столько, сколько было мест.

Зал суда – довольно просторное помещение – можно разделить условно на две части, чему способствовали и входные-выходные двери, расположенные приблизительно посередине длинных стен. Ими пользовались фактически все, кроме судей, которые входили в зал в специальные двери, расположенные ближе к судейскому столу. Этот стол был огромный и к нему были приставлены такие же массивные, с очень высокой спинкой стулья-кресла. Справа располагались ряды со столами и стульями

для обвиняемых (точнее – подсудимых) и их защитников, слева, за столами в два ряда, – государственное обвинение (т. е. группа от Генпрокуратуры), рядом с последними стоял отдельный стол для адвоката «потерпевшей» стороны. Считалось, что это родственники трех молодых москвичей, погибших на Садовом кольце в ночь с 20 на 21 августа. Перед судейским столом, который высоко возвышался над всем залом, размещался секретариат суда и другие обеспечивающие процесс работники. Посередине, как остров, стояла одинокая трибуна, которая служила для допроса свидетелей, а позади этой трибуны шли ряды уже обычных судейских лавок, стоявших вплоть до стены с окнами, выходящими на улицу. За окном – бурлящий народ и повседневная жизнь.

* * *

14 апреля 1993 года в 10 часов утра комендант суда подал команду: «Прошу встать. Суд идет!» Все поднялись. Началась новая историческая страница в жизни нашего народа – мы решили попытаться на фоне этого суда показать, что же произошло у нас в стране. Я стоял, как все, волновался и думал: будет ли правосудие или нас ждет расправа, как того требовало лживое и циничное обвинительное заключение Генпрокуратуры? Сколько продлится суд – месяцы или годы? Что явится решающим фактором и сможет повлиять на суд? То, что от нас, подсудимых, лично будет зависеть многое, это несомненно. Но народная поддержка, поддержка различных движений и партий тоже многое значили, как и правдивое освещение нашими немногочисленными газетами истинного состояния дел.

Торжественно вошли судьи. Впереди председатель, за ним – два народных заседателя. Все в черных судейских мантиях. Это было впервые, поэтому и сами судьи, и присутствовавшие в зале поначалу, на мой взгляд, испытывали некий дискомфорт. Однако вскоре все к нововведению привыкли.

С первых минут и часов работы суда мы почувствовали, что идет строгое, педантичное выполнение всех требований Уголовно-процессуального кодекса. Генерал-лейтенант А. Т. Уколов сразу взял бразды правления в свои руки и не допускал ни малейших отклонений, ни тем более каких-либо нарушений со стороны участников процесса. В то же время проявлял терпение там, где другой бы на его месте давно бы выступающего оборвал. В целом на заседании суда сразу воцарился строгий, но справедливый порядок. Это способствовало утверждению

авторитета суда, а у нас – подсудимых и защитников – зарождалась, хоть еще и весьма туманная, вера и надежда на справедливое разбирательство.

После выполнения установленных формальностей – проверки явки на суд участвующих сторон, выяснения основных данных каждого подсудимого, разъяснения им своих прав и обязанностей – начались высказывания ходатайств обвиняемой стороны, различные заявления всех сторон. Многие адвокаты умело использовали широкое присутствие на суде средств массовой информации и, блистая своей эрудицией и логикой, один за другим задавали вопросы четко, ясно и эмоционально. И если кто-то из них хотел быть похожим на прославленного русского юриста, судебного оратора конца XIX и начала XX века Федора Плевако, отстоявшего много крупных дел, так это заслуживало только всеобщего одобрения.

Первое заявление сделал защитник Янаева адвокат Хамзаев. Это был один из сильнейших адвокатов страны. Все его выступления всегда изобиловали подробными выкладками, глубоким анализом и убедительностью. Вот и на этот раз он сделал заявление об отводе всего состава суда. В его заявлении говорилось: «…Народные заседатели по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходил по делу как свидетель, следовательно, народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–20 августа неоднозначна».

Разумеется, аргумент весомый и вывод здесь напрашивался однозначный. Однако суд не удовлетворил это ходатайство. В мотивации было сказано, что судьи по закону независимы. И хоть сей аргумент не был достаточно убедительным (в стране законы нарушались сплошь и рядом), мы все-таки больше не возвращались к этому вопросу: большинство из нас были заинтересованы в скорейшем разбирательстве дела ГКЧП. Настаивание же на смене суда таило в себе нежелательную перспективу в виде затяжки разбирательства еще на три-пять месяцев (новому составу суда необходимо было бы изучить дело).

Вслед за этим последовало наше ходатайство об отводе всего состава группы государственных обвинителей. Заявление сделал Г. И. Янаев: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других

подсудимых».

Геннадий Иванович убедительно подкрепил свое ходатайство еще двумя возмутительными фактами – передачей немецкому журналу «Штерн» видеозаписей допроса Крючкова, Язова и Павлова, а также изданием книги «Кремлевский заговор», предавшей гласности версии следствия в период, когда еще не закончилось предварительное следствие. Это было грубейшим нарушением самых элементарных норм юриспруденции. Вообще, такого дикого выпада против закона и столь неслыханного нарушения презумпции невиновности не было не только в годы Советской власти, но и во времена Российской империи при царях-батюшках.

Г. И. Янаева активно поддержали другие подсудимые и защитники. Однако, как и следовало ожидать, государственные обвинители, категорически возражая против такой постановки вопроса, настаивали отвести это ходатайство. Обстановка сложилась острая: с одной стороны, явно нарушался закон и лица, представленные в качестве государственных обвинителей, должны быть отстранены от возложенных на них в суде функций; с другой – государственные обвинители утверждали, что в ходе судебного следствия они будут строго придерживаться требований закона и что сейчас и впредь генпрокурор Степанков на них не будет оказывать давления. Они косвенно давали понять, что так было и в отношении состава суда, по которому тоже был заявлен отвод, но затем подсудимые и их адвокаты согласились с решением суда об отклонении ходатайства адвоката Хамзаева.

* * *

Учитывая остроту ситуации, суд объявил перерыв, судьи удалились в комнату для совещаний, а подсудимые, адвокаты, государственные обвинители уже в неформальной обстановке продолжили тему, которая обострилась в зале суда. Особенно горячо дискутировали адвокаты Ю.П. Иванов, Д.Д. Штейнберг и Л.С. Абельдяев. Они доказывали З. Г. Денисову и другим представителям Генеральной прокуратуры, что в этих условиях государственное обвинение в суде должны представлять независимые от Генерального прокурора юристы. Есть такие? Несомненно, есть. И в многочисленных учебных заведениях, и в различных государственных структурах, и среди крепких и здоровых пенсионеров. Конечно, вслед за заменой государственных обвинителей этой новой группе тоже

понадобится дополнительное время на адаптацию, изучение уголовного дела и т. д. Но, как говорят в народе, «игра стоит свеч». Ведь независимые прокуроры способны будут оценить дело и каждого подсудимого объективно и даже закрыть это дело за отсутствием состава преступления. И это было реально.

Через некоторое время нас пригласили в зал заседания и суд объявил принятое им Определение, которым обратил внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложил рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение. Определение подписали председательствующий А. Уколов, народные заседатели Ю. Зайцев и П. Соколов.

Таким образом, суд посчитал, что отвод государственным обвинителям заявлен обоснованно. Действия Степанкова и Лисова не только вошли в противоречия многих статей Уголовно-процессуального кодекса, но грубо нарушили Конституцию РСФСР. Налицо факт того, что они лично заинтересованы в деле, и, конечно, ни о какой беспристрастности Генпрокуратуры в отношении дела ГКЧП не может идти речи. Поэтому суд вынужден был обратить внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения, допущенные Степанковым и Лисовым, и предложить рассмотреть вопрос о создании реально независимой группы прокуроров, которая могла бы представлять государственное обвинение. Мало того, в определении сделано и разумное предложение – как именно выйти из этого положения, т. е. как создать независимый от Генпрокурора орган.

Фактически все подсудимые и многие адвокаты были уверены, что этот документ возымеет действие. Право и закон восторжествуют. Однако некоторые из адвокатов сомневались в положительном исходе. Свои сомнения они обосновывали двумя причинами: Хасбулатов, как и Ельцин, не заинтересован в положительном разрешении дела ГКЧП. Кроме того, также было известно, что между Р. Хасбулатовым и В. Степанковым тесные связи.

Действительно, в итоге мы получили из Верховного Совета РФ отрицательный ответ. Наш вопрос был поставлен на пленарном заседании Верховного Совета, но не набрал необходимого количества голосов. Был предпринят хитрый ход: Р. Хасбулатов поручил первому заместителю Председателя

Верховного Совета Ю. Воронину проголосовать эту проблему в конце вечернего заседания, когда в зале, как правило, оставалось мало депутатов. Стало также известно, что В. Степанков поставил перед Р. Хасбулатовым вопрос прямо: «Или я, или они!» Естественно, была принята сторона Генерального прокурора. Но чтобы подсудимые и адвокаты не бурлили, подвели под такое голосование, когда иного решения и не могло быть. И придраться не к чему – голосовал Верховный Совет. Это была хорошо завуалированная обструкция. Ни Хасбулатов, ни тем более Степанков не желали, чтобы суд над гэкачепистами был справедливым.

Нам ничего не оставалось делать, как идти дальше с той командой, которая была представлена в первый день суда. Однако все мы понимали, что прокуроры государственного обвинения после нашей неудачной попытки «вытолкать» их из зала суда ожесточатся. Разумеется, внешне они будут делать вид, будто придерживаются объективности, но фактически станут злее. Поэтому обсудив этот вопрос на своем уровне, мы – подсудимые и адвокаты – решили максимально повысить свою бдительность на заседаниях.

* * *

Между тем социально-экономическая обстановка в стране резко ухудшилась. В Москве 1-го Мая мирная традиционная демонстрация трудящихся была избита омоновцами. Кровь, пролившаяся на центральных улицах столицы, была результатом провокации властей и милиции. Расправа над демонстрантами выглядела мерзко и позорно, тем более что избиение проходило под огромным полотнищем, на котором было написано: «С праздником, дорогие россияне!» Власти хотели, чтобы народ беспрекословно выполнял их команды. Им уже хотелось установить диктатуру без ограничений – что хочу, то и ворочу. Но трудящиеся всего мира традиционно отмечают Первомай. Почему же решили воспротивиться российская и московская власти? Это отдавало самодурством. Власть обязана обеспечить порядок при прохождении демонстрантов. А в Москве 1993 года власть сделала Первомай кровавым…

Судебный процесс по делу ГКЧП возобновился только в сентябре. Мы вновь выступали с различными заявлениями и ходатайствами. В то же время начали таять наши ряды. Вначале по болезни Александра Ивановича Тизякова производство по его делу было приостановлено. Затем по этой же причине судебное

разбирательство было приостановлено и в отношении Олега Дмитриевича Бакланова. Вслед за этим из наших рядов выбыл Геннадий Иванович Янаев – заболел его адвокат Абдулла Майербекович Хамзаев. Конечно, Янаев мог взять другого адвоката, но пока тот ознакомится с делом – уйдет много времени. А у нас и без того ситуация со временем была прескверная: процесс начался в апреле, а к оглашению обвинительного заключения приступили только в октябре.

Поэтому в целях продвижения вперед генерал-лейтенант А. Уколов пошел по пути освобождения дела от всего, что тормозило. И, на мой взгляд, все было сделано правильно. Это мнение разделял адвокат Д. Д. Штейнберг и некоторые другие товарищи. Однако по формальным признакам можно было критиковать и суд, и его председательствующего. В частности, за выделение в особое производство дела Янаева – обоснование здесь было недостаточное. Но во имя ускорения процесса мы решили все-таки не сопротивляться.

Но осенью 1993 года в стране происходят трагические события. Естественно, они не миновали и нас, наложили свой отпечаток и на наш судебный процесс. Все, что происходило в Москве, начиная с 21 сентября, подтверждало: осуществляется второй этап контрреволюции, против которой в августе 1991 года выступали мы.

Октябрьская 1993 года трагедия была тяжелее той, что произошла в августе – декабре 1991 года, а действия властей еще более позорными. Творилось непоправимое, что навечно оставляло уродливые шрамы на облике России.

Любители демагогии из числа политиков и социологов старались (да и сейчас стараются) облечь все, что произошло, в оболочку различных категорий, пускаясь в пустые размышления. Одни говорят, что мы-де имеем дело с демократическим развитием страны. Другие утверждают: это была политическая борьба за власть. С одной стороны Ельцин и его сторонники, а с другой – Хасбулатов и Руцкой, которые возглавили сопротивление съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Третьи усматривают здесь происки Запада.

Бесспорно, к тому времени Россию действительно наводнили с Запада, особенно из США, тысячи различных «специалистов». Между прочим Россия, получая тогда кредиты, полностью тратила их на содержание западных представителей. Много было различного рода и доморощенных советников типа Чубайса. Но даже западники, подсказывая пути развала страны и разворовывания наших богатств, создававшихся народом веками, а более всего особенно за последние 70 лет, а также наших

природных ресурсов, не способны были додуматься до того, что выкинул в часы жуткого страха Ельцин – страха в связи с реальной угрозой лишиться власти. Даже еще в декабре 1991 года (я повторяю этот факт) бывший директор ЦРУ США Р. Гейтс, комментируя разрушения СССР, говорил: американцы предполагали, что в Советском Союзе будет плохо. «…Но то, что творится у вас сейчас, даже для нас это кошмар». Это было сказано директором ЦРУ, которое прикладывает свою руку к разрушительным процессам во всем мире. Разумеется, с 1991 до 1993 года было достаточно времени, чтобы американские советники смогли «привыкнуть» к особенностям первого российского президента. Но и в этих условиях расстреливать из танков парламент России?!..

* * *

И до октябрьского 1993 года расстрела парламента, а фактически с первых дней пребывания у власти, действия Ельцина были антиконституционными, антигосударственными, антинародными. В доказательство этого приведу один пример, о котором говорил бывший пресс-секретарь Ельцина доктор экономических наук, журналист П. Вощанов. К тому же П. Вощанов антикоммунист, считает себя демократом. Поэтому его взгляды и оценки, по моему мнению, прозвучат более убедительно, чем если бы я представил оценки коммуниста, т. е. своего единомышленника.

Так вот, в «Современной политической истории России» (издание 2-е, 1999, стр. 730) говорится следующее:

«…Павел Вощанов в статье «Золото добывают в Кремле» («Новая еженедельная газета», № 5) пишет о приватизации «людей, близких к власти. Сегодня, – пишет он, – не только госдачи, пол-России можно пустить с молотка (естественно, не забыв и о собственном интересе) и не быть схваченным за руку. Да и кому хватать-то? Едва ли не у каждого приближенного к власти руки хоть чем-то да заняты. Ему бы свое удержать».

В публикации содержатся конкретные факты, называются фамилии людей, злоупотребляющих своим служебным положением: Е. Гайдар, А. Собчак, Ф. ШеловКолведяев, С. Станкевич, Г. Бурбулис, А. Нечаев, А. Чубайс, П. Авен. Лишь один из сюжетов этой публикации: «Сейчас уже трудно припомнить, кто спротежировал встречу: председатель российского парламента Б. Ельцин принял главу австралийского консорциума «Стар» Я. Мак Ни. Последнего очень интересовало извлечение

платины из отходов российских горнодобывающих предприятий, но, зная особенность нашей бюрократии, он искал в Ельцине влиятельного политического покровителя. Как-то незаметно разговор перешел от проблем общих к частным, к золотодобыче. Тогда-то австралийский бизнесмен и получил «монаршье» заверение: ищите партнера. Я свою поддержку обещаю».

Партнер нашелся, хотя и не сразу. Им стало Госкомимущество, возглавляемое А. Чубайсом. Оно предложило австралийцам то, на что они совершенно не рассчитывали: стать совладельцами крупнейшего в России золотоносного месторождения «Сухой Лог». По секретным данным геологоразведки, это почти половина запасов российского золота. Исключительные права на добычу на территории 105 тыс. кв. км – неплохо для фирмы, про которую (точнее, про общую структуру, в которую та входит) в австралийской печати говорилось следующее:

«С ноября 1991 года по апрель 1992 года фирма, которая терпела убытки в 1988, 1989 и 1990 годах, была исключена из списка компаний, акции которых продаются на австралийской фондовой бирже… Отчет за 1991 год вышел с опозданием, поскольку аудиторская фирма сочла необходимым провести дополнительные проверки, прежде чем его заверить. По состоянию на декабрь 1991 года объем оборотных средств компании составил всего 75 000 австралийских долларов».

Итак, неплатежеспособной австралийской фирме (банковский счет практически пуст) Госкомимущество отдает 31 % акций крупнейшего в России золотодобывающего предприятия. Причем все было сделано в страшной спешке: 24 декабря Е. Гайдар еще только поручает выяснить целесообразность создания соглашения, а 26 декабря Госкомимущество принимает решение (кстати, не забыв закрепить за собой такое же количество акций – т. е. 31 %). (Разве это не преступление? – Авт.).

А что же старатели? Теперь они обязаны заключать договора на добычу уже с российско-австралийской администрацией. А те устанавливают цену добычи в несколько раз ниже, чем раньше».

Вот один из примеров расхищения богатств России, о чем пишет П. Вощанов.

* * *

Теперь приведу перлы из Указов президента Ельцина осенью 1993 года.

21 сентября Ельцин издал «исторический» Указ № 1400,

который назывался: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Фактически это был указ об удушении демократии и в первую очередь Советов. Хотя декорацию из пышных лживых фраз по поводу развития демократии, конечно, Ельцин выстроил. При этом всю вину на провалы в демократии Ельцин возложил на Верховный Совет.

Вот некоторые положения этого позорного Указа:

«В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны». Верно, но создал эту ситуацию лично Ельцин. Далее говорится, что Верховный Совет РФ противодействует осуществлению социально-экономических реформ. Налицо, мол, обструкция политики всенародно избранного президента. А Верховный Совет узурпирует не только исполнительную, но и судебную власть. И далее:

«Конституционная реформа в РФ практически свернута…

В сложившихся условиях единственным средством… преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента РФ».

В связи с этим президент постановляет:

«1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации… руководствоваться Указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации…»

И в этом духе следовало еще 17 пунктов.

В конце Указа Ельцин обращается к народу: «Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время».

Ну а что народ? Молчит. Он молчит и тогда, когда объявляется Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина». В нем говорится:

«В связи с грубейшим нарушением президентом Российской Федерации Ельциным Б. Н. Конституции Российской Федерации – России, выразившемся в издании Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе в Российской Федерации», приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

в соответствии со статьей 121-б Конституции Российской Федерации – России полномочия президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации Р. И. Хасбулатов
Москва, Дом Советов 22 сентября 1993 года».

В следующем постановлении Верховного Совета РФ действия президента РФ Ельцина Б. Н. оцениваются как государственный переворот, и его Указ направляется в Конституционный суд РФ для оценки его конституционности.

Конституционный суд в составе Зорькина (председатель), Витрука, Рудкина, Аметистова, Ведерникова, Гаджиева, Кононова, Лучина, Морщаковой, Олейника, Селезнева, Тиунова, Эбзеева пришел к заключению, что Указ президента РФ Ельцина от 21.09.93 года № 1400 и его Обращение к гражданам России (этого же числа) не соответствуют многим статьям Конституции РФ (перечисляются) «…и служат основанием для отрешения президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 (10) или 121 (б) Конституции Российской Федерации».

То есть Ельцин не только должен был быть отлучен от власти, но еще и привлечен к уголовной ответственности.

В тот же день, т. е. 22 сентября 1993 года, Верховный Совет РФ принял Постановление об исполнении полномочий президента РФ А. В. Руцким. В свою очередь Руцкой издал указ о том, что в соответствии со статьями 121.6 и 121.11 Конституции РФ, а также Постановлением Верховного Совета РФ он приступил к исполнению полномочий президента РФ.

Однако Верховный Совет РФ хоть и занес меч над Ельциным, но голову ему еще не отрубил. Двоевластие не могло продолжаться вечно. И Ельцин выгоняет танки к Дому Советов и прямой наводкой расстреливает парламент страны из танковых пушек. И это варварство в еще не виданных, диких проявлениях наблюдала по телевидению вся планета. Ельцин – палач, круша все конституционные и международные правовые нормы, вошел в историю на крови и сидел в окровавленном троне до 2000 года, разрушая и грабя страну, уничтожая наш народ.

* * *

Для того чтобы как-то прикрыть свое злодеяние, Ельцин обращается к народу России. В этом лицемерном обращении все от начала и до конца – мерзкая ложь.

Вот одна из фраз: «Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, – преступники». Верно ли это? Верно!

Но развязал эту бойню лично Ельцин с помощью Черномырдина, Грачева и Ерина. Главные организаторы Кобец и Волконогов – оба генералы из Министерства обороны, не имеющие в своем послужном списке ничего близкого к боевым частям. Непосредственные исполнители, введенные в заблуждение своими начальниками, стреляли в парламент, в избранников народа. Это все равно что в народ. Конечно, расценить такое иначе как преступление нельзя.

Обращаясь к народу, Ельцин старается оправдаться и валит все на руководителей Верховного Совета РФ. Он говорит: «Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения».

Спрашивается, как могли свезти со всей страны и завести или пропустить в Белый дом боевиков, если и подступы к Москве были Ельциным и Черномырдиным перекрыты, а сам Белый дом был обнесен колючей проволокой надежнее, чем в «хорошем» ГУЛАГе, и блокирован войсками МВД? Наконец, как эти боевики (если их все-таки как-то впустили в Белый дом) могут «сеять смерть и разрушения»? Чем и что они могут разрушить, если они внутри Белого дома?

Для подкрепления изложенных позиций Ельцин объявляет чрезвычайное положение в Москве, подписав соответствующий Указ: «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в Москве».

В унисон президенту РФ тоже 4 октября 1993 года выступает правительство Черномырдина с Заявлением Совета Министров и руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации о политической ситуации в России.

6 октября Ельцин еще раз обратился к народу и еще раз решил внушить нашим доверчивым людям, что самосуд, который он лично со своими приближенными учинил над Верховным Советом РФ, является не чем иным, как спасением демократии. Он снова напирал на то, что якобы была угроза установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры.

Но не Советы, как орган политической власти, на мой взгляд, хотел ликвидировать Ельцин, а лишить власти тех людей, которые входят в Советы. Какая разница, будет ли этот орган называться Советом или Думой? Люди, вот что главное!

Но Ельцин подавал все так, будто именно Советы, созданные в 1905 году коммунистами в Иваново-Вознесенске, являются угрозой для демократии. Мне неизвестно, действительно ли Ельцин так думал о происхождении Советов или лгал умышленно. Однако ясность в этом вопросе у нас должна быть.

Фактически Советы (или «вече») как форма местного

самоуправления были созданы в Новгороде и Пскове почти за тысячу лет до их возрождения в Иваново-Вознесенске. И Советская власть после 1917 года только исторически воспроизвела то, что было создано народом давным-давно. Поэтому дремучая ненависть Ельцина к Советской власти выглядит просто глупо.

Ельцин заявляет: «Большинство органов Советской власти несут прямую ответственность за крайнее обострение ситуации в Москве. Система Советов проявила полное пренебрежение к безопасности государства и его граждан, сама поставила точку в своей политической судьбе». И далее говорит, что Советы обязаны самораспуститься, а России, «как воздух, нужна нормальная демократическая конституция».

Мы вскоре и получили такую «нормальную демократическую Конституцию» (соавторы Шахрай, Бурбулис, Шумейко и другие), которая всю основную власть отдала президенту страны, полностью вывела его изпод контроля и фактически не позволяла отстранить от управления государством человека, который, занимая пост президента, творил антигосударственные дела вплоть до крупных преступлений.

В итоге штурма Дома Советов руководители сопротивления были захвачены и посажены в Лефортовскую тюрьму (Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Ачалов и другие). Но не это главное. Главное в том, что те побеги истинной демократии в лице Советов, которые действительно представляли интересы народа, были раздавлены Ельциным.

Главный критерий или лицо демократии – это Конституция страны и механизм контроля народа за всеми ветвями власти, начиная с президента. У нас Конституция – во имя президента и только для него, а контроль на нулевых установках.

Расстрел российского парламента по сути стал расстрелом души народа. В стране создалась тяжелая гнетущая обстановка.

* * *

После октябрьской трагедии, приблизительно через месяц после основных событий Военная коллегия Верховного Суда продолжила свои судебные заседания.

Приступили к допросу подсудимых и свидетелей. Первым из подсудимых выступал В. А. Крючков. Как и в любом сложном деле, первому, конечно, труднее всего, а в нашем – даже опасно. Но Владимир Александрович со своими задачами справился успешно – как в личных показаниях, так и в ответах на вопросы

суда, государственных обвинителей, а также при допросе свидетелей он проявил незаурядную дипломатию и гибкость.

В своем выступлении В. А. Крючков подчеркнул, что просто нелепо обвинять людей в измене Родине, когда на самом деле все они являлись и являются патриотами и защитниками своей Отчизны, действительно беззаветно служат своему народу. А что касается событий августа 1991 года, так это была попытка защитить и спасти Отечество от развала.

Владимир Александрович категорически не признал свою вину и вину товарищей, привлеченных по делу ГКЧП. И действительно, ГКЧП и провозглашенные им программные документы были направлены на спасение, а не на развал СССР.

Дмитрий Тимофеевич Язов так же категорично отвел все предъявленные ему обвинения, убедительно доказал, что все они надуманы, раскрыл причины развала Советского Союза и назвал ряд фигур, которые сыграли главную роль в этой трагедии.

Дмитрий Тимофеевич умно, без малейшей тени злопыхательства показал предательскую роль Горбачева и в расшатывании Вооруженных Сил, и в разбазаривании наших территорий и акваторий. Он с горечью говорил: «Я стремился не допустить развала государства и армии. Этим было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, где обстановка в стране была оценена как критическая… 16–17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит – не будет и Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение».

Несомненно, это выступление, как и выступление Владимира Александровича Крючкова, произвело сильное впечатление на всех присутствующих. В их позиции не было и намеков на раскаяние или стремление обелить себя. Нет! Они оба обличали и обвиняли тех, кто довел страну до тяжелейшего всеобъемлющего кризиса и насильственно ее разрушил. В заключение своей речи Д. Т. Язов с горечью произнес: «Люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты».

Действительно, творился абсурд, какого человечество не знало – не ведало…

Показания Олега Семеновича Шенина, который выступал после Д. Т. Язова, максимально усилили и без того уже мощное воздействие на всех участников судебного процесса. Олег Семенович подчеркнул, что готов нести ответственность, но не за то, что выступил против горбачевских реформ, что настаивал

ввести чрезвычайное положение и сорвать подписание нового Союзного договора, чтобы спасти страну, а за то, что не все сделал, чтобы сохранить нашу Великую державу – Советский Союз.

О. С. Шенин четко заявил, что к выполнению обязанностей президента Горбачев относился преступно, что он нарушил клятву о защите Советской Конституции. Это и привело к развалу страны. Горбачев знал о подготовке Ельцина к действиям по окончательному развалу Советского Союза и ликвидации Советской власти, знал, что тот не подпишет Союзный договор в Ново-Огареве. При этом Шенин сообщил, что Горбачев лично говорил ему (Шенину) 29 июля 1991 года об этом. Еще более сильным был заключительный аккорд:

«То, что не смог сделать Гитлер в 1941–1945 годах, сделали Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской Пуще… Сдал и предал Союз его президент, его Верховный Главнокомандующий».

После этих слов, видимо, не только у меня, но и у всех присутствующих логично возник вопрос: какую кару должен понести предатель народа и государства?

* * *

Крючкову, Язову и Шенину довелось пройти весь «курс» судебного следствия. Они дали показания, ответили на вопросы, полностью прошли этап допроса свидетелей. И везде действовали по-боевому. Мы радовались за своих товарищей и на их опыте строили в общих чертах прогноз в отношении исхода судебного следствия и возможного вердикта. Ведь они все-таки реально относились к верхушке той пирамиды сопротивления горбачевской политике, которая выросла в руководстве за последнее время.

Мне довелось выступить четвертым – вслед за О. С. Шениным. Точнее, после того, как вся процедура с ним была закончена, в том числе допрошены свидетели по той части дела, которая касалась его лично.

Кстати, во время моего выступления на суде имел место интересный эпизод. В конце первого дня моих показаний председательствующий – генерал-лейтенант А. Уколов прервал меня вопросом: «У вас по времени еще много докладывать? Может, мы продолжим заседание да закончим его уже сегодня?» Я ответил, что у меня осталось ровно столько, сколько уже доложено, т. е. еще на один день. Это вызвало улыбки и шум в зале. Но суд подошел к этому с пониманием.

Председательствующий, сообщив, что показания будут продолжены завтра, объявил перерыв.

Однако когда я закончил свои показания, вдруг нас известили, что Государственная Дума Федерального Собрания приняла постановление об амнистии. Наш новый парламент явно демонстрировал свои права.

На следующий день на очередное судебное заседание все пришли в возбужденном состоянии. Нам также стало известно, что в свет вышло еще одно постановление Госдумы, которое идет в связке (в пакете) с постановлением об амнистии. Фактически им распускалась недавно созданная парламентская комиссия, которая должна была расследовать факты расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета РСФСР. Понятно, что это второе постановление стало разменной картой режима.

Председательствующий на суде А.Т. Уколов при абсолютной тишине в зале заседания зачитал постановление № 1 Государственной Думы от 23 февраля 1994 года и сделал небольшую паузу. Видно, для того, чтобы мы глубоко осознали, что именно произошло. Затем сказал, что теперь он будет персонально опрашивать каждого из нас с целью выяснения отношения к амнистии. Тогда мы, т. е. подсудимые и адвокаты, попросили выделить нам время для проведения внутренних консультаций. Посовещавшись, суд удовлетворил нашу просьбу. Был объявлен перерыв.

Мы собрались в своей комнате, где обычно шла подготовка к очередным заседаниям. Анатолий Иванович Лукьянов, уже являясь депутатом Государственной Думы первого созыва, подробно рассказал нам об амнистии, подчеркнув, что у Думы фактически это был первый решительный шаг. Поэтому в сложившейся ситуации, в том числе и для оказания поддержки Думе нам целесообразно согласиться с амнистией. Начались выступления. Большинство высказалось за амнистию. Отмалчивались О. Бакланов и В. Стародубцев. Я чувствовал, что они, как и я, не согласны с амнистией. Учитывая, что дело все-таки склоняется к принятию амнистии, я попросил слово.

Понимая, что амнистия – это гуманный шаг, что такие решения бывают редко и ими надо дорожить, что принятие нами амнистии имеет обратную связь, т. е. мы тем самым поддержим наш новый законодательный орган, что на фоне трагедии, которая произошла в октябре 1993 года с Верховным Советом РФ, конечно, имеет для общества исключительное значение, – понимая все это, я в то же время не мог согласиться с амнистией, так как ни в чем не виновен, как и все привлеченные к суду по делу ГКЧП. Именно поэтому нельзя соглашаться с амнистией.

Кроме того, второе постановление, которое фактически идет в обмен на амнистию, ставит крест на работе парламентской комиссии, а она должна была разоблачить убийц – тех, кто отдавал приказы и кто их исполнял, в результате чего погибли сотни ни в чем не повинных людей при штурме Дома Советов в октябре 1993 года.

Но мои товарищи продолжали напирать на меня, аргументируя это тем, что, во-первых, все мы, проходящие по делу ГКЧП, невольно становимся в оппозицию к Государственной Думе, а это на руку только врагам; вовторых, развязав руки с судебным делом, мы сможем сосредоточить свои усилия не только на разоблачении тех, кто расстрелял людей в октябре 1993 года, но и вообще на проблеме отката нашей страны от государственности, права и элементарного порядка в стране. Не скрою, второй довод прозвучал для меня неубедительно, так как наши возможности были ничтожны. В-третьих, мне напомнили мои же слова о том, что надо идти в деле ГКЧП единым фронтом, по принципу: один за всех и все за одного. А тут вдруг Варенников решил оторваться от коллектива…

* * *

Я продолжал сопротивляться и пытался убедить своих друзей, что раз мы невиновны, соглашаться с амнистией нам нельзя. Наоборот, на судебном процессе надо показать, кто есть кто и кто в насильственном разломе Советского Союза сыграл главную роль. Ведь разоблачение разрушителей могло раскрыть глаза народу, помочь ему правильно оценить политическую обстановку в стране. Тогда один из моих товарищей обвинил меня в амбициозности, в том, что будто я претендую на особое положение, хочу выделиться. Тут я, конечно, взорвался и наговорил лишнего. Однако это обвинение заставило меня задуматься. Разумеется, пункт «а» 64-й статьи Уголовного кодекса РСФСР грозил тяжелым наказанием: от 10 до 15 лет строгого режима или расстрелом с конфискацией всего имущества. То есть мало того, что сам пострадаешь (пусть будет даже «наилучший» вариант – 10 лет, но это хуже, чем расстрел), так пострадает еще и семья – отберут все, что нажито за многие десятилетия. Допустим, я не соглашусь и меня будут судить, но свидетелями, конечно, кроме других, будут выступать и все мои товарищи по делу ГКЧП. И, несмотря на амнистию, их тоже могут по ходу судебного разбирательства опять привлечь к уголовной ответственности. Ведь в стране установился беспредел и в

судебном процессе можно было ожидать любых осложнений. К тому же мы хоть и прониклись уважением к составу суда, но полных гарантий, что он будет строго придерживаться закона, не было. А что подумают обо мне жены и дети моих товарищей? Конечно, амнистия подсудимым в условиях, когда над ними уже занесен меч, – это большой соблазн.

К сожалению, я тогда не знал тонкостей юриспруденции. Оказывается, закон предусматривает положение о том, что если судебный процесс начался, а в ходе его объявлена амнистия, то суд обязан довести дело до конца и объявить приговор – обвинительный или оправдательный. Если приговор оправдательный, то освобождают всех – за отсутствием состава преступления. Если приговор обвинительный, то всех освобождают по амнистии, но подсудимые уходят на свободу с клеймом судимости.

Если бы я все это знал, то продолжал бы настаивать хотя бы на продолжении суда. Объявленная амнистия так или иначе освобождает подсудимого, хочет он этого или не хочет. Но это когда суд уже начался. А если судебное разбирательство еще не начиналось, то всех освобождают без суда. Если учесть, что суть проблемы не раскрыта (виновны – невиновны), то амнистию нельзя рассматривать как помилование.

Это стало мне известно гораздо позже, когда я уже пообщался с адвокатом Дмитрием Штейнбергом. Он все разложил мне по полочкам, но в тот момент спора в кругу товарищей многое мне было неясно. Опасаясь, что мои товарищи могут пострадать из-за моей позиции, я в итоге нашего часового спора сказал: «Хорошо, я вместе со всеми приму амнистию, но сделаю заявление, в котором свое согласие свяжу с определенными условиями». Товарищи со мной согласились.

После перерыва председательствующий суда стал всех опрашивать. Наступила и моя очередь. Я заявил: «Я не возражаю против амнистии, но я невиновен. Могу принять амнистию при условии возбуждения уголовного дела по факту развала Советского Союза». Мое устное заявление было принято. Далее опрашивали остальных. Все согласились.

В итоге 1 марта 1994 года было издано Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ, в котором говорилось, что уголовное дело в отношении всех привлеченных к ответственности по делу ГКЧП прекращено со ссылкой на Постановление Государственной Думы РФ об амнистии. При этом отменялась мера пресечения – подписка о невыезде, а также арест, наложенный на личное имущество.

* * *

Казалось бы, все обошлось без тяжелых осложнений, все должно нормализоваться, поэтому можно было бы и успокоиться. Но фактически на душе было тревожно. Я не чувствовал удовлетворения и все-таки надеялся на какие-то подвижки в отношении моего ходатайства. Но суд молчал.

И вдруг через несколько дней нам всем объявляют о том, что Генеральная прокуратура РФ внесла протест на определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 1994 года, по которому уголовное дело по ГКЧП прекращено. Президиум Верховного Суда принял этот протест. Принял не потому, что Военная коллегия Верховного Суда неправомерно прекратила судебное разбирательство и закрыла дело о ГКЧП. Никакой здесь ошибки не было – решение высшего законодательного органа – Государственной Думы – должно быть выполнено. А коль оно вошло в противоречие с Уголовным кодексом, где сказано, что суд обязан довести разбирательство до конца при всех условиях (в том числе и при объявлении амнистии), то Президиум Верховного Суда принимает мудрое решение: отменяет Определение Военной коллегии от 1 марта 1994 года, а по делу о ГКЧП возбуждает новое судебное разбирательство.

Расчет был до гениальности прост: создается новый состав суда. Его председательствующий еще до начала судебных заседаний опрашивает персонально каждого из нас, проходящего по делу ГКЧП, об отношении к амнистии, все соглашаются, принимают амнистию, и суд, не начав следственных действий, закрывает дело. Это полностью соответствует правовым нормам. И все должны быть довольны. И волки сыты, и овцы целы. Однако не все получилось столь гладко. Поэтому я обязан принести извинения тем, чей замысел я нарушил.

Председательствующий нового состава суда генерал-майор Виктор Александрович Яськин начал приглашать каждого из нас в Верховный Суд. Сообщив, в связи с чем он нас пригласил, он предлагал согласиться с решением об амнистии и написать соответствующее заявление.

Я всесторонне обсудил ситуацию со своим старшим сыном Валерием (он жил в Москве), адвокатом Дмитрием Давыдовичем Штейнбергом и пришел к выводу, что просто обязан не принять амнистию. С таким предварительным решением, естественно, написав соответствующее заявление, я вместе с Валерием отправился в Верховный Суд. В. А. Яськин тоже был не один, так что разговор строился при свидетелях. Встреча у нас была ровная, разговор проходил спокойно, но внутренне обе стороны были

напряжены.

После знакомства (мы раньше не встречались) Виктор Александрович подробно рассказал мне обо всех перипетиях нашего дела. Сообщил, что у него уже было 8 человек из 12 и все согласились с амнистией, оставив письменные заявления. Кто конкретно уже был и согласился – он не говорил. А я не спрашивал. Спокойно слушал, не задавая вопросов. Наконец наступил решающий момент.

– Вот теперь пришел и ваш черед, – сказал Яськин. – Я предлагаю и вам принять амнистию, как это сделали уже многие…

– К сожалению, я этого сделать не могу, – твердо ответил я. Яськин вопросительно посмотрел на меня.

– Дело в том, что еще на первом суде при опросе подсудимых об отношении к амнистии я устно заявил, что могу принять амнистию при одном условии – если будет возбуждено уголовное дело по факту развала Советского Союза. Однако это учтено не было. Поэтому сейчас я категорически отказываюсь от амнистии и делаю письменное заявление.

При этом я вручил ему мою домашнюю заготовку.

Прочитав мое заявление, В. А. Яськин немного задумался, но затем продолжил беседу, стараясь убедить меня принять амнистию:

– И все-таки, Валентин Иванович, я хочу обратить ваше внимание на то, что в сложившейся обстановке целесообразно амнистию принять. Ведь процесс может затянуться и на год…

Тут он сделал паузу. Я молчу, тогда он, глядя мне в глаза, продолжил:

– И на полтора… и даже на два. А результат будет одинаковый…

– Ну, что ж, два так два. Будем судиться.

– Но ведь вам придется иметь все это время адвоката, а это большие деньги!

– Я откажусь от адвоката. Мне защита не нужна.

– Но по такого вида статьям, как 64-я, Уголовно-процессуальным кодексом предусматривается обязательное присутствие адвоката.

– В таком случае пусть государство назначает адвоката и оплачивает его труд, – парировал я.

– Государство этого делать не будет. Это никакими законами не предусмотрено.

– А я тем более не намерен этого делать. У меня нет средств.

– И все-таки считаю своим долгом сказать вам, что можно было бы еще подумать и затем объявить свое решение.

Государство вам предлагает амнистию.

– Это хорошо продуманный и далеко не поспешный шаг. Решение это было принято несколько месяцев назад, а сейчас я только еще больше утвердился в правоте своих взглядов и своего решения.

– Так что – ни в какую?

– Да, я настаиваю на проведении суда. Амнистию принимать не намерен.

Уже обращаясь к сотруднику, который сидел рядом с ним (видно, тоже юрист), Виктор Александрович как бы попытался найти у него поддержку:

– Вот видите – Валентин Иванович амнистию принимать не хочет и настаивает, чтобы состоялся суд.

Коллега Яськина неопределенно поднял плечи, но в разговор не ввязался. Тогда Виктор Александрович заключил:

– Ну что ж, мы сделали все, чтобы убедить вас в целесообразности принятия амнистии. Вы категорически отказываетесь и решили идти в суд. Это ваше право. Значит, быть по сему. Но если в ближайшие дни вдруг передумаете– мы можем все поправить.

Я заверил В. А. Яськина, что поправлять ничего не придется. Мы распрощались, но теперь уже в ожидании нашей встречи на суде. Весь путь к дому я обсуждал с сыном Валерием ситуацию. Он всячески поддерживал меня и считал, что это единственно правильное решение. Дома жена, как всегда, встала на мою сторону, но без энтузиазма – ее пугали сроки, да и финансирование тоже.

Решил никому из своих товарищей об этом пока не сообщать, чтобы не бередить их души, да и самому не расстраиваться. А вот адвокату позвонил сразу. Дмитрий Давыдович воспринял это весьма положительно, сказав, что он от меня другого решения и не ожидал и готов сражаться. Это вдохновляло. И вообще я почувствовал душевное облегчение.

* * *

Собравшись с мыслями и ориентировочно прикинув возможный вариант событий, я уже на второй день засел за работу и стал конкретно готовиться к предстоящему судебному процессу. Конечно, основная подготовка, как и раньше, проходила в стенах Военной коллегии Верховного Суда РФ, так как здесь можно было воспользоваться всеми необходимыми материалами, в том числе предварительного следствия, обвинительного

заключения, показаниями В.А. Крючкова, Д.Т. Язова, О.С. Шенина, а также свидетелей, которые вызывались по их делу. Особое внимание я обратил на тексты своих собственных показаний и на ходатайства, которые я решил заявить до начала судебного разбирательства. Разумеется, центральное место занимало мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Иск о развале СССР

21 июня 1994 года в 10 часов утра начался суд – для меня уже второй. Видно, основные сотрудники Военной коллегии дело ГКЧП хорошо изучали еще в ходе основного, т. е. первого процесса. Поэтому затяжек с началом процесса не было.

Председательствовал член Военной коллегии Верховного Суда генерал-майор В. А. Яськин. В роли народных заседателей были генерал-майор В. И. Подустов и контр-адмирал Н. Н. Юрасов, оба действующие офицеры. Разумеется, на них налагалась большая ответственность за судьбу дела, но в то же время они, как и любой человек, были далеко не безразличны к своей собственной судьбе. Ведь исполнительная власть, начиная с президента РФ Ельцина, ждала, что суд раздавит Варенникова, уличит его в самом тяжком преступлении, тем самым на ГКЧП будет выжжено клеймо позора. Если же суд вынесет другое решение, то его авторов будет ждать соответствующая участь.

В роли государственного обвинителя выступал полковник А. Б. Данилов, бывший в составе группы государственных обвинителей и на первом суде. Тогда за ним были закреплены подсудимые Язов и Варенников. Какие-то категорические выводы относительно Аркадия Борисовича Данилова мы с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и адвокатами сделать тогда не могли – вел себя ровно, своими вопросами особо от других прокуроров не выделялся. Поэтому на первом суде и сейчас на втором он был загадкой. Хотя я чувствовал в нем внутреннее благородство.

В день начала судебного процесса у здания Военной коллегии Верховного Суда РФ собралось огромное количество людей во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым. Они демонстрировали солидарность и искренне поддерживали меня. Эта акция, конечно, имела огромное значение для поднятия духа. Лозунги, плакаты, многочисленные обращения ко мне волновали и радовали. Я чувствовал и видел, как много у меня искренних сторонников и верных друзей.

Большой отряд милиции старался не допустить каких-либо эксцессов. Собравшиеся люди вели себя достойно, провокаций не было. Это тоже меня радовало. Когда я подошел к демонстрантам и завел с ними разговор, началось что-то неописуемое. Люди старались пожать мне руку, подбодрить, выразить свою солидарность. Я подробно рассказал им, что будет в суде, каких позиций придерживаюсь, и, естественно, тепло поблагодарил всех за поддержку.

В зале суда я появился за полчаса до начала заседания. Все

места для гостей были уже полностью заняты. И здесь меня тоже тепло приветствовали. Удивительное дело – ведь начинается суд, а у меня праздничное настроение! Да и суд-то какой – обвинение по самой тяжелой статье в Уголовном кодексе, а у меня при взгляде на всех окружающих на душе легко и даже радостно. Конечно, я волновался и глубоко осознавал, что сейчас несу полную ответственность не только за себя лично, не только за всех двенадцать моих товарищей, привлеченных к суду по делу ГКЧП, но за принципиальную политическую оценку событий августа 1991 года и за свою личную офицерскую честь.

Вместе с амнистией власти все концы упрятали в воду. Однако неожиданно возник судебный процесс над Варенниковым, и у властей, начиная с Ельцина, не было никаких сомнений, что суд врежет Варенникову под самую завязку…

* * *

И вот этот суд начался. Все заняли свои места. Раздается уже знакомая команда коменданта: «Прошу встать. Суд идет!» Все стоя встречают высокий суд во главе с В.А. Яськиным. Заседание начинается с обычной проверки явки подсудимого, свидетеля, затем устанавливается личность подсудимого, объявляется состав суда и разъяснены права отвода. Мне также разъясняются мои права. Затем приступили к заявлениям и разрешению моих ходатайств. Не буду умалчивать – ходатайств было много. Поэтому на их разбирательство ушло несколько дней. Но из всех выделено главное – мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это был настоящий взрыв бомбы.

Привожу текст этого небольшого, но весьма знаменательного ходатайства:

«Военная коллегия Верховного Суда РФ
От Варенникова В. И.

ХОДАТАЙСТВО

17 марта 1991 года в итоге всесоюзного референдума наш народ выразил свою волю сохранить Союз Советских Социалистических Республик. И хотя все годы «перестройки» подводили нашу страну к все более тяжелому политическому и социально-экономическому кризису, люди надеялись, что их воля будет реализована.

Однако, вопреки всенародному волеизъявлению, бывший

Президент СССР Горбачев М. С. и еще несколько лиц приняли решение о подписании нового Союзного договора, который исключал из состава СССР ряд республик и фактически уже разваливал Союз. Подготовленный в Ново-Огареве проект договора на обсуждение Верховного Совета СССР не выносился и не утверждался, следовательно, он не имел юридической силы.

Считаю, что в этих и других действиях имеются признаки преступного деяния. А наступившие вслед за этим тяжелые последствия продолжают усугубляться и сейчас пагубно сказываются на жизни нашего народа.

На основании изложенного и существующего законодательства прошу Суд возбудить уголовное дело по факту развала Советского Союза и виновных лиц в этой трагедии привлечь к уголовной ответственности.

Необходимо, наконец, открыто и гласно разобрать все то, что произошло с нашей страной, назвать причины трагедии и виновных, дать факту ликвидации Великой Державы объективную правовую оценку.

Молчание дальше продолжаться не должно. Надо положить конец утаиванию правды от людей. И народ России, и народы Мира должны знать, почему развалили Советский Союз и кто это сделал.

Выяснение в судебном заседании истины и одновременное принятие парламентом страны законов, не позволяющих повторения нарушения воли, прав и свобод народа, пресечение разгула преступности и беспредела – залог стабилизации обстановки и целостности России, основа начала выхода страны из кризиса и возрождения нашего Отечества. В этом каждый нормальный человек видит сегодня спасение.

Убежден, что объективное судебное разбирательство этого самого важного и самого тяжелого вопроса для нашего народа высоко поднимет авторитет правосудия России.

В. И. Варенников.

21 июня 1994 г.».

Но еще больший резонанс имело рассмотрение моего ходатайства судом. Суд признал его правомерным и вынес на этот счет специальное Определение, в которое были включены и некоторые другие вопросы, в том числе вопрос о Р. Нишанове и о ходатайстве потерпевших Л. Комаре и А.Усове. Вот этот документ:

«Определение

21 июня 1994 года

г. Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего – Яськина В. А.,

народных заседателей – Подустова В. И., ЮрасоваН. Н.

в судебном заседании по уголовному делу в отношении Варенникова В. И.

установила:

В подготовительной части судебного разбирательства заявлены ходатайства:

– подсудимым Варенниковым В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Со ветского Союза, и в отношении Нишанова Р. Н. за нарушение установленного порядка дачи Президиумом Верховного Совета СССР согласия на лишение Варенникова В. И. депутатской неприкосновенности:

– защитником-адвокатом Штейнбергом Д. Д. о вызове в качестве свидетеля Нишанова Р. Н. и о назначении военно-технической экспертизы для решения вопроса, был ли причинен ущерб обороноспособности страны в результате действий, инкриминируемых Варенникову В. И.;

– потерпевшими Комарь Л. А. и Усовым А. А. о возмещении им морального вреда, связанного с гибелью их сыновей.

Обсудив заявленные ходатайства, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Заявление Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел подлежит направлению на основании ст. 109 УПК РСФСР в Генеральную прокуратуру в связи с тем, что, согласно ст. 256 УПК РСФСР, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, лишь тогда, когда установлены обстоятельства, указывающие на совершение этими лицами преступления.

Эти обстоятельства судом не установлены и не являются предметом исследования, поскольку в соответствии со ст. 254 УПК РСФСР разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы не подлежит удовлетворению на этой стадии судебного разбирательства, так как в деле имеется заключение соответствующих экспертов, выводы которых еще не исследованы судом.

Ходатайство потерпевших о возмещении морального вреда не подлежит рассмотрению в суде, поскольку основы гражданского

законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотревшие возмещение морального вреда, вступили в законную силу с 1 января 1992 года. События же, с которыми потерпевшие связывают причинение морального вреда, произошли 20 августа 1991 года, то есть когда правовых оснований для его возмещения еще не имелось.

Ходатайство защитника о вызове Нишанова Р. Н. в качестве свидетеля подлежит удовлетворению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 29, 109, 261 и 276 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации определила:

1. Вызвать на судебное заседание свидетеля Нишанова Р.Н.

2. Заявление подсудимого Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. И. направить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по подследственности.

3. Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы оставить без удовлетворения.

4. В удовлетворении ходатайства потерпевших Комарь Л.А. и Усова А. А. отказать.

Председательствующий по делу В. А. Яськин.

Народные заседатели В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов».

«А был ли заговор?»

Завершив все подготовительные действия, разобрав все заявления и ходатайства сторон, суд приступил к главному – к судебному следствию. Было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий спросил меня, понятно ли предъявленное обвинение. Я ответил, что существо обвинения совершенно непонятно, все надумано и ложно. Я заявил, что не считал и не считаю себя виновным. Суд никак не отреагировал, однако протокольно мое заявление было зафиксировано.

Затем был обсужден вопрос о порядке проведения допросов. Я сказал, что меня устраивает любой вариант, который будет предложен судом.

Наконец, председательствующий предоставил мне слово для дачи показаний. В книге я привожу их текст в сокращенном варианте, но сохранив суть каждого вопроса. Мое выступление заняло два дня. В речь на первом суде я внес изменения, но незначительные – глубже дал причинно-следственные связи событий августа 1991 года с тем, что происходило до этого (т. е. фактически дал обоснование августовским событиям), а также резче поставил вопросы, связанные с нарушениями закона, которые допускались органами государственной власти.

Но, прежде чем познакомить читателя с моей речью на процессе, замечу, что суд проходил на фоне весьма памятных, а иногда и странных событий. Так, в Белоруссии приняли конституцию, согласно которой в стране вводится пост президента. Глава Грузии Шеварднадзе обратился к президенту США Клинтону с просьбой содействовать направлению войск ООН в Грузию для стабилизации обстановки. Государственная Дума Федерального Собрания РФ принимает постановление «О политическом урегулировании отношений власти с органами власти Чеченской Республики». Совет Федерации Федерального Собрания крайне низко оценил доклад председателя правительства Черномырдина по вопросу выхода страны из кризиса, в том числе по разрешению кризиса платежеспособности в экономике РФ. Было отмечено, что у правительства в этой области нет никакой программы. Черномырдину даны соответствующие поручения (странно было слышать, что Черномырдин проявил полную беспомощность– как же он мог руководить правительством?).

Ельцин поручает правительству провести с Чечней необходимые консультации и в итоге подготовить проект договора с Чеченской Республикой. Но, к всеобщему удивлению,

это поручено Шахраю, который уже к этому времени многое загубил, а Дудаев объявил его «врагом чеченского народа» (как и следовало ожидать, через месяц Шахрая вообще убирают с поста министра национальностей).

Президент Ельцин представляет Совету Федерации Федерального Собрания РФ кандидатуру Ильюшенко на пост Генерального прокурора России. Но всем известны его махинации и преступные действия. Поэтому, несмотря на многократные его представления, Совет Федерации проявил твердость и не утвердил Ильюшенко (через два года его посадили).

Наконец, необходимо отметить еще один факт. По мере продвижения ельцинских «реформ» все острее становилось недовольство широких масс властью и все ярче выражалась поляризация общества. Поэтому, чтобы отвлечь народ от острых социальных проблем, связанных с постоянными невыплатами заработной платы, пенсий, пособий, стипендий, а также безработицей, огромным количеством беженцев и т. д., Ельцин призвал все партии и движения подписать Договор об общественном согласии. Фактически договор был фиговым листком и никакой стабильности в обществе не достиг. Обстановка в стране продолжала ухудшаться, и это тоже подтверждало правоту членов ГКЧП и их соратников, которые стремились не допустить развала и кризиса в стране.

Конечно, все это благотворно влияло на дух, который царил в зале заседания суда.

* * *

Итак, вот выдержки из моих показаний на суде:

«…Показания по факту событий буду строить в хронологической последовательности с 16-го по 20-е августа 1991 года, а также с учетом места действий, согласуя все это с предъявленным обвинением.

Итак:

I. 16 августа. Москва.

Том 4 л.д. 154 Обвинительного заключения. Записано: «16.8.91 года Язов к участию в заговоре привлек своего (подчеркиваю) заместителя Варенникова, посвятив его в планы: 1) срыва подписания Союзного договора и 2) введения чрезвычайного положения.

На него (т. е. Варенникова) как на Главкома СВ планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (конец цитаты).

Сразу хочу заявить, что это ложное, бездоказательное обвинение! Теперь по сути.

Во-первых, авторам Обвинительного заключения должно быть известно, что я – не заместитель Язова, а заместитель министра обороны СССР. И это принципиально.

Во-вторых, мне совершенно непонятно, в какие планы Дмитрий Тимофеевич Язов мог посвятить, если ни плана срыва подписания Союзного договора, ни плана введения чрезвычайного положения (ЧП) не существовало.

В-третьих, мне непонятно: кто, где, когда планировал и мог ли планировать возложение на меня обязанностей по непосредственному обеспечению режима ЧП? И в деле это нигде не проходит.

Действительно, 16 августа 1991 г. у нас с министром обороны состоялся разговор, в ходе которого оценивалась социально-политическая обстановка в стране. Встречи с министром обороны были частыми, в том числе и по таким вопросам. Поэтому и эта встреча не была какой-то особенной. Что касается затронутых вопросов и почему он своими взглядами поделился именно со мной, то могу отметить:

– во-первых, все оценки ничего нового для меня совершенно не давали, я только лишний раз убедился, что и Язов также озабочен состоянием дел в стране, как, впрочем, все нормальные, честные люди, для которых интересы своего народа превыше всего;

– во-вторых, избрал он меня для изложения своих мыслей потому, что знал мое крайне отрицательное отношение к возникновению любых конфликтов, которые имели место у нас в стране и которые, к сожалению, не находили своего разрешения;

– в-третьих, зная мой объем работы, большую загруженность, министр обороны заблаговременно ориентировал меня о возможном появлении новых задач, чтобы я мог предусмотреть их в своих планах. Он предупредил меня: не исключено, что в некоторых районах страны в целях стабилизации обстановки может быть применен на практике Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». И в этом случае я должен быть готов отправиться в Киев и обеспечить вместе с республиканскими и областными органами спокойствие и порядок в оперативных границах Киевского, Прикарпатского и Одесского военных округов. Тем более что у меня там были и свои служебные дела (в это же время, т. е. в августе, продолжали рассматриваться вопросы по выводу наших войск с территории стран Восточной Европы, в т. ч. в эти военные округа).

Все это тоже для меня не было чем-то необыкновенным и

неожиданным. Мы фактически уже жили в чрезвычайной обстановке, о чем официально говорил в своих документах Верховный Совет СССР в 1990 году: тяжелейшие события на Кавказе, в Приднестровье, Прибалтике и Средней Азии. Во многих событиях приходилось мне принимать личное участие и с болью наблюдать, как разваливается государственность, народное хозяйство, страдают люди.

16.8.90 г. на нашей встрече Язов, акцентируя мое внимание на тяжелой обстановке в стране, говорил о том, что надо помогать народу!

О тяжелой обстановке и возможном введении чрезвычайного положения говорил и свидетель Горбачев в обвинительном заключении. Цитирую: «… все это открыто звучало (т. е. необходимость введения ЧП)… в декабре 1990 г. на Верховном Совете, когда давали мне особые полномочия. Одни говорили дать их, другие – зачем давать, когда он их не использует. Надо ввести президентское правление в Литве, Латвии. Это же открытым текстом шло» (конец цитаты).

Поэтому обстановка в стране для меня была предельно ясной. И то, что она требовала немедленных адекватных мер по пресечению губительных для государства и народа сепаратистских тенденций – мне тоже было ясно. И я сам открыто об этом говорил.

Таким образом, и до 16.8 у меня, как и у каждого советского человека, было очень тревожно на душе за судьбу Отечества. Думаю, что мои мысли – это отражение переживаний основной части нашего народа. Я хорошо знал наш народ и особенно настроение личного состава войск, офицерского корпуса, их семей, потому что был постоянно среди людей по долгу службы и депутатским обязанностям.

Мои мысли совпадали и с теми высказываниями, которые делались подавляющим большинством руководства страны, республик и областей.

Лишь Горбачев и еще два-три человека говорили, что в стране, так сказать, идет нормальный процесс демократического развития. До какой же степени цинизма и политической безответственности нужно дойти, чтобы резкое падение уровня жизни народа называть нормальным процессом! Кстати, мое личное восприятие складывающейся обстановки обусловлено было еще и тем, что ежемесячно получал аналитическую информацию о разрушительном спаде производства и небывалом падении уровня жизни.

К сожалению, эта информация подтверждалась, а прогнозы оправдывались. Учитывая тяжелую ситуацию в Вооруженных

Силах и в военно-промышленном комплексе (имеются в виду уродливые формы конверсии), военные настояли, и 18.10.89 г. Горбачев провел Главный Военный совет. Ему доложили о критической ситуации. Он заявил, что все сказанное – правильно! Будем поправлять и, чтобы действовать оперативно, будем встречаться не менее двух раз в год. А фактически? Никаких мер и ни одной встречи! Стало еще хуже, о чем я ему, Горбачеву, как и другие, высказал 18 августа 91 года в Крыму, т. е. через два года.

На встрече же 16 августа у министра обороны Д. Т. Язова ни одного слова не было сказано в отношении Союзного договора. И хотя в газетах уже был опубликован проект этого договора, и офицеры уже с возмущением у меня спрашивали, что это значит, почему проект договора не отражает результаты референдума, я Дмитрию Тимофеевичу на встрече не задал по этому поводу ни одного вопроса, а он совершенно не комментировал этот документ. Почему? Да потому, что мы уже привыкли, извините, к выходкам Горбачева.

В Обвинительном заключении (т. 1, л. д. 2) сделана потрясающая запись: «Результаты проведенного в марте 1991 г. референдума, восстановление государственности республик, реализация права на самоопределение потребовали разработки концепции нового договора – о союзе суверенных государств с существенным изменением соотношения функций центральной и республиканских властей». Ну, не фальсификация ли это референдума?

Ведь результаты референдума говорили о другом: 1)сохранить Союз, а не разваливать его; 2) пользоваться существующим Союзным договором, а не создавать новый; 3) выполнять существующую Конституцию, и если жизнь требует, то вносить в нее изменения и параллельно готовить новую; 4) если какая-то республика хочет выйти из состава Союза, то делать это на основе принятого съездом народных депутатов закона, который предусматривает на этот процесс пять лет.

А в обвинительном заключении фактически делается попытка в угоду лицам власти изобразить политическую ситуацию в стране такой, какая их устраивает. Поэтому и объявили членов ГКЧП преступниками и незаконно посадили их под стражу.

Изложенные в Обвинительном заключении утверждения о том, что Язов 16.8. привлек к участию в заговоре Варенникова, посвятив его в планы срыва подписания Союзного договора – плод фантазии Генеральной прокуратуры, задавшейся целью не вскрыть истину, а обязательно обвинить, прибегая к любым методам. Ведь все это ничем не подтверждается. Ни в какие

планы Язов меня не посвящал, никаких планов в природе не было. А следовательно, и не мог Язов втянуть меня в какой-то заговор. Это абсурд.

Что касается возможного введения чрезвычайного положения в отдельных районах страны и некоторых отраслях народного хозяйства – да, об этом разговор шел! Но плана ввода ЧП не было, и поэтому министр обороны не мог меня в него вводить. Однако необходимо заметить, что существует Закон «О правовом режиме ЧП». Разумеется, обсуждение возможных действий, по закону, не может рассматриваться как преступление. Мало того, ведь это не было новостью. Много раз говорили и даже вводили чрезвычайное положение, когда не было и закона (например, в Баку). Никакого тут заговора! Разговор открытый, откровенный.

Отвожу также домыслы следствия о том, что на меня как на Главкома СВ якобы «планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (надо понимать, в стране в целом).

Совершенно это не планировалось. Откуда это все взялось? Совершенно непонятно!

Это опять очередная ложь, ничем даже слегка не подкрепленная.

Во-первых, в Законе «О правовом режиме по ЧП» первостепенное значение отводится правоохранительным органам, а не Вооруженным Силам; во-вторых, мне эту обязанность нигде, никогда и никто не поручал, никто не говорил, что это планируется, и даже не намекал, что я буду за это отвечать; в-третьих, нигде в деле не проходит, что планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима ЧП на Варенникова; в-четвертых, если бы это планировалось именно так, как думает (точнее, как хочет) следствие, то меня бы не послали в Киев и не оторвали бы от Москвы, где было введено чрезвычайное положение, не оторвали бы от моего основного органа управления – Главного штаба Сухопутных войск. Я же поехал в Киев, как и другие заместители МО и Главкома, – в Ленинград, Ригу, Тбилиси, Каунас, Ташкент.

В конце концов, во время этой встречи 16.8 в кабинете министра обороны было трое: Язов, Ачалов и Варенников. И о чем там говорилось, известно только этим лицам. На кого еще может ссылаться следствие и делать такие странные выводы – совершенно непонятно! Если же имеется в виду, что, мол, кто-то из этих троих уже с кем-то об этом говорил, то в деле это не отмечено.

Однако я хочу сказать, что если бы мне было поручено отвечать за режим чрезвычайного положения в стране, то я,

несомненно, с этой бы задачей полностью справился и никакой деформации в стране не допустил. Возможно, это имели в виду авторы Обвинительного заключения?!

Итак, обвинения, выдвинутые против меня по деяниям 16.8, – безосновательны, и я их отвергаю как недоказанные.

* * *

17 августа – объект АБЦ. Москва. В Обвинительном заключении записано (том 4, л.д. 154): «Варенников совместно с другими участниками заговора (перечисляются), окончательно согласовав совместные действия по захвату власти, определили дату выступления 18 августа» (конец цитаты). И далее описывается, каким путем будет осуществлен захват власти. Обращаю внимание на слово «окончательно» – вроде до этого уже было многократное согласование, в том числе в принципе, а теперь вот, 17 августа, окончательно.

Констатируется, что Варенников, как и другие, знал, что до начала разговора у Горбачева будут отключены все виды связи, а при отказе выполнить требования – президент будет изолирован.

Заявляю, что 17 августа во время встречи на объекте КГБ АБЦ в моем присутствии рассматривались только две проблемы: первая – оценка обстановки в стране и вторая – что делать?

При этом:

1) никаких разговоров об изоляции президента, усилении его охраны, отключении у него связи и тем более лишении его власти и т. д. не было. Уверен, что все участники этой встречи подтвердят это;

2) никакого согласования совместных действий по захвату власти, т. е. разработки плана таких действий, не было. И вообще в природе нет такого плана, и само дело подтверждает, что его не было;

3) никто на встрече не говорил о какой-нибудь власти вообще и тем более о ее захвате, о перераспределении властных структур. Власть была в руках у каждого из нас;

4) никто не определял и дату выступления – 18 августа.

Эту дату (18 августа) никто и никогда не упоминал как «дату выступления». Перед нами – очередной вымысел следствия. Более того, сама терминология – «дата выступления» – мне лично чужда. А придумана она следствием, вероятно, для того, чтобы придать своим бездоказательным оценкам характер чрезвычайной опасности.

Прошу обратить внимание, что в материалах уголовного дела

нельзя найти ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что на 18 августа 1991 года было запланировано так называемое «выступление».

Уже даже это как нельзя лучше характеризует уровень и «объективность» предварительного следствия. Налицо аргумент с обвинительным уклоном, и, по существу, на меня возлагают (т. е. на обвиняемого) задачу доказывать обратное.

Как известно, такие следственные приемы действующим законодательством запрещены! Разве эти запреты не распространяются на Генеральную прокуратуру РФ?

В этих условиях я вправе надеяться, что по результатам судебного разбирательства к виновным в применении незаконных методов следствия будут приняты необходимые меры.

О том, что не было никакого заговора с целью захвата власти, говорят все участники этой встречи: Язов, Крючков, Павлов, Бакланов, Шенин, Болдин, Грушко, Ачалов, Варенников.

Если говорить об отключении связи и обсуждении этого вопроса 17 августа на АБЦ, то в Обвинительном заключении (том 1, л. д. 64) записано: «Затем, будучи уличенным конкретными доказательствами на последующих допросах, он, Крючков, дал следующие показания:

«Вопрос об отключении связи в резиденции в Форосе был решен 17 августа 91 г. на встрече на объекте АБЦ. Поручение на этот счет было дано Агееву и Беде» (конец цитаты).

Во-первых, мне лично непонятно, какими такими конкретными доказательствами был уличен Крючков? Где ссылки на эти доказательства? Во-вторых, что это за понятие – «конкретные доказательства»? Разве доказательства бывают и неконкретные? В-третьих, фактически ни Беда, ни Агеев, ни Плеханов на совещании на АБЦ 17.8 не были. А говорить о том, что было решено на совещании, а затем были отданы им, этим лицам, необходимые распоряжения, – тоже нельзя, т. к. Беда еще днем 17.8 уже сформировал группу из пяти человек (плюс требовалось время на вызов Беды из отпуска). Встреча же на АБЦ проходила вечером, т. е. после создания этой группы.

Коль не было никакого разговора об изоляции, об отключении связи, то, следовательно, и Варенников не мог знать заранее ни об изоляции, ни об отключении связи. Это все домыслы Генпрокуратуры. Вместо объективной оценки фактических обстоятельств следствие упрямо придерживается опубликованной в печати своей версии (хотя такие действия – публикации версий до суда – нарушение закона).

А что же было 17.8 на АБЦ? Сделаю небольшое отступление. В обвинительном заключении (том 1, л. д. 3) записано:

«Не добившись изменений государственной политики парламентским, законным путем, стремясь сорвать подписание нового Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение, сохранить в неприкосновенности союзные структуры, группа лиц (перечисляются) встала на путь организации заговора с целью захвата власти» (конец цитаты).

Это очередной кульбит прокуратуры. Цель – прикрыть свои противозаконные действия в отношении арестованных. Фактически же надо события понимать иначе, т. е. именно так, какими они были на самом деле, а именно: не добившись парламентским путем выполнения требований референдума, проведенного в стране в марте 1991 года о сохранении Союза, и отмечая реальную угрозу развала СССР, группа основных руководителей государства, близких к президенту, решила выступить в защиту Союза, не допустить его разрушения. Совершенно не ставился вопрос о захвате власти. Власти у всех было достаточно, так же, как и реальной силы.

На АБЦ 17.8 беседу, на мой взгляд, можно условно систематизировать по пяти вопросам: 1) социальнополитическая обстановка в стране – информацию делал Крючков В. А.; 2) состояние экономики, финансов и уборка урожая – информировал Павлов В. С.; 3) проект Союзного договора – сообщение Крючкова и Павлова; 4) состояние подготовленных документов – офицеры КГБ; 5) создание группы для поездки в Крым.

То есть первые четыре вопроса носили информационный характер, а пятый – организационно-технический.

По ходу информации присутствующие на встрече реагировали репликами. Выслушивая сообщение о тяжелой обстановке в стране, кое-кто вносил предложения о необходимости немедленно звонить президенту. Но окончательно решили, что надо не звонить, а ехать группе и все ему докладывать. Одновременно договорились, что надо Горбачева просить о принятии адекватных мер, т. е. о введении в некоторых районах и отраслях народного хозяйства страны чрезвычайного положения. Если же он пожелает остаться в тени и не захочет быть участником этих непопулярных, но необходимых мер, то мог бы поручить это другому, например, вице-президенту или еще кому-либо (в марте 1991 года, когда было ЧП в Москве, он поручал это Павлову).

О чем говорилось в информационных сообщениях Крючкова и Павлова? Крючков отметил резкое ухудшение социальной и политической ситуации. Управление страной утрачено – идет «война законов»; хаос в экономике, центробежные силы разрушили все связи; жизненный уровень народа падает, а наши

меры в отношении экономики в основном ограничиваются обращениями за помощью к Западу; преступность не просто растет, но и политизируется; расширяются межнациональные конфликты, тысячи убитых и миллионы беженцев; начатая по инициативе Горбачева перестройка зашла в тупик.

Павлов в своем выступлении опирался на примеры, которые были подняты на только что проведенном заседании президиума Кабинета министров. Подчеркнул, что инфляция приобрела очень тяжелые формы. Говорил о больших трудностях с уборкой урожая, просил военных помочь.

Крючков и Павлов говорили о проекте Союзного договора. Но и без их информации было видно, что с его подписанием узаконивается выпадение из нашего Союза ряда республик (в том числе Прибалтики, на чем настаивали постоянно США). Павлов заметил, что если нет другого выхода и договор надо подписывать, хотя он совершенно не отражает результатов общесоюзного референдума, то хотя бы вместе с договором подписали бы приложения и дополнения, которые делает Кабинет министров.

Говорилось о том, что Лукьянов А.И. критически отнесся к проекту договора.

Таким образом, это был деловой разговор ответственных людей, близких к президенту, озабоченных тяжелейшей обстановкой и желавших найти выход из этого положения. Все время звучала мысль: наша святая обязанность помочь народу и максимально подключить к этому президента. И близко не было разговора о каком-то захвате власти. Наоборот, речь шла о закреплении существующей власти, законности и Конституции. Но Обвинительное заключение чуть ли не на каждой странице говорит о захвате власти, постоянно навязывает эту мысль!

Для меня поднятые на встрече вопросы никаких открытий не делали. Это была квалифицированная оценка всех главных социально-политических проблем основными государственными деятелями.

Я был удовлетворен тем, что все это будет докладываться Горбачеву. Хотя и знал, что подобное не раз ему уже докладывалось, но толку не было. Однако теплились какие-то надежды – возможно, он прозреет! Сейчас, когда он сбросил с себя маску, это звучит наивно, а тогда это было вполне нормальное, точнее – добросовестное заблуждение по причине незнания, кто есть на самом деле Горбачев.

В то же время Обвинительное заключение – том 1, л.д. 92, 93, 112 – дает перечень ложных утверждений следствия.

Первое. Что якобы группа, направляемая в Крым, должна

была предъявить ультиматум Горбачеву – либо введение ЧП, либо уход в отставку. Хотя этот вопрос никем на встрече не поднимался, и в деле этого нет.

Второе. Были оговорены якобы вопросы по изоляции, но 17.8 на встрече на эту тему никто ничего не говорил.

Третье. Якобы обсуждался состав ГКЧП, но фактически этот термин даже никем не упоминался.

Четвертое. Что якобы были оглашены документы ГКЧП. И этого не было – Егоров зачитал небольшой фрагмент из обращения к народу и все.

Пятое. Якобы Язов внес предложение обсудить взаимодействие МО, МВД и КГБ. Фактически он ничего об этом не говорил.

Шестое. Якобы обсуждался вопрос – заручиться поддержкой республик. Вопрос этот никем не поднимался, и в деле этого нет.

Седьмое. Наконец, якобы была определена дата выступления – 18.8.91 г. Но, как уже говорилось выше, эта дата вообще нигде не упоминалась.

Все это ложь! Как это ни прискорбно, но это возрождение тяжелых традиций 37-го года.

Что же касается раздела Обвинительного заключения «Анализ ситуации и подготовка документов в обоснование захвата власти» (том 1, л. д. 49), то, видимо, авторы этих документов ГКЧП не совершили нарушения Закона, поэтому никто из них не привлекается к ответственности хотя бы за недонесение! Видно, все документы ГКЧП написаны правильно и отступлений от Закона не имеют. И поручения, следовательно, были законны.

Итак, 17.8 не было и не могло быть в моих действиях каких-либо преступных деяний. Мне было предложено лететь в Крым – я согласился, хотя внутренне не мог понять, почему по таким вопросам не летят первые лица.

* * *

18 августа. Крым. Цитирую Обвинительное заключение (т. 4, л. д. 154): «Захват власти должен был быть осуществлен путем: предварительно изолировав президента Горбачева в Форосе и отключив все виды связи, потребовать от него ввести в стране ЧП или подать в отставку. В случае его отказа подчиниться… объявить Горбачева больным и возложить его обязанности на вице-президента Янаева».

Далее: «Вылететь в Крым и предъявить ультиматум Горбачеву было поручено Бакланову, Шенину, Болдину и Варенникову. Язов

поручил Варенникову после переговоров с Горбачевым вылететь в Киев и обеспечить через руководство Украины введение там ЧП… «Прибыв на объект «Заря», Варенников удостоверился, что узел связи МО СССР отключен. Затем, пройдя с помощью Плеханова к президенту, выступая от лица участников заговора, объединившихся в ГКЧП, они предложили ввести в стране ЧП. Когда Горбачев отказался сделать это, то непосредственно Варенников потребовал от него уйти в отставку. Не добившись от него выполнения предъявленных требований, Варенников и другие (перечисляются) покинули объект… Вечером того же дня перед отлетом в Киев Варенников в соответствии с указанием Язова на военном аэродроме Бельбек провел встречу с лицами (перечисляются…), которых ориентировал на действия в условиях ЧП.

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 8) еще есть запись: «В беседе он (Варенников), скрывая наличие заговора, сообщил командующим, что Горбачев серьезно болен, поэтому обязанности президента страны будет исполнять Янаев и что последует введение ЧП (конец цитаты).

Начну с последнего. Непонятен вывод о том, что Варенников в беседе с командующими скрыл от них существование заговора. Это не в правилах Варенникова – скрывать. Но главное в том, что скрывать-то было нечего – никакого заговора не было! А если бы он был, то зачем скрывать? Наоборот, логичнее больше втягивать в этот заговор, тем более иметь поддержку командующих.

Горбачев же был действительно серьезно болен, о чем он сам нам говорил. Внешне он производил удручающее впечатление и в физическом, и в морально-психологическом плане. Мне не были в то время известны подробности, вопрос деликатный. Но он болел, и я об этом сказал! Если бы я сказал, что Горбачев здоров – вот это была бы ложь! Поэтому мне непонятно, почему моя объективная оценка рассматривается как противоправное деяние?

Что касается возможной передачи временного руководства страной вице-президенту, так это было мое личное предположение, и не больше. Но мне непонятно, почему следствие выбросило из моих показаний такие слова, которые имеются в деле и меняют существо мысли? А именно: «возможно», «временно» и т. п.

Например, «…возможно, временно обязанности президента будет исполнять вице-президент (но мог и премьер-министр или Председатель Верховного Совета СССР)».

Или: «…возможно, будет рассмотрен вопрос о временном введении ЧП в отдельных районах страны».

Кроме того, в Обвинительном заключении (том 1, л.д. 180)

ложно записано: «Встретившись с президентом (перечисляются), заявили, что они и ряд других высших должностных лиц СССР не согласны с проводимой им политикой и, в частности, с концепцией Союзного договора». Однако заявлений ему таких не делалась. Но в этом нет никакого открытия. Можно только подтвердить этот тезис следствия. И в этом ничего нет преступного.

В связи с этим якобы (цитирую) «…они намерены не допустить назначенное на 20.8.91 г. его подписание… Потребовали ввести в стране чрезвычайное положение. Не сумев убедить Горбачева… предложили ему подать в отставку». Да, чрезвычайное положение предполагалось ввести. Но это совершенно не ставилось в зависимость с отставкой президента. В этом и необходимости не было. Налицо опять факт очередной фантазии авторов обвинения.

В то же время возникает вопрос: если все рассчитывали на то, что Горбачев поймет сложность обстановки и поддержит введение ЧП в некоторых районах и отраслях народного хозяйства или поручит это введение кому-то из соратников, то зачем же тогда отключили связь? На мой взгляд, это было сделано для того, чтобы создать благоприятные условия для разговора. Мне кажется, это было и в его, Горбачева, интересах, и в интересах этой делегации. Постоянные звонки, которые бы отвлекали Горбачева от очень важной беседы, нанесли бы только ущерб. Хотя такой шаг и был некорректен в отношении Горбачева. Но вопрос стоял о судьбе страны, а не о судьбе власти.

Заявляю, что если руководствоваться фактическими обстоятельствами, то мои действия не содержат признаков противоправных деяний. А обвинение следствия в этой части я рассматриваю как безуспешную попытку оговорить меня в угоду авантюристов-политиков.

Ложное же утверждение о том, что я настаивал на отставке, потребовалось самому Горбачеву для создания ореола мученика. Не исключено, что мысль о том, что во время беседы ему это вот-вот предложат, возможно, угнетала его. Ведь он проводил антинародную политику. Естественно, что кто-то должен положить конец этому. Плюс надо учесть, что Горбачев по своей натуре человек очень трусливый.

Варенников вел себя активно в беседе с президентом, как он – Горбачев – сам об этом говорил: «Варенников что-то кричал…»

Во-первых, я действительно проявил активность, особенно когда Горбачев сказал, что после подписания Союзного договора он подпишет ряд указов президента по экономическим вопросам. Понимая, к чему ведет подписание договора и зная цену этим

указам, а также – какая на них будет реакция, я считал своим долгом высказаться.

Во-вторых, Горбачев отмечал активность Варенникова (я действительно говорил с напором), но он умалчивает умышленно, в чем же она, активность, заключалась, что именно Варенников конкретно говорил?

Фактически же Горбачеву я сказал, что последнее время мне по долгу службы приходится очень много разъезжать по стране. У меня было много встреч, особенно с офицерским составом. Везде и всегда я стараюсь представить нашего президента в лучшем свете. Особо показывал его заслуги в развитии демократии у нас в стране и его вклад в дело сближения Запада и Востока. Но всегда и везде мне задают такие вопросы, на которые фактически невозможно ответить.

Вот о чем спрашивают офицеры (говорил я Горбачеву):

1. Почему проект Союзного договора не отражает результатов всенародного референдума и требований съезда народных депутатов СССР по сохранению Союза?

2. Почему сепаратистским, националистическим и экстремистским силам всех мастей дозволено действовать так, как они считают нужным, и никто им не ставит никаких преград?

3. Почему продолжается обнищание народа?

4. Почему военнослужащие, и в первую очередь офицеры и их семьи, ущемлены во всем, особенно в связи с выводом наших войск из Восточной Европы и Монголии, а также в связи с конфликтными ситуациями на Кавказе, в Прибалтике и других горячих точках?

5. Почему непомерно растет преступность, а эффективных мер по ее пресечению не предпринимается?

6. Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент в свое время присягал на ней перед народом, клялся, что она будет безусловно выполняться?

7. Почему у нас в стране никакие Указы Президента СССР никем не выполняются?

Перечислив в резкой форме эти и другие вопросы, я одновременно обратил внимание Горбачева на то, что офицеры меня спрашивают: «Вы, товарищ генерал, можете назвать у нас в стране хоть одно направление, где уже наметилось улучшение или хотя бы стабилизация обстановки?» И я не могу ничего конкретного ответить. Приходится лавировать.

Все это вызвало у Горбачева раздражение. Он сказал, что это нам, военным, кажется, что можно все так просто сделать – «ать-два»! Я ему говорю, что не только искренне докладываю настроение офицеров, но и крайне обеспокоен этим настроением.

Надо принимать меры. Однако он ответил, что все это он уже слышал и обстановку знает хорошо. Добавил еще несколько фраз и дал понять, что встреча закончена.

Мы попрощались. Он подал всем руку, сказав: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение». Спрашивается, какое? То есть опять: ни да, ни нет. Одновременно добавил, обращаясь ко всем: «Очевидно, после такого разговора мы не сможем вообще работать вместе», на что я тут же ответил: «В таком случае я подаю рапорт об уходе в отставку».

Странно, но Горбачев никак на это не отреагировал. Хотя мог бы на месте как Верховный Главнокомандующий принять мою отставку. Мало того, он мог всех задержать – ведь позже он сказал, что все мы преступники. Однако ничего этого сделано не было.

В Обвинительном заключении (том 1. л.д. 40) говорится (цитируется Горбачев): «20 августа… реально договор будет подписан и подписан шестью республиками – это событие огромнейшее». И дальше говорит: «Война властей, законов, распад правового и экономического пространства – это угроза просто колоссальная».

Ну как тут не согласиться с Горбачевым? Из пятнадцати республик договор подпишут только шесть – конечно, это событие колоссальное, плюс война законов – это, конечно, уже развал, а не угроза. Это трагедия, и он сам это признает и открыто говорит.

Но еще более странным является то, что он лично ничего не предпринял во время нашего визита. Он мог вместе с группой вылететь в Москву, ведь такая обстановка! Тем более что к нему приехали, предлагали полететь вместе в столицу, разобраться, принять меры.

Что же он делает? Самоизолируется! В этот трагический, казалось бы, вечер после «платного» ужина (заказал водку, вино) он идет смотреть эротический фильм (естественно, в «суровых условиях изоляции»). Уже только это характеризует уровень морали Горбачева.

В Обвинительном заключении (том 1, л.д. 7) нас упрекают в том, что Плеханов обеспечил Варенникову и другим беспрепятственный доступ в резиденцию Президента СССР. Уместно информировать уважаемый Суд, что я тремя месяцами раньше, т. е в мае 1991 г., беспрепятственно, непротокольно встретился с канцлером Колем в Бонне. Без охраны, по моему настоянию. Коль радушно отнесся к этой встрече, ведь я – советский генерал! Он живо поинтересовался, как проходит визит, дал некоторые советы, поручил Главкому Сухопутных войск бундесвера генералу Ондарца, который при этом

присутствовал, решить все проблемы. Коль даже проинформировал меня, что летит в Баварию «развязывать» политический узел с партией ХДС.

Была толковая беседа с лидером чужой страны. Но почему я, Главком Сухопутных войск Вооруженных Сил Советского Союза, народный депутат СССР, не могу свободно встретиться непротокольно с лидером нашей страны, с нашим Верховным Главнокомандующим? И, наконец, встреча ведь не на рядовую тему, а на чрезвычайную! Просто странно и дико! У нас это даже возводится в ранг преступления: «Плеханов обеспечил доступ».

Что касается моей встречи в Крыму с командующими на аэродроме Бельбек, то она была проведена по поручению министра обороны с целью ориентировать их о возможном введении в действие Закона «О правовом режиме ЧП» и в связи с этим – о возможном повышении степени боевой готовности. Ничего предосудительного в этом нет и тем более нет ни малейших признаков каких-либо противоправных деяний. Наоборот, эти действия обеспечили порядок и организованность в границах трех военных округов на территории всей Украины.

Несколько слов об узле связи министерства обороны на объекте «Заря» (на черноморской даче Горбачева).

Даже сейчас мне неизвестно, существовал ли на объекте «Заря» узел связи МО. Но в то время, когда мы длительно (около 40 минут) находились в гостевом доме дачи президента, ко мне действительно кто-то привел офицера в общевойсковой форме (то ли майора, то ли подполковника), который сказал, что он связист, и спросил, как ему быть. Я подумал, что у президента, кроме правительственной связи «ВЧ», есть еще и военная «ЗАС». Это практиковалось. Сказал офицеру, что здесь есть лица, которые этими вопросами занимаются (очевидно, у него возник вопрос в связи с отключением связи) и он должен действовать по их указанию. Но для порядка предупредил, чтобы у них было все нормально, чтобы не допустили происшествий. Такие предупреждения я делаю всегда.

Уже позже, знакомясь с делом, я понял, что, очевидно, разговаривал тогда с одним из офицеров, обеспечивающих корреспондентскую связь через переносные средства (специальные чемоданы), имеющие отношение к стратегическому ядерному оружию.

Но если говорить вообще о системе управления стратегическими ядерными силами, то я в роли Главнокомандующего Сухопутными войсками к этому вопросу по службе не имею отношения, ни от кого никаких указаний на этот счет не получал и сам не имел намерений что-то изменить в этой

структуре. Да и необходимости такой не было.

Таким образом, ни на одно из перечисленных в Обвинительном заключении по 18 августа обвинений нет ни одного обоснованного доказательства. Все это вымысел Генеральной прокуратуры.

Иногда раздаются голоса, что, мол, зачем было лететь в Крым? Ведь Горбачев собирался 20.8 прибыть в Москву – вот тогда можно было бы с ним и поговорить. Дело в том, что он последнее время всячески избегал личных разговоров на сложные темы. Он старался, чтобы разговоры были публичные, надеясь на то, что никто в присутствии посторонних на обострение не пойдет.

По каждому из положений, особенно по вопросам «принуждения президента к отставке», «изоляции президента» и другим, есть показания в материалах предварительного следствия, которые полностью опровергают обвинение и еще раз доказывают, что это фантазия. При необходимости я могу привести содержание всех показаний. Что касается связи, то она в его кабинете дачи была отключена. И только. Но были другие объекты. Все виды связи работали в административном доме дачи (это в одной-двух минутах ходьбы от главного дома), автомобили оборудованы закрытой космической связью.

Одновременно обязан высказать свое мнение по поводу следующего утверждения Обвинительного заключения (том 1, л. д. 201) – цитирую: «Заведомая ложь о болезни Горбачева была необходима для придания видимости конституционности передачи президентской власти вице-президенту Янаеву, и это понимали участники заговора».

Лично я считаю, что не надо смотреть на это явление поверхностно. Здесь все значительно глубже.

На мой взгляд, члены ГКЧП, во-первых, считали, что у Горбачева благоразумие все-таки возьмет верх и он воспользуется такой версией, таким именно вариантом выхода из сложившейся обстановки (вариант сохранения своего имиджа), т. е. скажет: «Да, я болен» – и будет наблюдать из Крыма за действиями ГКЧП. Если эти действия начали бы приносить положительные результаты, то он бы мог сказать: «Это я им поручил» и т. д. Если же у ГКЧП ничего не получилось, то можно было бы их отстранить от занимаемых должностей и сказать: «Я им говорил…» Но Горбачев этой возможностью не воспользовался.

Во-вторых, считали, что в этой ситуации не столь важно, по каким мотивам временно будут переданы функции президента вице-президенту, важнее – не допустить подписания Договора, а с ним и разрушения Союза. Одновременно с введением ЧП там, где

это нужно, – стабилизировать обстановку. Надо было спасать страну! Это была крайняя необходимость…

* * *

IV. 19, 19, 20 августа, Киев. Обвиняюсь в том, что в период нахождения в Киеве потребовал от руководства Украины:

1) поддержки действий ГКЧП и 2) введения чрезвычайного положения в ряде областей Западной Украины.

Кроме того, дал пять шифротелеграмм в адрес ГКЧП и отдал распоряжение командующему ЧФ об усилении охраны и подготовке к «обороне аэродрома Бельбек». Особо акцентирую внимание Суда на том, что якобы я из Киева давал указания командующему Черноморским флотом на различного рода действия.

Учитывая, что я на Украине пребывал в качестве должностного лица, определенного штатным расписанием, что официально отмечено в постановлении следствия от 11.10.91 г. (см. том 104, л.д. 121), где сказано: «Бывший Главком Сухопутных войск СССР Варенников, находясь в Киеве в качестве представителя Министерства обороны СССР…» и т. д., а также имея в виду, что власть Главкома Сухопутных войск, даже если он народный депутат СССР, распространяется только на Сухопутные войска ВС, то можно было бы больше никаких доводов не приводить. Уже из этого видно: не мог я, придерживаясь своих рамок (а я их придерживался), совершить преступных деяний ни по отношению к республиканскому руководству Украины, ни по отношению к командованию Черноморского флота! Никакие мои требования и распоряжения по отношению к этим субъектам не имели юридической силы.

Но невозможно обойти вниманием устремления прокуратуры оболгать обвиняемого. В связи с этим заявляю, что показания Язова, Кравчука, Гуренко, Чечеватова и других свидетелей говорят о том, что Варенников выступал от своего имени. Никто из них также не подтверждает, что Варенников предъявлял требования поддержать ГКЧП или ввести чрезвычайное положение.

Да, Варенников говорил, что Западная Украина и особенно Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области находятся под давлением националистического сепаратистского РУХа и что в этих районах уже нет Советской власти. Поэтому во избежание беспорядков можно было бы рассмотреть введение ЧП в этих районах. При этом сказано, это было после вопроса – а как

я думаю. Я сказал, как думаю. Во время разговора на эту тему позвонил Кравчуку Крючков, они договорились вообще на Украине ЧП не вводить. И вопрос отпал. Дальше шел разговор только по вопросам обеспечения на территории республики спокойствия и порядка. Я внес ряд предложений – все они были приняты, в том числе Кравчуком, и выполнены (в частности, выступления руководства республики по телевидению, создание единой оперативной группы для сбора данных в границах Украины и т. д.).

Говоря о предъявлении так называемых требований к руководству республики, уместно привести выдержку из одной телеграммы, которую я давал из Киева в Москву. Том 104, л. д. 127. В телеграмме я указываю, что Кравчук просит: прислать документы ГКЧП, определить, где ввести чрезвычайное положение. А далее записано (цитирую): «Желательно предварительно посоветоваться с Кравчуком и другими руководителями Украины по этим вопросам. (Такие пожелания они высказали.)». Конец цитаты. Это еще раз доказывает, что не было никакого давления в отношении руководства Украины. Наоборот, все согласовывалось.

А в подтверждение того, что на западе Украины (а сейчас уже и не только на западе республики) ликвидирована Советская власть, говорит хотя бы статья в «Комсомольской правде» от 26 января 1993 года «Переписывая заново».

Цитирую: «Дошло до того, что из их обихода (т. е. украинцев) преднамеренно исключается само понятие Великая Отечественная война. Встал вопрос о том, чтобы уравнять в правах ветеранов войны и бандеровцев. Они, мол, тоже воевали… Политическая реабилитация Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Украине уже завершилась. Стоит только включить телевизор – обязательно услышишь откровения бывшего бандеровца о его борьбе с партизанами. Газеты пестрят воспоминаниями об их доблестных победах над москалями». Конец цитаты.

Хочу добавить, что в 1993 году на Украине было широко отмечено 50-летие так называемой Украинской повстанческой армии, в составе которой была дивизия СС «Галичина». Очевидно, комментарии здесь излишни.

Но то, что я в оценке обстановки на западе Украины в августе 1991 года не ошибся, это факт.

Не было с моей стороны и распоряжений Черноморскому флоту об усилении охраны и подготовке к обороне аэродрома Бельбек, как это утверждает Обвинительное заключение. Не было таких распоряжений и 18.8, когда я находился непосредственно

на этом аэродроме, о чем говорит Хронопуло (том 50, л.д. 5) – цитирую: «Мне никакой конкретной задачи Варенников не ставил».

Не было таких распоряжений и из Киева 18, 19 и 20 августа. Вообще у меня из Киева ни с кем по поводу Черноморского флота или аэродрома Бельбек ни по телефону, ни лично разговора не было. И в деле нигде это не проходит. Но обвинительное заключение ложно дает понять, что я именно из Киева давал распоряжения ЧФ. Цель– показать так называемую отведенную мне роль в этом мнимом заговоре и что якобы было заранее все спланировано.

Не было никаких распоряжений и из Москвы 20 августа. В 21.00 я звонил Хронопуло и сказал, что 19.8, когда был на аэродроме, то не видел вообще никакой охраны. Это очень странно. Придет любая группа и свободно захватит этот объект (хорошим примером были действия крымских татар, захватывавших в то время много пахотных земель). Я предостерегал Хронопуло от неприятностей. А 19 августа он (командующий флотом) сам был обязан это сделать в условиях повышенной боевой готовности.

О том, что охрана аэродрома была плохая, свидетельствуют хотя бы такие показания. Командир разведывательного батальона подполковник Грошев говорил (том 49, л.д. 100) – цитирую: «… прибыли на аэродром Бельбек в 14.30. Вышел сторож, пожилой гражданский человек, молча открыл ворота, колонна въехала». Ну, разве это служба? Да еще в условиях повышенной боевой готовности.

А вот что говорил Хронопуло о нашем с ним разговоре 20 августа (том 50, л.д. 7). «Вечером 20 августа после 21.00 мне позвонил на службу Варенников и сказал, чтобы с утра 21.8 усилить охрану аэродрома Бельбек морскими пехотинцами для предотвращения возможного нападения «группы захвата», но что за группа, он мне не сообщил… С утра 21.8 мне позвонил начальник Генерального штаба и сказал, что к нам вылетает министр обороны Язов» (конец цитаты).

Прошу обратить внимание Суда: 1) никаких требований Варенников не предъявлял и предъявить не мог; 2) ни о какой обороне речи не было (как сказано в обвинении), а речь шла только об охране; 3) ни о каких конкретных силах для этой охраны тоже не говорилось; 4) тем более не было разговора об уничтожении самолетов в случае их несанкционированной посадки, о чем записано в Обвинительном заключении (том 4, л.д. 157).

А события развивались совершенно иначе:

1. Начальник штаба флота Гуринов показал (том 50, л.д. 11) – цитирую: «Во второй половине дня 19.8 (обращаю внимание – 19.8) комфлота Хронопуло предложил для охраны аэродрома Бельбек роту морских пехотинцев. Перед этим мне звонили: из штаба корпуса ПВО из Киева и просили оказать помощь в охране аэродрома Бельбек (поясню – объявлена с утра 19.8 повышенная боевая готовность, отсюда и просьба; она законна – это предусмотрено планами).

Далее Гуринов продолжает: «Я об этом сообщил Хронопуло. Вопрос рассматривался 20.8. Я отдал команду начальнику береговых войск Романенко – выделить роту для охраны аэродрома. Рота убыла вечером».

Таким образом, еще до нашего разговора с командующим Черноморским флотом уже все было решено и 19, и 20 августа.

1. Командир бригады морской пехоты Кочетков (том 50, л.д. 119) говорит: «Командующий флотом удивился об использовании на аэродроме разведывательного батальона, считая, что роты Онуприенко было достаточно» (т. е. той роты, которая прибыла на аэродром еще днем 20.8.).

2. Постановление Лисова – заместителя Генерального прокурора от 23.12.91 г. (том 51, л. д. 248 и 250), цитирую:

«21.8 с места постоянной дислокации на аэродром Бельбек убыли две сводные роты морской пехоты. После их прибытия на аэродром выяснилось, что зам. командира бригады по вооружению направил эти роты на аэродром ошибочно» (конец цитаты). То есть ни о каком разведбате и противотанковом дивизионе с полным вооружением и речи нигде не было…

Далее цитирую. «Постановил: уголовное дело в отношении Хронопуло, Романенко, Кочеткова и Нецветаева прекратить. Лисов». Конец постановления.

Ну, а в отношении Варенникова в части этого вопроса? А в отношении его дело продолжать, т. к. он якобы «отдал указание об усилении охраны и обороны аэродрома Бельбек (как записано в этом же постановлении) с целью предотвращения возможной посадки самолета с группой захвата». Хотя об этом никто и нигде не говорит. Но если бы об этом и говорилось, то ничего преступного в этом нет. Военные должны уметь оборонять свои объекты, как и страну в целом!

Какие, на мой взгляд, можно сделать разъяснения Генеральной прокуратуре и какие выводы напрашиваются по этому разделу?

Во-первых, никакой флот, в том числе Черноморский, Главкому Сухопутных войск не подчинен. И какие бы распоряжения и указания этот Главком флоту ни отдавал, они не

имеют никакой юридической силы. Кроме того, в Уставе внутренней службы, в статье 12 четко и ясно записано, что генерал армии, как и другие генералы и адмиралы, «а также полковники и капитаны 1-го ранга являются начальниками для всех младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов, состоящих на действительной военной службе», и только! В данном случае были даны лишь рекомендации с благими побуждениями, и именно адмиралу, который ни по каким каналам мне не подчинен.

Во-вторых, Черноморский флот (как и все флоты и военные округа), еще до моего с Хронопуло разговора, обязан был по повышенной боевой готовности, объявленной в Вооруженных Силах с утра 19.8, без указаний усилить охрану всех важных военных обектов, находящихся в оперативных границах, в том числе и аэродромов.

В-третьих, в штаб флота еще с утра 19.8 обращались, как уже говорилось, штабы корпуса ПВО и 8-й армии ПВО из Киева с просьбой усилить охрану аэродрома Бельбек. И эта задача, по показаниям начальника штаба флота, была решена, т. е. далеко до моего разговора с Хронопуло.

В-четвертых, ни о каких самолетах у меня с Хронопуло вообще не было разговора, и в показаниях этого нет.

В-пятых, никакого отношения к содержанию распоряжений внутри флота, в том числе по определению сил и средств для охраны аэродрома, задач этим подразделениям я не имел. Это их служебная обязанность.

Но самое главное: налицо очередное позорное действие Генеральной прокуратуры РФ – это гнусная ложь! Как можно опуститься до такой фальсификации, раболепствуя перед своими начальниками? Ведь служители Фемиды! Слуги Закона! Борцы за истину! Фактически же – все наоборот! Я же ведь из Киева вообще с Черноморским флотом не говорил. И это известно. А как все преподнесли?!

Наконец, о моих шифротелеграммах из Киева в Москву. Да, я действительно, находясь в Киеве и наблюдая за вакханалией в районе Красной Пресни, направил телеграммы в адрес ГКЧП с настоятельной просьбой пресечь беспорядки, которые таили в себе тяжелые последствия, принять меры к авантюристам, разжигающим страсти. Подчеркиваю – к авантюристам!

Меня на допросах следователь Леканов упрекал, что я, как он выразился, активно-инициативный (том 102, л.д. 86). Я тогда ему ответил и сегодня это подтверждаю – да! Когда речь идет об интересах народа, я веду себя активно. Мне реально довелось встречаться с тяжелейшими ситуациями, каких не видел в таком

объеме, пожалуй, никто. Когда речь идет о жизни и смерти людей, когда на глазах убивают, а я это видел не только в годы Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, Анголе, Эфиопии и других районах, но и у нас в Баку, Нагорном Карабахе, Южной Осетии – для меня эти переживания были не только свежими, но и крайне тяжелыми. Я мог и должен был писать в шифровках еще более жестко, чем написано. И сожалею, что этого не сделал.

Учитывая, что вопрос с шифротелеграммами имеет прямое отношение к моему делу, я прошу суд взглянуть на меня хотя бы глазами январских 1990 года событий в Баку и трансформировать все это на августовские события 1991 года.

В связи с этим я обязан кратко описать Баку. Это имеет прямое отношение к содержанию моих шифровок из Киева.

В январе 1990 г. были приняты запоздалые, как всегда, меры к пресечению экстремизма и реакции в Баку. Сотни советских людей были зверски убиты, в основном зарезаны, тысячи или сами бежали, или их на баржах отправили в Красноводск. Это была первая волна. Вторая волна должна была смести, уничтожить всех, кто представлял Советскую власть, и установить власть так называемого Народного фронта, верхушка которого к этому времени уже не представляла интересы народа, а была захвачена уголовными элементами (типа Панахова).

В Баку объявили ЧП. Подтянули силы МВД, МГБ и армейские части. Экстремисты, играя на националистических нотах, взвинтили обстановку, оболванили людей и, как в Тбилиси, вывели их на улицы. Забастовали все предприятия, естественно, под страхом расправы. Были блокированы военные городки, в частности, Сальянские казармы, где находилась мотострелковая дивизия (центр города), а также подступы к аэродромам, на которые прибыли десантники. 16, 17 и 18 января я был в Гянже. Обеспечил там порядок. Никакой крови не было.

19.1 я прибыл в Баку и с небольшой группой офицеров (9 человек) пробился через толпу к центральному КПП Сальянских казарм, выступил перед народом, призвал людей к благоразумию, спокойствию и прекращению блокады военного городка. Обратился к лидерам и организаторам этих беспорядков – потребовал развести людей и не подвергать их опасности.

Однако экстремисты не пошли по мирному пути. С наступлением темноты они включили прожекторы, установленные на балконах окружающих военный городок зданий, создали эффект стадиона. На балконах и крышах помещений свободно расхаживали вооруженные боевики. Начались отдельные выстрелы. Среди военнослужащих появились

раненые. Выхода не было. Среди ночи провели деблокаду. Но с началом действий экстремисты открыли ураганный огонь. На моих глазах гибли люди. Это было дико! Я много видел смертей и сам с ней встречался. Но это все на войне! И жертвы были понятны. Но чтобы Наши люди убивали Наших людей, я не видел, и моему возмущению не было предела.

Я также убедился воочию, что может творить ослепленная национализмом, обезумевшая толпа. Это была дикая стихия. Кошмарная обстановка в течение трех суток в этом военном городке (я находился все это время с личным составом. Сюда же сбежались семьи тех, кого преследовали). Тяжелые переживания.

И то, что мне докладывали из Москвы в Киев в августе 1991 года о нагнетании обстановки, о том, что люди призываются к борьбе с несуществующим противником, к разгрому ГКЧП, что возводятся баррикады, народ спаивают, – это меня тоже глубоко возмущало. Я реально предполагал, что наэлектризованная публика в ажиотаже, в состоянии аффекта, доведенная в своем раздражении до предела, могла ринуться в Кремль, сметая и уничтожая все на своем пути. Отсюда – невинные жертвы.

Поэтому я и писал в шифровке, что не смерть каждого из нас лично должна страшить, и даже не позор на наши головы, который возведут экстремисты в результате своих преступных действий, а новые страдания народа и катастрофа, в которую они могут ввергнуть нашу страну. Что, к сожалению, и произошло.

Поэтому все то, что мной было написано три года назад, я сегодня подтверждаю и ни в чем не раскаиваюсь.

Излагая ситуацию в Баку, я преследую цель – Суд должен понять мое психологическое состояние в то, другое время в Киеве. И хоть написано все в резких тонах, но общая направленность моего призыва была одна – погасить все, что образовалось вокруг российского Дома Советов. И это было правильно!

Таким образом, в период моего пребывания 18, 19 и 20 августа в Киеве в моих деяниях не было ничего преступного. Мало того, все мои помыслы и действия были направлены на поддержание стабильной, спокойной обстановки.

* * *

20-е августа. Москва. Обвиняюсь в том, что, вернувшись 20.8 в Москву, принял участие в обсуждении вопроса о применении якобы военной силы для захвата здания Верховного Совета России и руководства Российской Федерации.

Кроме того, для реализации якобы этих планов дал указание

подготовить три танковых роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом.

Прежде чем давать конкретные показания по факту событий второй половины дня 20 августа в Москве (именно в это время я прилетел из Киева), обязан сообщить суду, что на совещании в Генеральном штабе, которое проводилось заместителем министра обороны В. Ачаловым, присутствовало не менее 12–15 человек (не считая Язова Д.Т., который появился на 3–5 минут и ушел). Я же попал на совещание, когда оно уже началось. Никаких указаний никому не давал, задач не ставил, требований не предъявлял, но проявлял интерес по многим вопросам (надо было «врасти» в обстановку). Однако оказался под арестом. А все остальные не только остались на свободе, но многие успешно продолжали работать.

Я привожу этот фрагмент из августовских событий 1991 года не для того, чтобы высказать свое возмущение тем, что остальные участники совещания не привлечены к уголовной ответственности. Отнюдь! Говорю об этом лишь с одной целью – подчеркнуть, что все в отношении этих людей сделано правильно: не было и нет причин привлекать их к ответственности и тем более брать под стражу, т. к. нет состава преступления.

Особо хочу подчеркнуть решение Верховного Совета Российской Федерации, который отказал Генеральному прокурору РФ в санкции на арест народного депутата России Ачалова, хотя он и действовал вместе со всеми, в т. ч. 16, 17, 18, 19 и 20 августа был в Москве. Нет преступления, и нельзя привлекать к ответственности. Правильно действовал Верховный Совет РСФСР и совершенно неправильно действовал Президиум Верховного Совета СССР.

Народные депутаты Бакланов, Стародубцев, Болдин, Шенин и Варенников арестованы Трубиным и Степанковым обманным путем. Президиум Верховного Совета Союза под руководством Нишанова, нарушая все законы и регламент в угоду Горбачеву, разрешил арестовать народных депутатов, не имея для этого никаких оснований. Не проводя даже голосования. Тем более – не заслушивая депутатов, которых прокуратура намерена арестовать.

Я считаю, что фактически был арестован за то, что, как показал свидетель Горбачев, вел себя активно в беседе на его даче в Крыму, т. е. сообщил ему горькие слова упрека офицеров армии о его бездеятельности в условиях, когда разваливается страна. Горбачев дал прямые указания – арестовать и судить, назвав перед этим всех преступниками и определив состав их преступления. А кто из его окружения мог ослушаться? Да и при

чем здесь закон? Ведь к этому времени никто в стране не выполнял ни законы, ни Конституцию, ни тем более указы президента.

Особым долгом считаю высказать свое отношение к следующей записи Обвинительного заключения – том 1, л. д. 10.

Цитирую: «Для обеспечения практической деятельности ГКЧП, поддержания режима чрезвычайного положения, Язовым, Крючковым и Пуго были задействованы Вооруженные Силы, а также спец. подразделения КГБ и МВД СССР». Конец цитаты. Даю пояснение, т. к. это меня тоже касается.

Во-первых, не Вооруженные Силы, а только несколько частей Московского военного округа и Воздушно-десантных войск, и только в Москве. А все Вооруженные Силы страны были в пунктах постоянной дислокации и никуда не выходили. В Москве же было привлечено из двух дивизий 3806 человек и около двух тысяч от ВДВ. Всего пять тысяч для поддержания порядка в десятимиллионном городе!

Во-вторых, в самой Москве воинские части фактически использовались (были задействованы) не ГКЧП (точнее, не только ГКЧП), а руководством России для охраны Дома Советов и проведения митингов.

В-третьих, части Вооруженных Сил использовались псевдодемократией во всех возможных ролях, в том числе и в роли врага, как это было с западней, в которую попала колонна БМП в районе Смоленской площади. Делалось все, чтобы из этого фактора – Вооруженных Сил – выкачать возможно больше дивидендов для псевдодемократов, используя доверчивость и открытость как руководителей Министерства обороны, так и личного состава войск.

Теперь непосредственно о фактах, по которым обвиняюсь в своих действиях 20 августа.

В первый же день моего ареста, т. е. утром 23 августа (арестован в 3.00) я показал на допросе следующую картину событий.

Подробно зачитаю выдержки из нескольких листов (т. 102) моих показаний. Это очень важно – показания сделаны в первый же день ареста и допроса без адвоката: «Вернувшись из Киева в Москву по указанию министра обороны и разобравшись в общих чертах с обстановкой, я понял, что ни разборка заграждений на проспекте Калинина (для чего мы приготовили 5 инженерных машин разграждения), ни проведение других мероприятий не снимают напряжения вокруг Российского дома и к положительным результатам не приведут. Надо было выводить войска. Переговорили с министром обороны – он сам был склонен

именно к такому решению. Дело в том, что, несмотря на то, что по отношению к Белому дому никаких шагов не предпринималось, экстремистские силы продолжали нагнетать обстановку и во второй половине дня 20.8 взвинтили ее до предела. А это таило в себе тяжелые последствия и могло вылиться в большую трагедию…»

Далее. «Войска из города вывел Язов Д. Т. Он принял по этому поводу вечером 20.8 решение, о чем я знаю, а 21.8 утром объявил его и отдал соответствующим командирам необходимые распоряжения. Мало того, при мне в 7 часов утра говорил с Лужковым и сказал, что окажет помощь в расчистке улиц от завалов».

Продолжая цитировать выдержки из моих показаний того времени и подтверждая их сегодня, обращаю внимание суда на такие слова (том 102, л.д. 46): «Никто и не думал об ущемлении демократии и благополучия народа. Решением ГКЧП создавались условия для поддержания порядка и пресечения возможных действий преступных лиц и организаций.

Введение чрезвычайного положения в столице предусматривало охрану важнейших объектов от возможных их погромов. В том числе: танковая рота МВО охраняла радио России, которое передавало указы президента России и другую информацию в его интересах; танковая рота МВО и батальон десантников охраняли дом Верховного Совета России; батальон прибыл также на охрану Моссовета, но Лужков сказал, что он не нужен, и командующий МВО его убрал.

Не менее примечательно, что с танка МВО выступал Президент России Ельцин (а затем он же, не имея никаких на то прав, незаконно отстранил почему-то командующего МВО Калинина Н. В. от занимаемой должности. Это мог сделать только Президент СССР, но последний не поправил Ельцина. Побоялся. А ведь обязан был это сделать)». Конец цитаты.

Продолжение. Л.Д. 93: «На совещание, которое проводилось Ачаловым и Агеевым в Генеральном штабе, я попал по рекомендации министра обороны с целью изучения обстановки в Москве. Агеев сообщил, что в районе Смоленской площади, гостиницы «Украина» и в других пунктах города отмечены выстрелы из боевого оружия, что это представляет общественную опасность. Отмечено было, что таких вооруженных боевиков много и в Белом доме, и что их надо изолировать и разоружить в первую очередь.

Об этих вооруженных людях говорил и генерал Лебедь, это же подтверждал позже офицер КГБ от Плеханова, который также ходил в Белый дом.

Кроме того, на совещании говорилось, что в Белом доме усиленно ходят слухи о том, что будет штурм, что готовится этот штурм Белого дома».

«Инициатива по взвинчиванию обстановки исходила именно из этого дома. Кому-то это было крайне необходимо. В этих же целях подогревалось и руководство России, которому внушалось, что будет штурм, что их жизням грозит опасность, а вместе с этим нависла якобы опасность вообще над демократией, над государственным строем, Конституцией и прогрессом. На совещании говорилось, что в КГБ имеется отряд, который способен всех незаконно вооруженных гражданских лиц изолировать»…

«Если будут разоружены боевики, то открывается возможность и создаются необходимые условия для встречи руководства. Фактически же все это был пустой разговор. Почему? Я у Ачалова спрашиваю: «Мне непонятно, о каких действиях может идти речь, о каком проникновении в Белый дом можно говорить, когда это здание охраняется десантниками? Как можно даже ставить этот вопрос, если в Белый дом спокойно ходят генералы Воздушно-десантных войск (имеется в виду Лебедь)? Так о каком действии может идти речь?» (л. д. 95)…

«Я унес с совещания у Ачалова недоумение – с одной стороны, идут схоластические разговоры об организации проникновения в Белый дом в условиях, когда его охраняют наши подразделения десантников, а генералы ВДВ свободно ходят по этому зданию; с другой стороны – о необходимости такого проникновения, т. е. надо ли это делать вобще, если мы этот дом охраняем. Одновременно я был убежден, что все присутствовавшие на совещании говорили одно, а будут делать другое, каждому было ясно, что ни о каких действиях в отношении Белого дома не может быть и речи. И формальные рассуждения, и различные реплики являлись только затяжкой времени и имитацией деловитости. Никто не думал реально что-то предпринимать и фактически никто ничего и не предпринимал» (л. д. 115)…

«На этом же совещании был обостренный разговор с генералом Лебедем, после того как он сказал, что если прорываться, то будет много крови. Это вызвало у меня возмущение, и я его оборвал, сказав, что это не его дело. Задача состоит в том, чтобы вообще не допустить кровопролития и даже столкновения. Я ему также сказал: поставлена десантникам задача охранять Белый дом, значит, надо охранять и что он обязан как генерал проявлять оптимизм и воодушевлять людей, а он проявляет пессимизм и сеет среди личного состава панику.

Это заявление было вызвано неправильным пониманием генералом Лебедем обстановки и его роли и места в решении тех задач, которые ему были определены. Ему надо было охранять здание, а не распространять слухи о штурме и не вселять страх в солдат, что они могут при этом погибнуть». Т. е. генерал должен был заниматься своим делом» (л. д. 187).

Таким образом, если мои показания, о которых я говорил выше и которые я давал в августе – сентябре – октябре 1991 года, сопоставить с показаниями других обвиняемых и свидетелей по этому вопросу (я эти показания сейчас приведу), то суду будет видно, что моя оценка этого совещания была реалистичной и мое недоумение было законным. А также будет понятна и моя роль во всем этом деле.

Даю показания других – в подтверждение отсутствия в моих действиях состава преступления.

Показания военных.

1. Министр обороны Д. Т. Язов – том 99, л.д. 207:

«Ачалова я предупредил, чтобы он вместе с работниками КГБ и МВД рассмотрел вопросы действия войск по обеспечению охраны порядка в Москве. О Белом доме речь не шла. После возвращения Варенникова из Киева я попросил его принять участие в рассмотрении мероприятий по координации действий с правоохранительными органами».

1. Начальник Генштаба Моисеев – том 105, л.д. 130: «В Министерстве обороны никаких планов штурма Белого дома не разрабатывалось».

1. Командующий ВДВ Грачев – том 109, л.д. 70. Точнее, даю высказывание следователя, проводившего допрос Грачева:

2. «Из Ваших показаний получается, что реально никто и не планировал штурмовать Белый дом». (Правильный вывод делает следователь.)

2. Зам. командующего ВДВ Чиндаров (том 109, л.д. 96 и 99): «Вообще на совещании у Ачалова задачи по-военному не ставились. План не вырабатывался. Детали не прорабатывались. Никакого плана захвата не было, никаких док ументов по этому вопросу не имелось и не прорабатывалось…

С военной точки зрения так не делается. Все говорило о том, что никто не был заинтересован и не хотел совершать захват здания Правительства России».

Вопрос следователя: «Слышали ли вы на этом совещании чье-либо предложение усилить формирование КГБ (группу А) транковыми подразделениями, разградителями и боевыми вертолетами?»

Ответ: «Такого предложения я на этом совещании не слышал».

1. Зам. командующего МВО Головнев А.А. – том 103, л.д. 221: «План штурма Белого дома при мне не обсуждался, и мне об этом ничего не известно».

2. Командир Таманской дивизии Марченков В.И.: «Распоряжения нашей дивизии о штурме Белого дома нам никто не давал».

Все эти показания уже достаточно убедительно говорят о том, что никакого штурма Белого дома не готовилось, никакого плана на этот счет не создавалось, и никто никому никаких соответствующих распоряжений не давал. Одновременно показано, что все военные структуры подчинялись и управлялись.

Но для полной картины по этому вопросу необходимо привести показания и представителей КГБ:

1. Начальник управления правительственной связи генерал Беда – том 10, л.д. 176: «План штурма здания Верховного Совета РСФСР на совещании не обсуждался. На совещании никаких решений принято не было, и утверждать, что на совещании у Ачалова шел разговор о штурме, я не могу… Так вопросы штурма решаться не могли. И мне кажется, присутствующие понимали, что подобным образом этот вопрос решен быть не может. В ходе совещания не было выработано никакого конкретного плана и решения».

2. Начальник 3-го управления КГБ генерал Жердецкий – том 9, л.д. 220: «Сначала к Ачалову зашли Грачев, Агеев, Прилуков и я. Договорились, как проводить заседание. Потом пригласили остальных. Кроме того, запомнил прибытие Варенникова».

3. Начальник УКГБ г. Москвы генерал Прилуков, – том 9, л.д. 232: «Нашу позицию на совещании у Крючкова об отказе от всех насильственных действий поддержали все, в том числе Ачалов, Варенников и Громов».

4. Зам. начальника УКГБ г. Москвы Корсак – том 9, л.д. 210: «Отношение к штурму Белого дома присутствовавших определять затрудняюсь, т. к. обсуждения не было».

5. Наконец, показания председателя КГБ СССР Крючкова В. А. – том 2, л.д. 15. Следователь: «Был ли приказ или устное указание на штурм Белого дома?» Ответ: «Нет! Мы знали, что в Белом доме было определенное число боевиков. Они были вооружены… Позже оказалось, что у них в Белом доме был свой ОМОН – кооператив «Алекс». У гостиницы «Украина» стреляли по БМП.

Возник вопрос – как нейтрализовать опасность, которая создавалась в районе Белого дома. Агеев и Карпухин получили

задание устранить опасную ситуацию. Я дал согласие на проработку этого вопроса с МО и МВД… Конечно, сил у МО МВД и КГБ было вполне достаточно для того, чтобы решить задачу в отношении Белого дома. Но политические соображения плюс нежелательные жертвы – это должно быть на первом плане.

Речь могла зайти (если разбирать идею штурма) о том, чтобы войти в Белый дом и обезоружить находившихся там людей – вооруженных боевиков.

Но и это было не решение, а всего лишь один из вариантов… Никакого решения о штурме Белого дома не принималось. Но из Белого дома шли призывы к неповиновению… Никаких препятствий со стороны военных для прохода в Белый дом не чинилось. Однако ораторы у Белого дома призывали людей к разгрому ГКЧП. Я не виню ораторов – они просто ничего не знали о ГКЧП. Но беспорядки могли быть. События могли выйти из-под контроля. Поэтому возник вопрос о разоружении лиц в Белом доме (после этого – договориться)… Конечно, технически операцию можно было провести. О каком-либо отказе исполнителей от проведения операции я не слышал. Да и не мог слышать, потому что команды на ее проведение не было».

Итак, о штурме вопрос не стоял, а о разоружении боевиков говорили.

Мне не известно ни одного случая отказа подчиненных от выполнения распоряжений начальников – правомерны эти распоряжения или нет. Все команды выполнялись беспрекословно. И никто из следствия ни одного примера неповиновения не привел. Но по этому поводу уместно отметить, что различного рода политиканы в августе 1991 года и сейчас продолжают эксплуатировать мысль: «Армия не поддержала ГКЧП и осталась на стороне народа». Несложно понять цель таких заявлений – настойчиво продолжать внушать, вдалбливать народу ложь об антинародном характере ГКЧП. Тем самым отвести от себя удар, избежать ответственности за развал Союза, за нанесение ущерба суверенитету, государственной безопасности и обороне страны, за развал экономики, обнищание народа и за другие аномалии, а также за изменение и деформацию общественного и государственного строя. Вот это-то как раз и является преступлением.

Таким образом, и подсудимые, и свидетели, не договариваясь и не имея такой возможности, говорят об одном и том же. Но самое главное, что на совещании не проводилось обсуждения применения военной силы, как записано в Обвинении, для захвата здания Верховного Совета России и тем более – захвата руководства Российской Федерации (о последнем вообще никто

ничего и нигде не говорил). Следовательно, и мое присутствие на таком совещании никак не могло повлиять на решение как первого, так и второго вопроса, т. е. ни о захвате здания, ни о захвате руководства.

Теперь – о второй части обвинения по 20 августа. По этому вопросу в томе 4 Обвинительного заключения есть даже два варианта обвинения.

Первый (л.д. 140): «Для усиления намеченных для участия в штурме подразделений Варенников, возвратившийся по указанию Язова из Киева, отдал приказ подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов».

Второй (л.д. 157): «Для реализации этих планов (т. е. планов захвата здания Верховного Совета РФ и захвата руководства РФ) Варенников отдал указания подготовить три танковые роты и эскадрилью боевых вертолетов с боезапасом».

Совершенно разный смысл. Ну, разве все это не может вызвать недоумение? Хотя и то, и другое – вымысел авторов обвинения.

Придерживаясь истины и принципа – говорить только правду, я обязан заявить, что к этому абсурдному обвинению необходимо присовокупить еще одно – мною было отдано распоряжение подготовить и доставить вечером 20.8 в Москву пять инженерных машин разграждения. По этому вопросу я также намерен дать показания.

Теперь по существу обвинения. Прошу обратить внимание Суда на то, что все это происходит 20.8, во второй половине дня. А накануне, т. е. 19.8, все войска были приведены в повышенную боевую готовность, по которой во все виды боевой техники, в том числе и вертолеты, и танки, загружается боезапас. Следовательно, вертолеты и танки, о которых идет речь, уже были с боезапасом. Мало того, танки к этому времени уже были в Москве.

Уже 20.8 в разговоре с министром обороны просматривалось, что надо поправлять положение в районе Белого дома и что в этих условиях (в интересах разрядки обстановки) надо войска из города выводить. Спрашивается, если министр обороны думает о выводе войск, то как я мог думать о другом? Тем более о штурме? Просто странно.

Таким образом, подводя итог по предъявленным по 20-му августа обвинениям, можно утвердительно сказать, что ни принятие участия в совещании, которое проводилось в Генеральном штабе, ни отданные мной указания по танкам, инженерным машинам разграждения и вертолетам не несли в себе признаков преступного деяния.

Принятие участия в совещании имело цель изучить

сложившуюся обстановку в Москве в целом и подробно вокруг здания Дома Советов РФ для принятия решения на последующие действия.

Применение танков мыслилось как запасной вариант на случай, если не будут поданы инженерные машины разграждения для наведения порядка – расчистки магистрали Калининского проспекта и других районов (точнее, для растаскивания стоящих на проезжей части машин и троллейбусов).

Применение вертолетов мыслилось проводить для воздушной разведки района Красной Пресни, маршрутов выхода войск из города и сопровождения частей во время совершения марша.

То, что мною были отданы только предварительные распоряжения и не было поставлено конкретных задач, – вполне логично: конкретные задачи могли быть поставлены только после объявления министром обороны решения о выводе войск.

* * *

Общий итог по разделу предъявленного обвинения.

Первое. В план срыва подписания Союзного договора 16 августа 91 г. министром обороны маршалом Д. Т. Язовым я не посвящался, как это записано в Обвинительном заключении, да и такого плана в природе не существует, так же как никто на меня не делал ставку по обеспечению режима чрезвычайного положения.

Нигде в материалах предварительного следствия вы, уважаемый Суд, не найдете ни одного доказательства по событиям 16 и 17 августа, подтверждающего существование какого-то плана «срыва Союзного договора». Руководители прокуратуры выдают желаемое за действительное. Хотя теперь я понимаю, почему это произошло.

Господа Степанков и Лисов, видимо, знали, что их литературное творение может вызвать интерес у читателей лишь в том случае, если в нем будет присутствовать соответствующая детективная атрибутика типа: «Дата выступления», «План срыва Союзного договора», «Изоляция президента», «Захват власти» и т. п. Конечно, все это звучит! Интригует.

Более того, я выскажу предположение, что и текст Обвинительного заключения составляли не только юристы. Поэтому выдвинутые обвинения являются умышленно надуманными.

Второе. Открытой ложью звучат утверждения Обвинительного заключения и по 17 августа 1991 г. при встрече

на объекте КГБ АБЦ, где якобы были оговорены вопросы: по изоляции президента; о составе ГКЧП; оглашены документы ГКЧП; обсуждены вопросы взаимодействия МО, МВД и КГБ; а также о том, что надо заручиться поддержкой республик, что была определена дата выступления на 18 августа и, наконец, что направляемая в Крым группа должна была предъявить Горбачеву ультиматум – либо он вводит чрезвычайное положение, либо он уходит в отставку. Ни одно из положений не нашло подтверждения на завершающей стадии предварительного расследования и сейчас, в судебном разбирательстве.

Лишь факт организации поездки в Крым действительно имел место, но цели преследовались иные в сравнении с обвинением, а именно: предложить президенту, а не предъявлять ему ультиматум (хотя как народные депутаты мы могли бы и потребовать) – объявить ЧП в ряде районов страны и т. д.

Третье. Ни на одно из обвинений, перечисленных по 18-му августа 1991 г., нет ни единого обоснования. В том числе о принуждении президента уйти в отставку, так как этого не было, как и не было его изоляции. Он, Горбачев, использовал сложившуюся ситуацию и организовал самоизоляцию, рассчитывая на многое. Но сами события подтвердили крайнюю ограниченность такого его решения.

Следовательно, все обвинения следствия, касающиеся 18 августа, – очередная фантазия, не имеющая ни малейшего подтверждения. Хотя сегодня приходится только сожалеть, что все мы, являясь народными депутатами, могли потребовать от Горбачева сдать пост президента – как условие крайней необходимости, что предусматривал УК РСФСР.

Четвертое. Обвинение, предъявленное в связи с моим пребыванием в Киеве 18, 19 и 20 августа 1991 года, еще более возмутительно и абсурдно. Я не только не требовал от руководителей Украины введения на Украине чрезвычайного положения, а наоборот – внес предложение, обеспечивающее спокойствие и стабилизацию ситуации в республике. Что касается трех областей запада Украины, то они действительно вызывали у меня сомнения. И последующие события 1991, 1992 и 1993 годов подтвердили правильность моих опасений.

В беседах в Киеве о ГКЧП вообще не шло речи, и это подтверждается показаниями руководителей Украины. А направление в Москву на имя ГКЧП телеграмм любого содержания совершенно никого ни к чему не обязывало, а только позволяло старшему органу ориентироваться в обстановке, а также в оценке лицами, находящимися за пределами Москвы, и той ситуации, которая сложилась на Красной Пресне.

Ложь и полуправда об этом периоде – вот основание, на которое опирается обвинительное заключение.

И, наконец, пятое. Вторая половина 20 августа 1991 года. Ни мое участие в совещании, проведенном в Генштабе, ни отданные мной предварительные распоряжения о возможном применении инженерных машин разграждения, танков и вертолетов без конкретного определения целей и задач их использования, так как министром обороны Д. Т. Язовым решение о выводе войск еще не объявлялось, не несли в себе даже признаков преступного деяния.

Таким образом, анализируя каждую позицию следствия и подводя общий итог Обвинительному заключению, я вправе сделать однозначно следующие выводы.

Во-первых, в нашем законе говорится (статья 7 общей части УК РФ), что преступлением признается предусмотренное особой частью настоящего кодекса общественно-опасное деяние, посягающее на советский (именно – советский) общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства (именно – социалистическую!), социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное посягание на социалистический правопорядок. Это – общественноопасное деяние.

Но все мои деяния, как и деяния моих товарищей в августовских 1991 года событиях, были направлены не против советского общественного и государственного строя. Эти деяния, их сущность не выражала посягательства на социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность. Наоборот, все было направлено только на защиту всего этого! Об этом свидетельствуют и изданные ГКЧП документы, и все его действия.

Так же, как не было посягательства на личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан. И вообще все было направлено на сохранение и утверждение социалистического правопорядка, который, к сожалению, рушился и продолжает рушиться, чего никто не может отрицать. Поэтому общественная опасность, которая могла быть выражена реально причиненным вредом перечисленным объектам или реально содержала бы в себе такую возможность причинения вреда, фактически отсутствовала!

Во-вторых, о Президенте СССР Горбачеве как о личности, т. е. как гражданине и как должностной фигуре.

Поскольку следствием Горбачев признан не потерпевшим, а свидетелем, то вопросы о нанесении ему ущерба как личности или ущемлении его гражданских прав отпадают.

Руководители страны 17 августа, после обсуждения и

изучения обстановки в государстве, решили не звонить Горбачеву, а послать к нему группу и предложить с учетом критического положения принять адекватное решение. Все были уверены, что такое решение будет принято, потому что другого выхода из этой ситуации не могло быть.

В сложившейся обстановке, которую доложила руководству страны группа, вернувшаяся из Крыма, ясно вырисовывалась главная опасность. Горбачев, никак не желая ввязываться в процесс пресечения теневых тенденций в экономике, межнациональных отношениях и пресечения преступности, одновременно намерен был подписать проект Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве, что фактически означало узаконивание развала Союза. Этого нельзя было допустить, и руководство страны, находясь в условиях крайней необходимости, создает ГКЧП и принимает решение – временно передать функции президента вице-президенту, одновременно еще надеясь, что Горбачев правильно оценит обстановку даже лично для себя и подключится к действиям ГКЧП.

Конечно, если ГКЧП и его решения рассматривать в отрыве от складывающейся в стране ситуации, их можно условно (подчеркиваю – условно) назвать не совсем конституционными. Почему условно и почему не совсем конституционными? Формально на несколько дней предполагалось передать обязанности президента вице-президенту в целях срочной стабилизации обстановки. Формально решения по этим вопросам принимал не Горбачев. И эти обстоятельства никто не отрицает, в том числе и я.

Однако фактически ГКЧП действовал не от своего имени, а от имени народа, который выразил свою волю на референдуме о необходимости сохранения Союза. Поэтому фактически действия ГКЧП были направлены на сохранение нашего Отечества – Советского Союза, отвечали интересам защиты нашей Родины, в измене которой меня и моих товарищей обвиняют.

Теперь о чисто юридической оценке наших действий. Действуя в состоянии крайней необходимости, устраняя единственным имеющимся у нас путем опасность развала страны, когда устранить ее при данных обстоятельствах другими средствами было невозможно, я и все остальные действовали абсолютно конституционно, законно и обоснованно. Состояние крайней необходимости есть состояние критическое. Действия, которые мы совершили и которые вытекают из этого состояния, никакой опасности не образуют, ибо они являются абсолютно конституционными.

* * *

Итак, деяния ГКЧП совершены в состоянии крайней необходимости, т. е. в интересах устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, что реально выражалось в недопущении развала Советского Союза. Опасность была в наличии – сам проект договора по схеме 9 плюс 1 уже говорил о выпадении из Союза ряда республик. Источником такой опасности был, в первую очередь, Горбачев – Президент СССР. Реальные условия причинения этого вреда стране, т. е. ее развала, уже были созданы, и это не мнимая, а действительная опасность – сроки и место подписания договора уже были определены и согласованы. Других средств, другого пути, как я уже сказал, другого выхода в это время не было: 20 августа должен был быть подписан новый Союзный договор, а 19 августа предпринимается этот шаг и оглашается всему народу. Что касается ГКЧП, то и он, предполагалось, должен был быть утвержден или отвергнут на Верховном Совете СССР. Ведь неконституционно созданный Горбачевым в 20-х числах августа Госсовет только 5 сентября был утвержден съездом народных депутатов СССР. Хотя съезд, в свою очередь, был разогнан Горбачевым сразу же, на следующий день – 6.9.91 г.

Что же касается соотношения причиненного и предотвращенного вреда, то здесь эти величины просто несопоставимы: вред нанесен только личному престижу Горбачева, который предал свой народ! Но ГКЧП делал все во имя спасения Отчизны! Участвующие в этих событиях военные, кроме того, во имя достижения цели, т. е. во имя безопасности Отчизны, обязаны были и рисковать своей жизнью – так записано в Комментариях к УК.

Таким образом, деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, было вызвано объективной необходимостью, и оно законно…»

* * *

Два дня, в течение которых я давал показания, были очень напряженными. По окончании заседания ко мне подходили многие товарищи, поздравляли с ярким и смелым, как они говорили, выступлением.

Особенно тепло отозвался о моей речи Владимир Александрович Крючков. По его мнению, мол, показания были аргументированы и убедительны, честны и справедливы…

Горбачев перед судом

Главное внимание участников суда, средств массовой информации и граждан, присутствовавших на заседании и собиравшихся перед зданием Верховного Суда, было приковано к Горбачеву. О дне его прихода на заседание было известно заблаговременно. Поэтому «Трудовая Россия» во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым встретила его так, как он того заслужил.

Народу собралось очень много, но и милиции было не меньше. Переносными ограждениями определили границы участка, где было позволено стоять митингующим. С проезжей части дороги всех вытеснили на тротуары. Народ стоял с плакатами, огромными карикатурами на Горбачева и постоянно скандировал: «Горбачев – иуда!», «Горбачев – предатель!», «Горбачева под суд!» и т. п.

Но когда Горбачев подкатил к центральному подъезду – народ взревел! Творилось что-то неописуемое. В него полетели помидоры, яйца, какие-то коробки. И, несмотря на то что от проезжей части до входа милиция сделала «коридор», Горбачев и его спутники (он приехал с дочерью и помощниками) еле проскочили в здание.

Со временем в сознании людей стирается все, что в свое время натворил Горбачев. Может, потому, что его преемник Ельцин «затмил» Горбачева. А тогда все – и развал страны, и разграбление страны, и «война законов», и пустые полки, и разрыв экономических связей, и непомерный рост преступности, и нарождение капитализма, и холуйство перед Западом, и все то, что привело нас к краху, – все это еще было слишком свежо в памяти…

Допрос Горбачева длился два дня. Он стал единственным свидетелем, который давал показания так долго. Первый день его допрашивали суд, государственный обвинитель и защитник. А на второй день вопросы задавал я. Весь день. С утра и до вечера, с часовым перерывом на обед.

В первый день особое внимание Горбачеву уделили прокурор А. Данилов и народный судья генерал В. Подустов. Своими вопросами, особенно о развале Советского Союза, они буквально загнали Горбачева в угол. Доведенный до «белого каления», Горбачев начал выкрикивать: «Я понял, куда я попал!», «Я понял, что это за суд!» и т. п. Но председательствующий его осадил, успокоил и предупредил, что судебное следствие идет в рамках закона и никаких нарушений нет. И тогда народный судья В. И. Подустов с еще с большим вниманием продолжил допрос.

Вообще-то Горбачев участие в суде хотел использовать для поднятия своего политического имиджа. Впереди были выборы Президента России. Возможно, он рассчитывал как можно более эффектно разделаться с Варенниковым, чтобы идти на выборы. Но его планы были разрушены уже в момент появления у здания Верховного Суда. А потом начались сплошные «спотыкания», начиная с первой фразы его показаний. На вопрос председательствующего: «Как вы относитесь к Варенникову?»– Горбачев ответил: «Нормально, уважительно». На такой же вопрос, заданный мне, я ответил, что отношусь к нему (Горбачеву) с неприязнью. Это уже наложило отпечаток на атмосферу допроса свидетеля.

Впрочем, первые осложнения Горбачев создал себе сам. В начале своего выступления он сказал:

– Уважаемый суд! Я долго думал о том, идти мне на этот суд или не идти?

– То есть как это: идти или не идти? – перебил его председательствующий и посмотрел на Горбачева. Тот, переминаясь с ноги на ногу, ничего толком не смог объяснить. Тогда А. Яськин объявил, как отрубил:

– Если бы вы не явились в суд, то вас бы привели. Вы – свидетель.

Не найдя, как отреагировать на такой оборот, Горбачев долго перебирал свои листочки. А когда наконец собрался с мыслями, то начал жаловаться, какое тяжелое наследство ему досталось. Застойный период, по его мнению, поразил все сферы жизни и деятельности государства. И лишь с началом перестройки народ облегченно вздохнул – гласность и демократия двинули общество вперед.

При этих словах в зале поднялся шум – присутствующие не могли сдержать своего негодования. Председательствующий вынужден был призвать к соблюдению порядка…

Когда Горбачев стал говорить о ГКЧП, его составе и лицах, активно поддержавших этот комитет, он бросил такую фразу: «Вот они сидят все в один ряд. Я каждого из них за уши вытянул на тот пост, который каждый из них занимал. А что они в благодарность сделали?» То есть Горбачев рассуждал прагматически: «Коль я поставил их на эту должность, то они и обязаны мне служить». А как же Конституция? А долг перед народом и Отечеством? Нет, такие категории его не интересовали. Именно ему все должны были служить. Как в рабовладельческом обществе.

Однако к концу первого дня Горбачев скис. Реакция на вопросы стала замедленной. Ответы были вялые. Ушел он из зала

понурый. И уезжал уже не от парадного подъезда, а скрытно, со двора, чтобы не попасть на глаза народу.

На следующий день он также тайно со двора пробрался в здание суда и присутствовал на заседании уже с сокращенной свитой (в частности, не приехала его дочь, и правильно сделала: зачем позориться?!). Весь этот день вопросы задавал Горбачеву я. Правда, половину из них председательствующий снял, так как, по его мнению, они носили политический характер, но на половину Горбачеву все же пришлось давать ответы. Но уже то, что вопросы прозвучали, позволяло делать выводы о том, что у нас в стране произошло и по чьей вине. Приведу три вопроса.

Обращаясь к Горбачеву, я называл его «свидетель». Он же вначале обращался ко мне по имени-отчеству, затем – только по фамилии. А в какой-то момент взорвался и сказал, обращаясь ко мне: «Вы не забывайтесь: я – свидетель!»– и при этом поднял руку вверх. Затем, резко опустив ее вниз и показывая на пол, добавил: «А вы – подсудимый!» Видимо, хотел подчеркнуть колоссальную разницу между нами: небо и земля.

Естественно, я должен был немедленно отреагировать, что я и сделал: «Верно! Это – пока! Пока вы свидетель, а я подсудимый. Но придет время, и мы ролями поменяемся». Чтобы пресечь полемику, председательствующий периодически вмешивался и предлагал переходить к следующему вопросу.

* * *

Весь перечень вопросов приводить не буду, но некоторые из них приведу.

– Свидетель, – спрашиваю я Горбачева, – скажите, постановления и другие решения Верховного Совета СССР для вас как для президента страны были обязательны, или это касалось только народа, а вы могли их не выполнять?

Понимая, что вслед за этим последует другой и основной вопрос, Горбачев всячески маневрировал, не давая прямого ответа. Видно, прикидывал, что может быть в вопросе.

Я настаивал:

– Свидетель, вы все-таки ответьте на конкретный вопрос: постановления Верховного Совета СССР для вас были обязательны или вы могли их не выполнять? И лишь после третьего захода он вынужден был сказать:

– Да, постановления Верховного Совета мною должны были выполняться.

– Тогда скажите, свидетель, почему вы не выполнили

постановление Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 года? Оно называется «О положении в стране».

В констатирующей части этого постановления говорится, что в стране у нас создалась чрезвычайная обстановка. А в постановляющей части давалась рекомендация: Президенту СССР принять адекватные, т. е. чрезвычайные меры по наведению порядка. Почему вы не выполнили это?

Естественно, Горбачев прямо не отвечал, а развернул демагогию, как он это умеет делать. Перебивая его, я говорю:

– Мы к вам в Крым приехали в августе 1991 года. Это через девять месяцев после того постановления. И приехали с теми же предложениями, что и в постановлении, т. е. о введении чрезвычайного положения там, где этого требовала обстановка. И если бы еще в конце 1990 года были бы приняты меры, как записано в постановлении Верховного Совета, то, может, не было бы и событий в августе 1991 года. Почему вы не выполнили постановление?

После длительного горбачевского словоблудия я, обратившись к председательствующему, сказал, что свидетель умышленно затягивает время, уходит от ответа, поэтому я предлагаю перейти к следующему вопросу.

Генерал В. Яськин согласился и предложил задать следующий вопрос. Я спрашиваю Горбачева:

– Свидетель, скажите, после того, как мы побывали у вас на даче в Крыму, вы считали себя еще президентом или считали, что вы уже лишились этого поста?

Вопрос, конечно, был неожиданным и принципиальным. Чувствовалось, что Горбачев не был готов к ответу, поэтому и начал издалека. Послушав несколько минут характерную для Горбачева демагогию, я вынужден был прервать его и вновь повторить вопрос:

– Скажите прямо: вы считали, что оставались президентом, или считали, что вы уже не президент?

Горбачев опять начал рассказывать обо всем, но не отвечал на вопрос. Я понимал, что ему надо выиграть время, чтобы сообразить, что для него выгодней. И он, естественно, мысленно метался, а посоветоваться было не с кем – главный советник (Раиса Максимовна) отсутствовал. Когда стало ясно, что Горбачев прямо отвечать на поставленный вопрос не хочет, я вынужден был обратиться к суду:

– Уважаемый суд, прошу вас заставить свидетеля ответить на конкретный вопрос!

– Вы знаете, вам придется ответить, – заключил генерал В. Яськин.

Загнанный в угол, Горбачев, немного помешкав, сказал:

– Я оставался президентом.

Я поворачиваюсь к суду и заявляю:

– Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти. Скажите, какую власть я хотел захватить? Если законодательную, то она сидела в «Матросской тишине» рядом со мной в лице Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова. Если исполнительную, то она в лице председателя Правительства Валентина Сергеевича Павлова и силовых министров тоже сидела в одних стенах с нами. В отношении судебной власти ко мне никаких претензий нет. А вот этот свидетель сейчас сказал, что он как был президентом, так им и остался. Какую я хотел захватить власть? Конечно, в этой обстановке положение председательствующего было сложным, но он быстро нашелся и сказал:

– Валентин Иванович, это мы еще обсудим, а сейчас давайте перейдем к следующему вопросу.

– Свидетель, – снова обращаюсь я к Горбачеву, – сейчас я задам вам вопрос, в котором будет мало комфорта. Но я вынужден его задать.

И сделал небольшую паузу, Горбачев заерзал (его посадили на стул, он уже не мог стоять). Глядя ему в глаза, я продолжил:

– Скажите, свидетель, почему вы в итоге своей деятельности стали ренегатом в партии и предателем своего народа?

Конечно, никто никогда подобного ему не говорил. Он сразу вскочил и начал кричать: «Это произвол, это недопустимо! Что здесь вообще происходит? Почему его не приведут в порядок?» В этом же духе он продолжал «выступать» еще несколько минут. Председательствующий тоже поднялся со своего места и стал его успокаивать, говоря, что все идет в рамках судебной процедуры… Я смотрел на эту перепалку и думал: «Вот это надо было сказать Горбачеву раньше, хотя бы в 1987–1988 годах. Может, тогда и не было бы такой трагедии».

Выяснение отношений закончилось, и Горбачев, подводя итог, сказал:

– Я подам на него в суд!

– Это ваше право… Можете подавать в суд по месту жительства, – отреагировал В. Яськин.

А я подумал: «Вот будет хорошо, если он подаст в суд. Ведь у меня миллионы свидетелей».

Все сели на свои места, успокоились. Обычно председательствующий вопросы, носящие политический характер, снимал. В данном случае из-за поднятого Горбачевым переполоха вопрос снят не был. Но Горбачев не ответил, почему он предал

народ. Тогда я в наступившей тишине громко говорю:

– Так я жду ответа!

Горбачев беспомощно развел руками, а председательствующий, словно спохватившись, объявил, что вопрос снят, так как носит политический характер. Верно, но ведь он освещает истину – кто предал наш народ.

* * *

Наверное, за всю свою жизнь Горбачев никогда не испытывал такого принародного унижения, как на этом суде. Было позорище и на заседании Верховного Совета РСФСР, когда Горбачев стоял на трибуне, а к нему подошел Ельцин и тыкал Горбачеву в лицо бумаги и требовал – вот, читай. И тот читал. Но это был эпизод. А здесь два дня допроса его в качестве свидетеля, два дня позора. Однако Горбачев мог его избежать, избери он положение не свидетеля, а потерпевшего. Потерпевший мог на судебный процесс не являться. Но ни высшее юридическое образование Горбачева, ни руководство Генпрокуратуры, которое дало Горбачеву право выбора, в какой роли ему выступать, ни ближайшее окружение не подсказали ему, как правильно себя вести на суде.

Однако, наверное, мы зря беспокоимся по поводу того, что Горбачеву доставлены неприятности. Видимо, лично он на все это смотрит проще, практичнее и спокойнее, чем мы думаем.

Взять хотя бы случай с его женой Раисой Максимовной. Как он переживал, когда она умерла! Сколько слез, сколько страданий… Но не прошло и полугода, как мы видим Горбачева – улыбающегося, жизнерадостного! – в кругу московской элиты, встречающей Новый, 2000 год.

Вот тут весь Горбачев…

Уроки и выводы

Настало время для моего последнего слова на суде. Я, в частности, сказал:

«1. Проведенный судебный процесс, независимо от решения Генпрокуратуры по поводу моего ходатайства, на мой взгляд, уже показал и осветил вопрос – почему и в угоду кому был развален Советский Союз и кто организатор этой трагедии.

2. Как бы политические структуры ни маневрировали, стараясь увести народ от главного, никогда с повестки дня жизни России не будет снят вопрос о расследовании трагедии насильственного разлома нашего Отечества.

В этом расследовании тоже заложен гражданский мир и согласие.

3. Годы перестройки и последующее время, так сказать, демократических преобразований говорят только об одном – необходимы законы, обеспечивающие Свободу и Право человека, а не только декларирование этого.

Плюс законами должны быть созданы законопослушные исполнительные органы, а также органы, объективно осуществляющие надзор за выполнением законов. Законы должны действовать. Например, принят закон о выборах – надо проводить выборы по закону.

4. Очевидно, уже пришло время (все-таки прошло три года), когда историкам, писателям, политологам, журналистам можно было бы уже включиться в исследование трагедии, постигшей наше Отечество. Ведь не было у нас в истории такого тяжелого горя. Событие эпохальное, историческое для всего человечества.

5. Какие бы коллизии еще ни ожидали наше общество, что бы ни происходило с различными структурами государства, каждый честный человек должен думать о своем Отечестве и действовать в меру своих сил и возможностей на его благо.

Нельзя допустить, чтобы народ ослеп, оглох, потерял надежду и полностью утратил веру.

6. Никогда нельзя строить иллюзий, уповая на чудо, которое якобы придет к нам с Запада или Востока. Никто нам просто так не поможет. Судьба наша в наших руках.

Стратегический план разрушения всех государственных и общественных институтов СССР – это вовсе не борьба с коммунизмом и не главная причина «холодной войны». Это была идеологическая ширма, за которой скрывались истинные причины. А они имеют глубокие исторические корни. Они же связаны с объективными законами дальнейшего развития

наиболее благополучных стран. Дело в том, что техника и технология (особенно в области энергетики) достигли своего естественного предела. Последующее повышение их эффективности без дополнительного вливания сырья невозможно. А сырье – у нас.

7. Предатели нашего народа нервничают. Вчера в своем интервью радио «Свобода» Горбачев, узнав о том, что происходит на нашем суде, заявил: «И это мы идем к правовому государству?»

Видите ли, он вел к правовому государству, пока его полностью не развалил. Что ж, чувство нервозности – для него характерное чувство. Боится. Знает, что его ожидает.

8. Государственный комитет по чрезвычайному положению был создан руководством страны только во имя сохранения Союза и защиты Советской Конституции, а не наоборот, как это стараются представить Горбачев и Генеральная прокуратура РФ.

Странно, они здесь едины.

Можно было бы объяснить – почему, но это и так видно. Главное – это то, что ГКЧП был создан в положении крайней необходимости, а это снимает все вопросы.

9. Патриотические, честные, благородные силы в нашем обществе проявляют себя все больше и больше. Они есть и среди тех, кому доверено самое высокое – Право, Закон.

Особо я обязан отметить мужественные поступки прокурора Генеральной прокуратуры Аркадия Борисовича Данилова, адвоката Дмитрия Давидовича Штейнберга.

Несомненно, их поступки войдут в историю, как и весь этот судебный процесс. Что бы у нас на суде ни было, какие бы обострения ни принимал процесс – все двигалось к раскрытию истины.

* * *

…После августа 1991 года Горбачев стал калифом на час. Но свое окончательное гнусное дело в отношении страны успел сделать: умышленно арестовал и посадил в тюрьму председателя Президиума Верховного Совета, премьер-министра, министра обороны, председателя КГБ (министр внутренних дел якобы застрелился), секретаря ЦК КПСС, заместителя председателя Совета обороны, руководителя администрации Президента, ряд народных депутатов СССР.

Этим самым он сразу решал в своих интересах ряд задач: не только обезглавил все основные законодательные, исполнительные и партийные структуры, силовые министерства,

но и нагнал тем самым страх на всех, кто в этих структурах остался. Полностью их нейтрализовал и сделал недееспособными. Этим шагом он также убрал всех и все, что ему мешало, и открыто, цинично заявил: «Теперь на нашем пути нет никаких преград». Арестовав, он также отомстил тем, кто осмелился у него на даче отключить телефон или вел себя недостаточно, на его взгляд, корректно.

Отомстил! А удовлетворение этого чувства (так же, как и популярность, корыстолюбие, меркантильность, барство) было неотъемлемой частью его внутреннего содержания. Хоть в этой книге уже об этом говорилось, но я хочу еще раз повторить: еще на съезде народных депутатов СССР во время обсуждения кандидатуры Горбачева на пост Президента, народный депутат от Кемеровской области Теймураз Авалиани буквально выкрикнул с места: «Одумайтесь, кого вы выбираете? Я его прекрасно знаю и много лет слежу за его работой – это пустой человек, он загубит страну. Он никогда ни о ком и ни о чем не заботится, кроме себя и своих ближних, а также вышестоящих начальниках. Это мстительная и коварная личность. Он не может быть Президентом!»

Это были слова пророка. Но Горбачева небольшим большинством все-таки избрали. Совершена роковая историческая ошибка. И эта ошибка уже реально сказалась на всем последующем времени, в т. ч. и в августе 91 года. Обезглавив и парализовав все, что могло хоть как-то сопротивляться антиконституционным действиям, Горбачев открыл путь сепаратизму и экстремизму. Умышленно!

Но Горбачев и сейчас, на суде, продолжал настаивать на том, что этот путь был открыт выступлением ГКЧП. Изложенный выше аргумент убедительно показывает явную неуклюжесть Горбачева. Мало того, резонно спросить у него – а кто породил и вырастил, вооружил и вдохновил на действия этих сепаратистов и экстремистов? Ведь в стране до 1985 года малейших признаков всего этого не было и невозможно было, чтобы такое появилось. Это не отвечало интересам народа.

Резонно, что сегодня наши люди, измученные тяжелыми испытаниями, проклиная изменников и предателей нашего народа, одновременно жестко упрекают ГКЧП – почему, взявшись за нужное и большое дело в интересах народа, комитет не довел его до конца?! В этих условиях неубедительным будет ответ, что, мол, нас арестовали. Люди же немедленно спросят, но почему вас арестовали, почему вы позволили это им сделать, ведь у вас была вся сила?!

И я согласен с упреками. Каждый человек в государстве

должен заниматься своим делом и отвечать за свой участок – один пашет, другой сталь льет, третий науку и культуру двигает, четвертый следит за исполнением законов, пятый обеспечивает госбезопасность и оборону страны.

Горбачев с помощью своих «архитекторов» и «прорабов перестройки» хитро и тонко заводил троянского коня в нашу социалистическую крепость (и в нашу страну, и в страны социалистического содружества).

Ведь процветание социалистического лагеря (а в ГДР и Чехословакии было действительно процветание, другие страны тоже жили хорошо) было как кость в горле у Запада, особенно у Рейгана, Тэтчер. Они стали приближать Горбачева (еще с 1984 года) и учить его уму-разуму. Ученик оказался послушным, падким на похвалы и другое… То есть он был для Запада удобной фигурой.

И неудивительно, что первые ростки приватизации были не при Чубайсе, а при Горбачеве еще в 1987–1988 годах, когда начали организовываться так называемые концерны. А его анархический лозунг: «Все разрешено, что не запрещено законом»! – это уже было прямым указанием на развал советской социалистической системы.

Фактически именно Горбачев организовал антинародный переворот! Именно он вогнал стране нож в спину. Проводится референдум, народ высказывается за Союз, а Горбачев готовит договор, узаконивающий развал уникального государства. Это было антиконституционно. И ГКЧП выступил правильно, но проявил наивность, и его членов посадили в тюрьму. А оставшиеся в Верховном Совете, в прокуратуре, КГБ, МО, МВД, ЦК КПСС были подавлены страхом. Никто не выступил.

Наша страна была, конечно, ближе к истинному социализму, чем к капитализму. Об этом многократно еще в 90-м году заявляли многие западные социологи, наблюдая потрясающие даже деформации в социальноэкономической сфере.

Но если, допустим, Горбачев и его клика пришли к выводу, что капитализм для нашего народа лучше, чем социализм, то не надо насильно набрасывать хомут – проведите референдум. Ведь это не рядовой, а судьбоносный вопрос. Ведь референдума по капитализму не было. А Горбачев подло и хитро ввел троянского коня. Используя доверчивость и открытость народа, он вгоняет еще один нож в спину – широко распахивает двери для капитализации.

А наш народ, приученный за 70 лет Советской власти ко многим гарантиям, которые обеспечивает государство, даже сейчас продолжает наивно в это верить…

В итоге хочу отметить следующее. В следственном изоляторе «Матросская тишина» мне было предъявлено первое обвинение. Цитирую:

«Варенников является одним из участников заговора с целью захвата власти и группы лиц, захвативших власть, т. е. подозревается в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

Основанием для задержания Варенникова является тяжесть совершенного им преступления, и, находясь на свободе, он может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу.

Подпись – Белоусов.

23.08.91 г., 5 ч. 45 мин.»

Уже тогда на этом документе я написал: «Не считаю себя участником заговора и цели захвата власти не ставил. Варенников».

То есть с первого часа моего ареста я уже четко и ясно заявил, что в никаком заговоре я не участвовал (его попросту не было) и тем более цели захвата власти не ставил, ни я, ни другие. У всех власти было достаточно…

И сколько бы в последующем ни проходило допросов, сколько бы все новых обвинений мне ни предъявлялось, я никогда не сомневался в своей невиновности. Даже наоборот, чем дальше шло следствие, тем больше я убеждался в абсурдности предъявленного мне обвинения, как и обвинения ГКЧП в целом, а также в том, что к истинным виновникам разрушения страны, изменникам Родины и предателям нашего народа меры приняты не были…

Я с горечью и с глубоким сожалением переживаю чувство неисполненного долга – я не все сделал, как и мои товарищи, чтобы не допустить развала нашей Родины.

В этом я каюсь…»

* * *

И вот наконец наступил день вынесения приговора. Снова раздается уже привычная команда: «Встать, Суд идет!» Мы все встаем. Судьи в мантиях с суровыми лицами (так мне показалось) вышли на свои места, но не сели. Председательствующий генерал Виктор Александрович Яськин начал зачитывать текст приговора. На это ушло целых полчаса! В документе одно за другим отметалось обвинение, сфабрикованное Генпрокуратурой.

Чем дальше читал приговор В. А. Яськин, тем больше становилась моя уверенность, что все может окончиться благополучно. Наконец В. Яськин произнес: «Суд приговорил…» – и сделал паузу. У меня сердце оборвалось. Как же так? Вроде все обвинения отметены и вдруг – «приговорил!». Но, оказывается, существует такая судебная формула и она употребляется независимо от меры наказания или вывода суда.

Яськин сказал: «Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь п. 2 ст. 5, ст. ст. 303, 309, 313, 314, 316 и 317 УПК РСФСР, приговорила: Варенникова Валентина Ивановича по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «а» ст. 64 УК РСФСР, оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

Меру пресечения в отношении него – подписку о невыезде отменить.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

Едва председательствующий закончил чтение приговора, как народ и в зале и на улице буквально взревел: «Оправдали! Ура!» Ликование вышло за все рамки – все целуют и обнимают друг друга, плачут, кричат, аплодируют…

Это была Победа! Победа Закона и Права над произволом и беспределом.

Послесловие. Источники катастрофы СССР

У Федора Михайловича Достоевского меня особо привлекают «Бесы». Этот роман, как и многие другие, является, на мой взгляд, уникальным. Некоторые его фрагменты актуальны для нас и сегодня, поэтому я решил привлечь внимание читателя к небольшой выдержке из «Бесов»:

«В смутное время колебаний или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не против тех, так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе…

Эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов… Древнейшие люди вдруг получили перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать».

Это – Федор Михайлович Достоевский.

Основной причиной и источником катастрофы Советского Союза является гниение партии и общества в целом, которое началось с Хрущева. Уже тогда появились признаки смуты и соответствующие «разные людишки». Во времена Брежнева все это тлело, а при Андропове даже могло исчезнуть (будь он у власти 5–7 лет). Но с приходом Горбачева для гниения была создана самая благоприятная почва – все основы партии и общества стали разлагаться и разрушаться. Несомненно, гниение всячески стимулировалось спецслужбами Запада. Это был стержень всей их стратегии.

В свою очередь гниение объясняется тем, что, вопервых, в свое время в партию повалили все кому не лень. И она неизбежно приобрела рыхлые формы и неимоверные размеры. Состояла наполовину из совершенно случайных и даже враждебно настроенных людей. Эти случайные, являясь непосредственно агентами влияния или их пособниками, успешно справились с главной задачей – лишили партию власти, и она под ударами демократов постепенно угасала, утрачивала последние шансы влиять на обстановку и народ.

Во-вторых, во главе страны (т. е. партии, государства и народа) оказались гнусные, презренные личности, которые предали свой народ. Пользуясь его доверием и отсутствием законодательной базы и механизма влияния на главу государства, они умело руководили процессом развала страны и разложения общества, доводя все до необратимости, естественно, при этом прикрываясь, даже в 1990–1991 годах, патриотическими лозунгами.

В-третьих, после хрущевского «потепления» у нас все меньше и меньше стали уделять внимания борьбе с идеологией Запада. Считалось, что «социализм победил окончательно и бесповоротно», так что защищать его от каких-то происков – напрасная трата времени. Да и «пятую колонну» вроде уничтожили. А фактически по причине благодушия прозевали ее возрождение. Мало того, смирились с ее существованием (помните доклад председателя КГБ на Политбюро ЦК КПСС в 1977 году – агенты влияния действуют, а мы никаких мер к ним не принимаем). Те, кому по высокой должности было положено, не занимались разработкой теории социализма применительно к 60-м и 80-м годам с учетом общего баланса сил в мире и геополитического положения Советского Союза, его национальных интересов, государственной безопасности, необходимости повышения уровня благосостояния народа. Они уповали на лаврах достигнутого.

В то же время Запад не только не прекращал борьбы против коммунизма, но и наращивал ее из года в год, применяя наиболее изощренные формы и привлекая к этой борьбе уже верхушку КПСС в лице Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина.

Объявленные так называемые гласность и демократия, как взрыв в омуте, подняли наверх все, что по разным причинам многие годы спокойно или, притаившись, лежало на дне и не проявляло никаких признаков жизни. Образовавшаяся пена стала хорошим прикрытием для уже утвердившихся в стране агентов влияния, которые начали селекционировать наиболее «выдающихся» и с их помощью активно влиять на самые главные политические фигуры в стране, превращая их в перевертышей и предателей Отечества. А народ все ждал перемен к лучшему. Наивно ждал. Хотя уже было понятно, куда нас завели.

Горбачев своими речами нагло обманывал народные массы. Труженики фактически теряли «вкус» к труду, его результаты нивелировались, отсутствовали необходимые стимулы для проявления профессиональных знаний и навыков, моральных и физических возможностей. Туманные обещания и популистские лозунги вконец сбили народ с толку. А поскольку Горбачев

фактически уже допускал (естественно, с подачи Яковлева) не только необоснованное, но и открыто незаконное обогащение, то и в сознании общества происходили деформации. Паразитирующая часть населения стала процветать. Спекуляция, взяточничество, обман, мошенничество, открытое и скрытое хищение государственной собственности, саботаж, рэкет, барское расточительство народного добра – все это становилось обычными явлениями нашей жизни. Так сказать, свобода и демократия!

Учитывая, что у власти была КПСС (точнее, ее элита и чиновничий аппарат ЦК и обкомов), а партийные решения считались законом и даже выше, поэтому и внедрялось в жизнь все то, что считали нужным Горбачев – Яковлев. Они кричали с трибун, что нам надо больше социализма, а на самом деле создавали условия не только для перехода к капитализму, но и процветания крупномасштабной преступности.

Все это было предательством народа, чаяния и надежды которого, устремленные к Президенту страны и генсеку Горбачеву, натолкнулись на ложь и обман.

Это и является причиной того, что произошло со страной в 90-е годы. Гниение достигло апогея. Никто не мог и подумать, что глава нашего государства, которому народ и партия вручили свою судьбу, может предать их, стать изменником Родины и, используя доверие народа и власть, проводить линию Запада на разрушение Советского Союза.

* * *

А можно ли было предотвратить эту трагедию? Разумеется, можно. Но если бы все остальные члены Политбюро (т. е. кроме Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и Медведева) мобилизовались и среди них проявился бы лидер. Или взял бы на себя лидерство А. Лукьянов или В. Крючков. Но ничего этого не произошло. Наоборот, члены Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), навязав всю ответственность Г. Янаеву, формально считали, что он должен быть в ответе, а сами это лидерство своими личными активными действиями не поддержали, продолжая считать себя фактически независимыми. В то же время Геннадий Иванович Янаев, являясь деликатным человеком, не потребовал от каждого члена Комитета четких и жестких действий в целях удержания власти.

В этих условиях Государственный Комитет по чрезвычайному положению не способен был довести дело до конца, несмотря на

то, что в него вошли все силовые министры и даже председатель правительства. Хотя при этом действовал ГКЧП в тесном взаимодействии с руководством Президиума Верховного Совета СССР и представительством Политбюро ЦК КПСС. Но самое главное – ГКЧП имел в руках всю власть.

Мы уже много внимания уделили ГКЧП, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что никому не нужная (даже излишняя) деликатность членов ГКЧП в этих условиях, а также боязнь того, чтобы не были нарушены конституционные нормы, фактически определили исход дела.

Члены ГКЧП заботились, видите ли, о соблюдении Конституции, а не о реальных решительных действиях по спасению страны, что было провозглашено в опубликованных этим Комитетом документах. Да еще заботились, чтобы не было создано лишних тревог для Горбачева и Ельцина. Просто какой-то абсурд: все в руках ГКЧП есть, а действий нет!

А вот Ельцин плевал на все законы, в том числе и на Конституцию, и воспользовался этой нерешительностью ГКЧП.

Конечно, пугала членов ГКЧП и лжедемократическая, а фактически демагогическая обстановка в Верховном Совете РСФСР. Плюс враждебность ко всем высшим союзным структурам, безосновательно порожденная Ельциным среди депутатов Верховного Совета РСФСР.

В итоге троянский конь в лице Горбачева как въехал в 1985 году на престол, так и продолжал пребывать на нем, пока его не столкнул Ельцин, против чего Горбачев особенно (как мы все видели) и не возражал. Да он и не способен был на это возражение. Тем более что Ельцин в пьяном угаре мог ему и морду набить прилюдно.

Загадочный, ни в чем (кроме заискивания) себя ярко не проявивший, Горбачев был выбран наивными и доверчивыми членами Политбюро ЦК КПСС (начиная с А. А. Громыко) и протащен на пост генсека. А тот вместе со своими соратниками Яковлевым, Шеварднадзе и Медведевым открыл все шлюзы: в страну повалило бурными потоками все негодное и ненужное на Западе (особенно из США).

И любой нормальный человек не может не мучиться вопросом: как все это могло произойти? И почему это произошло? Я много раз касался этой темы. Сейчас опять к ней возвращаюсь. И это вполне естественно, так как такой трагедии не было в России за всю историю, не было и в других странах. Естественно также и то, что все объяснения случившемуся многогранны, но суть их сводится к одному – это предательство. А предательство появилось потому, что была подготовлена почва – процессом

гниения, которое организовали силы, начиная с хрущевского «потепления».

Много вылито грязи на Сталина. Придумали даже «термины» – «сталинизм», «сталинщина», дабы еще больше принизить его значение в истории. Но кто из царей государства Российского и вождей нашего народа сделал реально (физически, материально и духовно) больше всего для блага нашего Отечества, чем Сталин? Никто! Тем не менее все эти «умники» утверждают: в стране-де был авторитарный режим. А какой был режим много сот лет до него и десятки лет после него?..

Что касается моих взглядов, то я за авторитарный метод управления именно в то, сталинское, время. Хорошо, что тогда у нас был Сталин. Время такое было. Он создал исключительное государство, Великую Державу.

И дай бог, чтобы наша страна снова стала великой.